

Российская академия наук

Институт философии

В. Е. Лепский

**Методологический и философский
анализ развития
проблематики управления**

Когито-Центр

Москва – 2019

УДК 001.8
ББК 87.6
Л 48

Рецензенты:

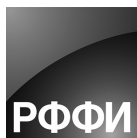
Доктор экономических наук *А. И. Агеев*
Доктор философских наук *В. И. Аршинов*
Доктор физико-математических наук *Г. Г. Малинецкий*

Л 48 **Лепский В. Е.** Методологический и философский анализ развития проблематики управления. – М.: Когито-Центр, 2019. – 340 с.

ISBN 978-5- УДК 001.8
ББК 87.6

Философско-методологический анализ эволюции представлений об управлении проведен в контексте развития научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). Рассмотрена смена базовых парадигм, объектов, видов управления и социогуманитарных трендов развития. Представлены результаты исследований по актуальным научно-практическим направлениям: рефлексивные механизмы управления сложностью; этические аспекты управления; управление саморазвивающимися рефлексивно-активными средами; эволюция технологий управления в информационных войнах; развитие кибернетики от классической и кибернетики второго порядка к кибернетике третьего порядка на основе постнеклассической научной рациональности и трансдисциплинарного подхода.

Монография представляет интерес для специалистов гуманитарных, естественно-научных и технических областей знаний, ориентированных на проблемы управления социальными системами, для студентов и аспирантов, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-111-00063-Д, не подлежит продаже*

ISBN 978-5-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Часть 1 КРИЗИС ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

1.1.	Введение	13
1.2.	Кризис проблематики социального управления	14
1.2.1.	Комплекс вызовов и угроз в проблематике управления	14
1.2.2.	Ограничения в поддержке лиц, принимающих решения в государственном управлении	16
1.2.3.	Проблема организации проектного управления в России	19
1.2.4.	Проблема управления инновационным развитием в России	25
1.2.5.	Проблема стратегического целеполагания в России	29
1.3.	Заключение	34

Часть 2 ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

2.1.	Введение	39
2.2.	Конфигуратор философско-методологического анализа проблематики управления	40
2.2.1.	Конфигураторная модель	40
2.2.2.	Базовые позиции конфигуратора философско-методологического анализа проблематики управления.	41
2.2.3.	Выводы	42
2.3.	Управление в контексте классической научной рациональности	45
2.3.1.	Философский уровень анализа.	45
2.3.2.	Методологический уровень анализа.	45
2.3.3.	Теоретический уровень анализа	46

2.3.4.	Методический уровень анализа	47
2.3.5.	Выводы	51
2.4.	Управление в контексте неклассической научной рациональности	52
2.4.1.	Философский уровень анализа	52
2.4.2.	Методологический уровень анализа.	54
2.4.3.	Теоретический уровень анализа	59
2.4.4.	Методический уровень анализа	62
2.4.5.	Выводы	71
2.5.	Управление в контексте постнеклассической научной рациональности	73
2.5.1.	Философский уровень анализа	73
2.5.2.	Методологический уровень анализа.	75
2.5.3.	Теоретический уровень анализа	77
2.5.4.	Методический уровень анализа	80
2.5.5.	Выводы	85
2.6.	Философско-методологические основания организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред (кибернетика третьего порядка).	87
2.6.1.	Исходные посылки	87
2.6.2.	Структура обобщенной модели саморазвивающихся рефлексивно-активных сред	89
2.6.3.	Базовые ценности и структура базовых принципов методологии организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред	90
2.6.4.	Мировоззренческие принципы саморазвивающихся рефлексивно-активных сред	91
2.6.5.	Принципы субъектности саморазвивающихся рефлексивно-активных сред	100
2.6.6.	Система онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных сред	110
2.6.7.	Двухконтурная организация саморазвивающихся рефлексивно-активных сред	114
2.6.8.	Субъектно-ориентированная информационная модель саморазвивающейся среды (полисубъектный конфигуратор)	116
2.6.9.	Принципы организации взаимодействий в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.	118
2.6.10.	Выводы	119

2.7.	Базовые тренды в проблематике управления.	122
2.7.1.	Систематизация трендов управления социальными системами.	122
2.7.2.	Тренд от деятельностного к субъектно-ориентированному подходу.	124
2.7.3.	Тренд на повышение роли рефлексивной активности	125
2.7.4.	Тренд от информации к субъектно-ориентированным знаниям	135
2.7.5.	Тренд от этики целей к этике стратегических субъектов	140
2.7.6.	Тренд от монодисциплинарности к трансдисциплинарности.	148
2.7.7.	Выводы	153
2.8.	Заключение	154

Часть 3 ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В УПРАВЛЕНИИ

3.1.	Введение	157
3.2.	Междисциплинарный анализ проблемы субъекта в управлении.	158
3.2.1.	Философско-методологический анализ проблемы субъекта в управлении (от классики к постнеклассике)	158
3.2.2.	Проблема субъекта в психологии.	160
3.2.3.	Проблема субъекта в инженерной психологии и эргономике (управленческий аспект).	162
3.2.4.	Проблема субъекта в кибернетике	170
3.2.5.	Проблема субъекта в экономике (анализ Нобелевских премий)	172
3.2.6.	Проблема субъекта в работах Г. П. Шедровицкого и В. А. Лефевра	173
3.2.7.	Выводы	180
3.3.	Анализ субъектности управления российским развитием	181
3.3.1.	Кто является субъектами стратегического развития?	181
3.3.2.	Были ли среди участников перестройки субъекты российского развития?	183
3.3.3.	Готова ли «вертикаль власти» стать субъектом российского развития?	185

3.3.4.	Встает ли Россия на путь инновационного развития?	187
3.3.5.	Есть ли в России стратегические центры развития?	189
3.3.6.	Ориентирована ли национальная безопасность на развитие страны?	191
3.3.7.	Диагноз: бессубъектность российского развития.	192
3.3.8.	Выводы	198
3.4.	Междисциплинарный анализ процессов управления сборкой субъектов развития	199
3.4.1.	Параметры сборки субъектов	199
3.4.2.	Идеализированная модель субъектов сборки	214
3.4.3.	Сборка субъектов в культовых организациях (классика)	225
3.4.4.	Пример сборки субъектов развития в компании «Дженерал электрик» (неклассика с элементами постнеклассики)	231
3.4.5.	Пример сборки субъектов развития в японских предприятиях (постнеклассика).	235
3.4.6.	Выводы	238
3.5.	Заключение	239

**Часть 4
ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ
В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ**

4.1.	Введение	243
4.2.	Технологии управления в информационных войнах (классическая научная рациональность)	246
4.2.1.	Специфика информационных войн в контексте классической научной рациональности	246
4.2.2.	Базовые технологии управления в информационных войнах	247
4.2.3.	Выводы	254
4.3.	Технологии управления в информационных войнах (неклассическая научная рациональность)	255
4.3.1.	Специфика информационных войн в контексте неклассической научной рациональности	255
4.3.2.	Рефлексивные технологии в информационных войнах	256
4.3.3.	Игровой подход в информационных войнах	273
4.3.4.	Сетевые технологии в информационных войнах	278
4.3.5.	Выводы	283

4.4.	Технологии управления в информационных войнах (постнеклассическая научная рациональность)	284
4.4.1.	Специфика информационных войн в контексте постнеклассической научной рациональности	284
4.4.2.	Технологии управляемого хаоса – пример комплексного управления через среду (разрушение субъектности развития)	285
4.4.3.	Технологии информационных войн в сфере инновационного развития.	301
4.4.4.	Асимметричный ответ технологиям информационных войн XXI века: саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды	313
4.4.5.	От информационных войн к партнерству: стратегические ориентиры VII социогуманитарного технологического уклада.	315
4.4.6.	Выводы	319
4.5.	Заключение	320
	Заключение	321
	Литература	323
	Аннотация и ключевые слова	337
	Title, abstract, keywords	338
	Сведения об авторе	339

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес философии к проблемам управления проявился еще в античности, а в современных реалиях он все более возрастает. В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно академику В. С. Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это — *классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональности*.

В монографии представлен философско-методологический анализ эволюции представлений об управлении в контексте развития научной рациональности, особое внимание уделено перспективным направлениям проблематики управления, связанным с постнеклассической научной рациональностью.

Автор выражает особую благодарность своему учителю В. А. Лефевру, В. С. Степину, чьи идеи о научной рациональности легли в основу данной монографии. Автор признателен коллегам за обсуждение затронутых в книге проблем и ценные советы: А. И. Агееву, В. И. Аршинову, В. Г. Буданову, В. С. Диеву, А. Л. Журавлеву, И. Е. Задорожнюку, В. И. Ковалеву, В. А. Лекторскому, Г. Г. Малинецкому, С. Ю. Малкову, Д. А. Новикову, В. А. Петровскому, А. Н. Райкову, Я. И. Свирскому, С. Н. Сильвестрову, Stuart Umpleby, Raul Espejo, Igor Perko.

Светлая память моим наставникам Г. П. Щедровицкому, В. П. Зинченко, Н. Н. Моисееву, А. В. Брушлинскому.

Монография открывает горизонты для большой работы по технологической проработке и апробации на практике предложенных методологических основ развития проблематики управления. Она призывает смотреть в будущее с оптимизмом, несмотря на сложившуюся в стране и мировом сообществе сложную кризисную ситуацию.

Часть 1

**КРИЗИС ПРОБЛЕМАТИКИ
СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

1.1. ВВЕДЕНИЕ

Кризис проблематики управления социальными системами стал отчетливо проявляться в начале XXI в. Налицо потеря управляемости в сфере мировой экономики и финансовой сфере. Усиление несправедливого обмена в экономических отношениях, нарастание международных конфликтов, человечество вновь оказалось на грани очередной мировой войны. Усиление расслоения человечества на богатых и бедных. Несбывшиеся прогнозы формирования среднего класса как креативного класса постиндустриального общества, определяющего образ будущего человечества. Кризис англосаксонской модели демократии. Субъекты управления практически во всех сферах деятельности ориентированы на свои индивидуальные интересы, вне сферы их рассмотрения остаются интересы человечества. Доминирует экономический редукционизм, который порождает всеобщее проявление эгоизма.

Новые риски и угрозы, возникающие в результате перехода к более совершенным механизмам управления, основанные прежде всего на широком внедрении современных цифровых технологий и систем искусственного интеллекта, требуют проведения комплексных междисциплинарных фундаментальных исследований, направленных на выявление и предупреждение этих рисков и угроз.

Однако уже сейчас можно с высокой степенью определенности утверждать, что переход к стратегическому планированию, проектному управлению и цифровой экономике потребует кардинальных изменений в системе отношений государства с обществом, наукой и бизнесом. Требуется консолидация государства, бизнеса и общества, формирование пространства доверия и условий для создания образцов жизнедеятельности, позволяющих стране взять курс на развитие и стать мировым лидером развития и гармонизации всего человечества. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России.

1.2. КРИЗИС ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

1.2.1. Комплекс вызовов и угроз в проблематике управления

Рассмотрим наиболее значимые, на наш взгляд, вызовы в проблематике управления социальными системами и актуальные проблемы реагирования на них. Выделим следующие виды вызовов: методологический, когнитивный, легитимный, этический, научно-дисциплинарный.

Методологический вызов. Его содержание: ограниченность онтологий управления, доминанта классической кибернетической онтологии управления, недооценка активности объектов управления, отрыв проблематики управления от проблематики развития и безопасности.

Поэтому актуальна проблема разработки методологических основ управления, ориентированных на организацию саморазвивающихся сред¹ на основе современных представлений о научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая)².

Когнитивный вызов. Лица, принимающие управленческие решения, подошли к пределу своих когнитивных возможностей в связи с постоянно возрастающей сложностью объектов управления³.

Поэтому актуальна проблема поиска новых механизмов управления, сочетающих иерархические и сетевые подходы, новых механизмов управления в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

Легитимный вызов. Он состоит в том, что сложившиеся англосаксонские механизмы представительной демократии не обеспечивают высокого уровня легитимности властных полномочий.

Актуальна проблема совершенствования механизмов демократии с усилением роли прямой демократии, доминированием «проектной идентификации», повышением организованности в триаде «общество—бизнес—государство».

1 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

2 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

3 *Васильев С. Н., Цвиркун А. Д.* Предисловие // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2010): Материалы Четвертой международной конференции 4–6 октября 2010 г., Москва, Россия. М., 2010. Т. 1.

Этический вызов. Его содержание: отсутствие адекватных современным реалиям этических регуляторов в управлении и научном обеспечении, базирующемся на доминанте классической научной рациональности. Как следствие – снижение социальной ответственности управленцев, рост расслоения между богатыми и бедными, повышение конфликтности в мировом сообществе. Возрастающие эгоизма в управлении на всех уровнях.

Поэтому актуальна проблема разработки концепций и механизмов управления, опирающихся на этические регуляторы, ориентированные на преодоление эгоизма и установление гармонии субъектов и объектов управления. Необходимо стимулирование этики стратегических субъектов¹. Постнеклассическая научная рациональность является примером введения этических регуляторов в науку.

Научно-дисциплинарный вызов. Преодоление всех вышеуказанных вызовов невозможно в условиях отсутствия интеграции областей знания, обеспечивающих в целом проблематику управления. Если для отдельных видов управления, например техническими системами, сложились области знания на основе кибернетики, то для управления различного рода социальными системами сложились междисциплинарные взаимодействия двух-трех областей знания с весьма ограниченными возможностями «удержания» целостности в управлении.

Многообразие и сложность проблем развития в задачах управления, необходимость интеграции практически всех областей гуманитарного знания (как между собой, так и с естественно-научным знанием) в определенной степени могут служить обоснованием актуальности трансдисциплинарного подхода к совершенствованию механизмов управления социальными системами.

Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами невозможно без решения проблемы поиска общих для всех областей знания *концептуальных основ управления*, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания, связанных с задачами управления, и организации модерирования их совместной деятельности. Эти задачи находят свое отражение в различных трактовках трансдисциплинарного подхода².

1 *Лепский В. Е.* Этические модели В. А. Лефевра в контексте развития научной рациональности // Философские науки. 2016. № 8. С. 40–53.

2 *Лепский В.* От монодисциплинарности к трансдисциплинарности в эволюции представлений об управлении // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 543–562.

Актуальна проблема институционализации проблематики управления социальными системами, формирования социогуманитарной (постнеклассической) кибернетики – кибернетики третьего порядка¹. Данная монография фактически закладывает основы такого рода кибернетики.

1.2.2. Ограничения в поддержке лиц, принимающих решения в государственном управлении

В практике управленческой деятельности широкое распространение получила линейная схема поэтапного принятия управленческих решений, которая адекватна классической научной рациональности. Всякий конкретный процесс управления расчленяется на определенные, последовательно друг друга сменяющие стадии, причем всякая предыдущая стадия представляет собой, как правило, необходимую предпосылку последующей (или, по крайней мере, должна быть таковой). Эти стадии, осуществляемые управляющими органами, организациями или отдельными лицами, следуют друг за другом, пока данный управленческий цикл не завершится.

В ряде работ по-разному выделяются этапы управления социально-экономическими системами, причем многие авторы сходятся на том, что основой этих процессов являются процессы принятия решений или решения проблем².

Как правило, выделяются следующие этапы процесса решения проблем:

- анализ ситуаций и постановка проблем;
- выработка и выбор вариантов решений;
- организация выполнения решений;
- контроль выполнения решений.

Данная схема обладает высокой степенью общности по отношению к различным уровням принятия решений – индивидуальному, групповому, организационному и межорганизационному, она и в настоящее время используется в практике государственного управления.

Сформулируем основные недостатки такого подхода:

- доминанта нормативного подхода над субъективным;

1 *Lepskiy V. E.* Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2017. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>.

2 *Ларичев О. И.* Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979.

- акцентирование внимания на многокритериальном выборе решений, а не на решении проблем;
- перекося в сторону анализа по отношению к синтезу решений;
- доминанта информационного подхода;
- недостаток внимания к вопросам постоянного развития управленческой деятельности и ее субъектов, в том числе коллективных;
- ограниченные возможности обеспечения безопасности управленческой деятельности и ее субъектов;
- ограничения этических регуляторов в процессах принятия решений¹.

Доминанта нормативного подхода над субъективным. Доминирующей установкой в управленческой деятельности является фокусировка внимания на формальных моделях, отражающих социальный опыт (нормативных предметно-ориентированных моделях). Это подтверждается и устоявшимся мнением, что подготавливаемое решение должно иметь ретроспективные аналоги, прецеденты. В условиях реформируемой российской экономики и динамичной социально-политической структуры общества подобные подходы имеют весьма ограниченное применение².

Акцентирование внимания на многокритериальном выборе решений, а не на решении проблем. Анализ управленческой практики позволяет сделать вывод, что для руководителей типична ситуация «принятия решений» (выбора) в условиях отстраненности от процессов становления альтернатив. Эта ситуация и ее психологические последствия ускользают, как правило, из поля зрения профессиональных аналитиков. Фактически имеет место «скрытая» редукция творчества к выбору.

Лица, принимающие решения (ЛПР), в большинстве случаев оказываются косвенно вовлеченными в решение управленческих проблем, что отражается на принимаемых решениях (осознанность и прогнозирование последствий, учет этических норм и эталонов, защищенность от манипуляций и др.). ЛПР в буквальном смысле со-

1 *Лепский В. Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

2 *Райков А. Н.* Информационные системы поддержки государственных решений // *Научно-техническая информация. Сер. 2. «Информационные процессы и системы»*. 1995. № 10. С. 28–33.

ответствует своему определению — «лицо, принимающее решения», а не решающее управленческие проблемы. Нередкими становятся случаи, когда, несмотря на формальную правильность организации технологии решения управленческих проблем, ЛПР оказывается не в системе управленческой деятельности, а вне ее, оно теряет место и роль субъекта деятельности.

Перекос в сторону решения задач анализа вместо решения задач синтеза. Ведущая установка в обеспечении управленческой деятельности — на анализ данных, извлекаемых из многочисленных информационных потоков. Этому способствует стимулирующая роль компьютеров как аналитических инструментов. Рассматриваемая обобщенная технология решения управленческих проблем, как правило, понимаемая как линейная, поэтапно реализуемая схема, также провоцирует аналитический подход. Доминанта аналитического способа мышления неразрывно связана с ориентацией на сбор и обработку первичной информации и декомпозицию проблемной ситуации на составные части, на познание фрагментов и деталей, а не целого. Увлеченность аналитикой неразрывно связана с расщеплением проблемы на части, изучением и оценкой деталей, а не целого.

Доминанта информационного подхода. У классиков информационного подхода возникали серьезные опасения, можно ли эффективно использовать информационные системы без предоставления пользователям требуемых им сведений об источниках и механизмах получения информации¹. В настоящее время, на наш взгляд, в значительной степени под влиянием рефлексивного подхода происходит четкое разделение понимания информации и знаний. Знания начинают рассматриваться как результаты предшествующих процессов понимания и мышления других людей, их совместной деятельности.

Недостаток внимания к вопросам постоянного развития управленческой деятельности и ее субъектов, в том числе коллективных. Управленческая деятельность ЛПР с применением компьютеров — это, прежде всего, непрерывный процесс с осмыслением возможностей автоматизации и интеллектуализации, методов и средств поддержки решений, процессов самоорганизации и саморазвития коллективов. Для этого нужны соответствующие схемы и технологии поддержки процессов самоорганизации групп ЛПР (коллективных субъектов) с обеспечением ускоренного согласования решений, в том числе стратегических, в сетевой среде.

1 Ackoff R. J. Management Misinformation Systems // Management Science. 1967. № 14. P. 147–156.

Ограниченные возможности обеспечения безопасности управленческой деятельности и ее субъектов. Это может привести к следующим негативным последствиям¹:

- снижение уровня творческой активности ЛПР;
- повышение рисков принятия решений;
- снижение защищенности от манипулятивных воздействий и др.

Ограничения этических регуляторов в процессах принятия решений. Целостность процессов управления, в том числе в чрезвычайных ситуациях, во многом определяется целевыми этическими установками, например, — «цель оправдывает средства». Для сложных экономических, политических и социотехнических систем такой подход не всегда оправдан, так как он не учитывает множество субъективных факторов, а также воздействие на проблемную ситуацию внешнего окружения. Это одна из причин фрагментации целостности управленческой деятельности и, как следствие, снижения уровня безопасности управления.

1.2.3. Проблема организации проектного управления в России

Проектное управление в разнообразных формах использовалось на протяжении всей истории человечества, начиная с организации охоты и земледелия, проектирования и изготовления разнообразных орудий и сооружений и кончая современными сложнейшими космическими проектами.

Ограничившись анализом опыта проектного управления в XX в., можно утверждать, что механизмы проектного управления в России (СССР) и за рубежом существенно отличались. В разные периоды каждый из них имел свои преимущества.

Проектное управление занимает весомое место в вопросах самоорганизации людей, работающих в разных сферах деятельности. Проектный подход во всем мире закрепляется в виде стандартов и нормативно-правовых документов². Вместе с тем на новом, пост-

1 Березкин Б. С., Дракин В. И., Лепский В. Е. Проблемы психологического обеспечения автоматизированных систем управления // Психологический журнал. 1984. № 4. С. 74–82.

2 ГОСТ Р 5489-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом. М.: Стандартинформ, 2011. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

неклассическом, этапе развития научной рациональности этот подход приобретает и новые черты.

Специфика проектного управления в России (СССР)

В России доминировали иерархические механизмы проектного управления, позволяющие централизовать в масштабах страны все необходимые для проекта ресурсы, включая ресурсы образования и науки. Методы были жесткие, в частности в период индустриализации, но они позволили в кратчайшие сроки обеспечить обороноспособность страны и сохранить ее суверенитет. После Второй мировой войны сформировалась новая и более мягкая культура проектного управления — институты генеральных конструкторов (космос и ракетостроение, ядерная проблематика, оборонная сфера и др.). В этих институтах также доминировали иерархические механизмы управления, но уже использовались сетевые и матричные методы.

До начала 1980-х годов культура проектного управления в СССР по фактически полученным результатам была конкурентоспособной в мировом сообществе (первый спутник Земли, лучшие в мире ракеты, лучшие образцы ряда видов оружия, конкурентоспособные подводные лодки и ледоколы и др.). Одним из необходимых условий успешности проектного управления в эти периоды было формирование и поддержка субъектов проектного управления¹.

После развала СССР была разрушена субъектность российско-го развития и, как следствие, субъектность проектного управления².

В 1990-е годы властная элита страны была ориентирована на долговременное партнерство с Западом, встраивание в его финансовую и экономическую системы. Как следствие, преимущественная ориентация на рынок, который «все отрегулирует», привела к разрушению институтов генеральных конструкторов ОПК, органично связанных с ними науки и образования, а также к деиндустриализации страны.

Создаваемые институты развития «Сколково», «Роснано» и другие оказались вне культуры проектного управления³. Эти проекты

1 Лепский В. Е., Мельников А. А., Пойкин А. Е. Институты генеральных конструкторов в обеспечении стратегической стабильности // Стратегическая стабильность. 2016. № 1 (74). С. 14–18.

2 Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf> (дата обращения: 12.03.2018).

3 Лепский В. Е., Наумов С. А. Проект «Сколково»: социогуманитарные аспекты развития // Рефлективные процессы и управление: Сборник

в основном ориентированы на коммерциализацию инноваций с широким участием международных компаний, в конечные продукты которых и войдут эти инновации.

Деградирующая российская экономика оказалась не готовой к их освоению, о чем свидетельствует продолжающийся развал космического и авиастроения, автомобилестроения и многих других отраслей народного хозяйства. Созданные институты развития оказались косвенно включенными в зарубежные проекты и механизмы проектного управления, оставшись чуждыми российским интересам.

Другим примером институтов развития, слабо связанных с проектным управлением, являются различные научные фонды. У этих фондов отсутствуют явные заказчики результатов исследований, готовые их внедрить в процессы проектного управления. Ситуация принципиально отличается от организации связей с наукой в институтах генеральных конструкторов СССР.

Созданные в нашей стране проекты развития не учитывают важнейшую мировую тенденцию: перемещение акцентов конкуренции из материальной сферы в нематериальную. В настоящее время идет соревнование идей, проектов и схем развития, социальных и организационных технологий, методов воздействия на сознание человека, наращивание человеческого капитала и т. п. Стоит обратить внимание на то, что реализация масштабных проектов должна сопровождаться адекватной мировоззренческой составляющей, ориентированной на обеспечение проектной идентификации общества¹.

Зарубежный опыт проектного управления и ограничения для его использования в России

На Западе и на Востоке имеется богатейший опыт успешной организации отличных от российских концепций и технологий проектного управления.

Для Запада ограничимся примерами из опыта проектного управления в США. Рассмотрим опыт DARPA по организации проектного управления в интересах оборонного ведомства. DARPA имеет гибкую структуру выявления и поддержки высокотехнологических раз-

материалов VIII Международного симпозиума 18–19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 157–159.

1 Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf> (дата обращения: 23. 02.2019).

работок от новаций до разработки конкретных изделий. При этом снимаются ограничения и барьеры для участия представителей различных форм собственности.

В России подобная практика имеет ограничения в связи с неразвитостью малого бизнеса. Кроме того, в DARPA доля расходов на экспертную деятельность составляет порядка 15% от стоимости каждого проекта, а в нашей стране она на порядок ниже.

На Западе богатейший масштабный опыт организации проектного управления накоплен во взаимодействии крупных фирм с университетами. В СССР он имел место в институтах генеральных конструкторов. Сегодня в России нет крупных заказчиков для университетской науки, а наши нефтяные и газовые компании характеризуются как инновационные карлики¹.

Зарубежная практика организации многотысячной сети малых предприятий вокруг крупных предприятий в сфере вычислительной техники, авиации, космической тематики и других создает локомотивы развития малого предпринимательства, демонстрирует успешные образцы проектного управления и по-настоящему инновационный процесс. В нашей стране аналогичных примеров нет. Видимо, что-то мешает, включая законодательные механизмы и отсутствие субъектности развития на всех уровнях.

В нашей стране был бы полезен для использования опыт проектного управления в негосударственных «фабриках мысли» типа RAND. Однако попытки его повторить в России не удалось. Очевидно, это связано с высочайшим уровнем коррупции и отсутствием интереса к стратегическому проектированию, о чем свидетельствует разработка бутафорских и не связанных друг с другом по отраслям и уровням управления стратегий развития.

Для Востока ограничимся примерами из опыта проектного управления в Китае. Организация долгосрочного стратегического планирования предопределяет горизонты проектного управления в масштабах всей страны. Имеет место субъектность развития, базирующаяся на проектной идентификации всего общества. В условиях сформированного пространства доверия в проектном управлении скоординированно принимают участие администрация, бизнес и общества. В настоящее время в России имеет место ситуация бессубъектности развития, в которой заимствование опыта проектного управления Китая невозможно.

¹ Там же.

Базовые основания совершенствования проектного управления в России

На основе философско-методологического анализа трендов развития проблематики управления¹ выделим базовые основания для совершенствования проектного управления в России, реализация которых станет возможной в случае использования саморазвивающихся полисубъектных сред². Это также создаст условия для применения позитивного мирового опыта в проектном управлении.

Базовые основания проектного управления:

- консолидация российского общества на основе проектной идентификации развития страны;
- разработка субъектно-ориентированной информационной платформы (цифровой среды), обеспечивающей полноту рефлексивных процессов и потенциальной включенности всех субъектов в проектное управление (на основе системы адекватных онтологий);
- обеспечение соответствия сложности системы и объекта управления (совершенствование механизмов демократии с доминированием прямой демократии над представительской)³;
- обеспечение гармонии субъектов развития в проектном управлении;
- организация пространства коммуникаций и доверия субъектов развития;
- организация социальных лифтов с учетом активности и результативности субъектов в проектном управлении;
- совершенствование концептуальных основ безопасности (от обобщенной к безопасности развития)⁴;

¹ *Лепский В. Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf> (дата обращения: 24.02.2019).

² *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 24.02.2019).

³ *Лепский В. Е.* Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 42–51.

⁴ *Лепский В. Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

- организация стратегического контура управления и развития, обеспечивающего координацию и интеграцию всех процессов проектного управления¹.

В качестве базовой структуры и локомотива совершенствования проектного управления страной в соответствии с предложенными основаниями может быть использована система распределенных ситуационных центров, которую необходимо переформатировать в систему ситуационных (стратегических) центров развития (СЦР)².

Выводы

Культура проектного управления в России прошлого века была конкурентоспособной по ряду отраслей экономики, важнейших для национальной безопасности. Одним из необходимых условий успешности проектного управления в тот период было формирование и поддержка субъектов проектного управления. Однако в период перестройки субъектность российского развития и проектного управления была разрушена. Приоритетная ориентация на рынок привела к разрушению институтов генеральных конструкторов и к деиндустриализации страны. Созданные в России институты развития оказались косвенно включенными в зарубежные механизмы проектного управления, фактически игнорирующие российские интересы.

1. Созданные в нашей стране проекты развития не учитывают важнейшую мировую тенденцию – перемещение акцентов конкуренции из материальной сферы в нематериальную. В настоящее время идет соревнование идей, проектов и схем развития, социальных и организационных технологий, методов воздействия на сознание человека, наращивание человеческого капитала и т. п. Реализация масштабных проектов должна сопровождаться адекватной мировоззренческой составляющей,

1 *Лепский В. Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 24.02.2019).

2 *Зацаринный А. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Новиков Д. А., Райков А. Н., Сильвестров С. Н., Славин Б. Б.* Ситуационные центры развития в полисубъектной среде // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 31–42.

ориентированной на обеспечение проектной идентификации общества.

2. И на Западе и на Востоке имеется богатейший опыт проектного управления. Перенести этот опыт в российские реалии невозможно без кардинальных изменений механизмов управления нашей страной. За рубежом имеет место субъектность развития, базирующаяся на проектной идентификации всего общества. В условиях сформированного пространства доверия в проектном управлении скоординированно принимают участие администрация, бизнес и общество.
3. Сформулированы базовые основания для совершенствования проектного управления в России, реализация которых станет возможной в случае использования саморазвивающихся полисубъектных сред. Это, прежде всего, консолидация российского общества на основе проектной идентификации развития страны, разработка субъектно-ориентированной информационной платформы, обеспечение соответствия сложности системы и объекта управления.
4. В качестве базовой структуры и локомотива совершенствования проектного управления страной может быть использована система распределенных ситуационных центров, переформатированная в систему ситуационных (стратегических) центров развития (СЦР), для чего уже начаты соответствующие концептуальные и технологические разработки¹.

1.2.4. Проблема управления инновационным развитием в России

Более десяти лет руководство страны обращается с призывами к широким слоям представителей общества, бизнеса и государства перейти на инновационный путь развития, выделяя при этом солидные финансовые средства на такое развитие. Выбора у страны нет, только на его основе Россия может обеспечить экономический рост, конкурентоспособность, безопасность, достойное качество жизни населения.

1 *Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Бауэр В. П., Зацаринный А. А., Журенков Д. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б.* Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2017. URL: <http://reflexion.ru/Library/Lepskiy2017a.pdf> (дата обращения: 30.11.2018).

Однако инновационное развитие топчется на месте, а успехи заметны лишь на бумаге. Значит, призывов недостаточно, и дело не в деньгах, а в чем-то другом. Одна из важнейших причин — неадекватность концептуального (философско-методологического) обеспечения организации инновационного развития, которая проявляется в ориентации на инерционный и догоняющий сценарии, в доминировании коммерческого подхода (рыночного), в развале науки и образования, во многих других аспектах.

Приведем примеры критического анализа отдельных проектов и стратегий инновационного развития в России¹:

- Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г.;
- проект «Сколково»;
- грантовая поддержка научных исследований.

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Целью Стратегии является перевод экономики России к 2020 г. на инновационный путь развития². Такое определение созвучно известному призыву к удвоению ВВП.

На инновационный путь развития можно перейти в интересах развития своей страны, ее экономики, обороноспособности, повышения благосостояния граждан, а можно перейти с ведущей ориентацией на рыночную экономику, которая будет способствовать интересам зарубежных экономик и национальных стратегий других стран. Где критерии, где адекватные механизмы? Ответы на эти вопросы в Стратегии отсутствуют.

Стратегию можно охарактеризовать как рыночную с доминирующей ориентацией на коммерциализацию инноваций. Фактически это укрупненный до масштабов страны вариант стратегии фонда «Сколково».

В Стратегии описано развитие многочисленных инструментов, способствующих поддержке инноваций, но отсутствуют механизмы обеспечения целостности инновационного развития. В Стратегии утверждается, что главным инструментом обеспечения координации станет механизм обмена информацией о перспективных ин-

1 *Ленский В. Е.* Методологические основы совершенствования стратегии инновационного развития России // *Экономические стратегии.* 2016. № 1. С. 6–15.

2 *Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года.* Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г., NQ 2227-р, Москва.

новационных проектах между государственными органами и организациями, финансирующими стадию исследований и разработок, и созданными государством институтами. Это иллюзии, которые были развеяны несбывшимися надеждами на высокую эффективность технопарков, кластеров, технологических платформ. Механизм обмена информацией не будет работать в условиях отсутствия института заказчиков развития и установления доверия между государством, бизнесом и обществом. В Стратегии упоминается важнейшая проблема формирования инновационных сред, однако ее решение сводится к монетарному подходу, организации финансовых структур и не соответствует современной научной трактовке этой проблемы. Единственным заказчиком инновационного развития в Стратегии выступает рынок, а проблемы формирования пространства доверия «государство—бизнес—общество» оставлены вне рассмотрения.

В Стратегии выбран догоняющий вариант развития с элементами лидерства в ведущих научно-технических секторах. Однако в ней отсутствуют обоснованные предложения о конкретных направлениях, в которых страна могла бы реально стать лидером с учетом проведенной за последние десятилетия деиндустриализации страны, развала науки и образования.

В целом следует отметить, что Стратегия не содержит убедительных аргументов для становления России на путь инновационного развития в интересах сохранения ее суверенитета и процветания¹.

Проект «Сколково», претендуя быть стратегическим институтом развития, не ориентирован на учет важнейшей современной мировой тенденции смещения акцентов конкуренции с материальной сферы на нематериальную: соревнование идей, проектов и схем развития, социальных и организационных технологий, методов воздействия на сознание, наращивания человеческого капитала и т. д. Стоит обратить внимание на то, что реализация проекта такого масштаба должна сопровождаться адекватной мировоззренческой составляющей, ориентированной на обеспечение проектной идентификации общества.

Этот проект ориентирован на коммерциализацию инноваций с широким участием международных компаний, в конечные продукты которых в основном и пойдут инновации. А деградирующая российская экономика оказывается не готовой к их освоению. Об этом

1 *Ленский В. Е.* Инновационное развитие России: философский анализ // *Философия науки и техники.* 2016. Т. 21. № 1. С. 169–187.

свидетельствует развал авиастроения, автомобилестроения и многих других отраслей народного хозяйства.

Основные направления критики проекта «Сколково»:

- Приоритетные направления инновационного развития должны быть неразрывно связаны со стратегическими ориентирами российского развития.
- Стратегических партнеров по развитию высоких технологий надо в первую очередь искать среди тех, кто встает на путь развития и действительно заинтересован в сотрудничестве, а не среди тех, кто заинтересован в организации «откачки» отечественных идей, а также в одностороннем использовании нашей страны как рынка сбыта своих продуктов.
- Ориентация исключительно на технические инновации и игнорирование социальных инноваций, без которых не удастся перевести страну на инновационный курс развития.
- Недооценка мирового опыта создания подобного рода проектов.
- Недостаточное внимание к мнению отечественных специалистов по инновационному развитию и развитию общества в целом.
- Недооценка человеческого фактора в создании сред инновационного развития; иллюзии, что деньги и условия работы решают все.
- Игнорирование средового подхода к инновационному развитию, попытка создать инновационный рай в отдельной лакуне.
- Недостаточная прозрачность для общества финансовых потоков как основание делать выводы о потенциальном нецелевом использовании бюджетных ресурсов.

Возможно, критика не всегда и не в полном объеме справедлива, но она имеет место, и ее игнорирование — это отказ от потенциального развития¹.

Грантовая поддержка с ориентацией на приоритетные направления развития. Грантовая поддержка научных исследований, и особенно фундаментальных, безусловно, важна для выживания науки. Она стимулирует внутренние (интернальные) механизмы развития. Вместе с тем в ней не учитываются экстернальные механизмы развития, институт заказчиков инновационного развития, заинтере-

1 Лепский В. Е., Наумов С. А. Проект «Сколково»: социогуманитарные аспекты развития // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18–19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 157–159.

сованные потребители полученных знаний. Можно привести разнообразные примеры заказчиков научных исследований в СССР, которые в интересах конкретных разработок стимулировали, направляли и координировали научные исследования: Государственный комитет по науке и технике, Секция прикладных проблем АН СССР, научно-исследовательские институты и др.

Выводы

Подводя итоги критического анализа процессов управления инновационным развитием России, следует отметить доминирующую ориентацию на рыночную экономику, которая приводит к все большему отставанию страны в области разработки и внедрения высоких технологий. Недооценивается роль заказных моделей в интересах развития и обеспечения обороноспособности страны. В целом сложившуюся ситуацию в сфере инновационного развития можно охарактеризовать как «инновации ради инноваций».

Совершенствование методологии инновационного развития должно быть связано с организацией органичной связи стратегии развития страны со стратегией инновационного развития, с комплексным, конвергентным использованием всех видов моделей инновационного развития.

1.2.5. Проблема стратегического целеполагания в России

В последние годы в Российской Федерации предпринимаются попытки ее перевода на курс развития. Законодательно закрепленные в 2014 г. меры по созданию в стране системы стратегического планирования не увенчались успехом. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. заданы стратегические ориентиры развития страны до 2024 г. Подготовлены 12 национальных проектов, но первые шаги по их подготовке свидетельствуют о необходимости придания этой работе системного и согласованного характера¹. Причин сложившейся ситуации много, но главные из них — это отсутствие субъектности российского развития, утрата культуры стратегического проектирования и, как следствие, недостаточное внимание

1 Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Зацаринный А. А., Журенков Д. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б. Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018.

к процессам стратегического целеполагания, а фактически игнорирование этих процессов.

У России не будет будущего, если не организовать *процессы стратегического целеполагания* на современных научных основаниях, с учетом специфики сложившихся реалий как в стране, так и в мировом сообществе. Эти процессы должны быть ориентированы на повышение благосостояния народа и национальную безопасность страны, а также гармонию субъектов развития и мирового сообщества в целом. Если этого не сделать в кратчайшие сроки, то долгосрочное отсутствие позитивного образа будущего повлечет за собой нарастание депрессии и вымирания народа. Страна будет вписана как ресурс в чужие стратегии развития и в конечном итоге потеряет суверенитет.

Состояние процессов стратегического целеполагания в России

Разработка широкого спектра стратегий российского развития не способствовала переводу страны на курс развития. Главная причина — это отсутствие субъектности российского развития. А следовательно, и отсутствие условий для организации стратегического целеполагания. Игнорирование актуальности использования субъектно-ориентированного подхода отчетливо проявляется в многочисленных примерах неадекватного стратегического целеполагания¹.

Первый пример. Стратегическое целеполагание развития страны, сформулированное как «удвоение ВВП». Удвоение ВВП может быть достигнуто такими способами, что будет еще большее расслоение на бедных и богатых, в стране будет больше миллиардеров и намного хуже качество жизни населения. Оно может быть достигнуто за счет продажи оставшихся ресурсов страны и потери суверенитета России. Это не стратегическое целеполагание, а пример лозунга, отвлекающего от реальных проблем развития страны.

Второй пример. Стратегическое целеполагание как признание всех претензий Запада и покаяние; ожидается, что тогда Запад снимет санкции, и страна встанет на путь развития. Этот вариант стратегического целеполагания предлагается отдельными высокопоставленными чиновниками. Однако это тоже не является стратегическим целеполаганием, а скорее предложением «сдать» страну и отказаться от ее суверенитета.

Третий пример. Предложение создать в стране 25 миллионов высокотехнологичных рабочих мест, которое также озвучивается

¹ Там же.

как «стратегическое целеполагание». Возникает вопрос: почему 25 миллионов, а не больше и не меньше, делалось ли моделирование? Как достижение этого результата повлияет на страну? Такой вариант тоже не является стратегическим целеполаганием, это — политические лозунги.

Четвертый пример. В стратегическом целеполагании образования введен ЕГЭ вопреки мнению ассоциаций учителей школ, директоров школ, ректоров вузов и населения в целом. Заранее можно было предсказать негативные стратегические последствия для страны, связанные со снижением общего уровня образованности населения. В последнее время наблюдается частичный отказ от этого целеполагания, но уже наблюдаются его катастрофические последствия. Сегодня те же инициаторы предлагают новый вариант целеполагания в образовании: фактически заменить учителей и преподавателей на компьютерных роботов. Последствия от этого будут еще более катастрофичными, чем от ЕГЭ. Это что, ошибки стратегического целеполагания или что-то другое?

Пятый пример. Стратегическое целеполагание в организации российской науки. Развал Российской академии наук, оценка деятельности ученых по количеству публикаций, индексируемых в зарубежных системах, размещенных в странах, которые открыто называют нашу страну врагом. Стратегическое целеполагание, выраженное в числовых показателях занять такое-то место в мире (по системе рейтингования опять же зарубежных стран, считающих нашу страну врагом). Создать определенное число передовых лабораторий (после того как было разрушено большее число вполне работоспособных научных коллективов и школ). Подготовить столько-то передовых ученых. Как эти числовые показатели связаны с развитием науки и страны, никто ответить не может. Это не стратегическое целеполагание, а отвлекающие от развития мероприятия.

И таких примеров «стратегического целеполагания» можно привести множество из всех сфер жизнедеятельности нашей страны. Например, здравоохранение, социальное обеспечение, все виды транспорта, авиастроение и др.

Кроме того, следует заметить, что горизонты такого «стратегического целеполагания» — максимум в несколько лет, они несопоставимы с горизонтами планирования Китая, США и многих других стран, устремленных на десятки лет в будущее. Как следствие, тот, кто имеет короткие горизонты планирования, будет реализовывать не свои стратегии, а будет вписан в чужие стратегии развития.

При сложившейся в стране ситуации отсутствуют адекватные ответы на вопросы, необходимые для обеспечения процессов стратегического целеполагания.

- В каком состоянии мы находимся, как оно соотносится со статьей Конституции Российской Федерации о социальном государстве?
- Куда мы идем, что строим?
- Какие у нас базовые ценности?
- Кто определяет видение будущего и пути его достижения, как участвуют в этом общество и бизнес?

В итоге можно утверждать, что *в стране отсутствует стратегическое целеполагание, ориентированное на ее развитие.*

Те, кто берутся за стратегическое целеполагание, явно не способны или не хотят это делать. Более того, отдельные представители открыто в СМИ заявляют, что народ не должен много знать, носителем знания, необходимого для управления, должна обладать исключительно властная элита, а народом нужно манипулировать. Такой подход является прямым нарушением Конституции Российской Федерации, согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», а следовательно, народ должен участвовать в формировании идеологии развития и стратегическом целеполагании Российской Федерации. Но дело не только в нарушении основного закона, а в том, что в цифровой век одна только властная элита, какой бы мудрой она ни была, не сможет обеспечить необходимое качество и темпы развития; только используя «творчество масс» можно выстоять в гонке инноваций между странами и цивилизациями, в организации стратегического партнерства и гармонии мирового сообщества.

С точки зрения управленческой науки сложность объекта управления должна быть сопоставима со сложностью системы управления (принцип Эшби). Выполнить это условие возможно при совместном использовании (конвергенции) иерархических, сетевых и средовых механизмов управления, при консолидации государства, общества и бизнеса на основе современных разработок управления и развития социальных систем¹.

1 Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

Выводы

В последние годы предпринимаются попытки перевода страны на курс развития. Однако результаты весьма скромные. Отсутствует консолидация государства, бизнеса и общества, ориентированная на развитие страны. Не сформировано пространство доверия. Доминирует объектно-ориентированный подход на оптимизацию финансовых и других показателей, отстраненных от интересов и понимания большинства представителей общества. Это находит свое отражение и в неадекватной организации процессов стратегического целеполагания.

Совершенствование механизмов и институтов стратегического целеполагания должно опираться на современные представления философии науки и техники, на социогуманитарное развитие проблематики управления, становление кибернетики третьего порядка с акцентированием внимания на субъектности в управлении и формировании саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Процессы стратегического целеполагания необходимо рассматривать в неразрывной связи со сборкой субъектов развития, от начальных этапов стартовых групп до включения всех заинтересованных субъектов на основе проектной идентификации общества. Такой подход ориентирован на консолидацию власти, бизнеса и общества в целом для решения задач стратегического целеполагания, разработки стратегий развития, их реализации и организации стратегического аудита.

В современных условиях практически нет альтернативы созданию эффективного механизма стратегического целеполагания кроме как на основе системы распределенных ситуационных центров, которую предлагается трансформировать в систему центров развития. Именно такая система может стать системообразующей структурой для создания саморазвивающихся рефлексивно-активных сред на всех уровнях управления: федеральном, региональных, местных, ведомственных и корпоративных¹.

1 Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Зацаринный А. А., Журенков Д. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б. Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018.

1.3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XXI в. отчетливо проявился системный кризис как мирового сообщества, так и России, разрешение которого невозможно без совершенствования проблематики управления социальными системами.

В организации процессов управления не учитывает важнейшая мировая тенденция: перемещение акцентов конкуренции с материальной сферы на нематериальную. Реализация масштабных проектов должна сопровождаться усиленным вниманием к обеспечению готовности человека и общества к этим проектам, вниманием к формированию адекватной мировоззренческой составляющей, ориентированной на обеспечение проектной идентификации общества. К сожалению, эти аспекты практически полностью игнорируются в управленческой практике России¹.

В организации управления инновационным развитием доминирует ориентация на рыночную экономику, которая приводит к все большему отставанию страны в области разработки и внедрения высоких технологий. Имеет место недооценка роли заказчиков в интересах развития и обеспечения обороноспособности страны. В целом сложившуюся ситуацию в сфере инновационного развития можно охарактеризовать как «инновации ради инноваций»². Совершенствование методологии инновационного развития должно быть связано с организацией органичной связи стратегии развития страны со стратегией инновационного развития.

Кризис проблематики управления социальными системами находит свое отражение и в неадекватной организации процессов стратегического целеполагания³.

Сложность и комплексный характер вызовов в проблематике управления в начале XXI в. требуют постановки философско-методологических аспектов в центр внимания совершенствования данной проблематики. В настоящее время накоплен богатейший научный задел, использование которого позволит сформировать адекватные представления об управлении и разработать современные методы и технологии.

1 *Лепский В. Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).

2 *Лепский В. Е.* Инновационное развитие России: философский анализ // *Философия науки и техники.* 2016. Т. 21. № 1. С. 169–187.

3 *Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Зацаринный А. А., Журенков Д. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б.* Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018.

Часть 2

**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ И ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРОБЛЕМАТИКИ УПРАВЛЕНИЯ**

2.1. ВВЕДЕНИЕ

В этой части монографии представлены результаты философско-методологического анализа эволюции развития проблематики управления, в основу которого положены представления о видах научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика). Для каждого вида научной рациональности проведен анализ на философском, методологическом, теоретическом и методическом уровнях. Кроме того, отдельно рассмотрена специфика аналитики проблематики управления для каждого вида научной рациональности.

Философско-методологический анализ эволюции кибернетики и проблематики управления, включая управление социальными системами, позволил выделить и рассмотреть базовые тренды и упорядочить их в контексте типов научной рациональности и кибернетики:

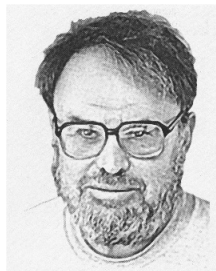
- философские подходы;
- парадигмы управления;
- позиции наблюдателя в управлении;
- подходы к представлению об управленческой деятельности и ее субъектах;
- виды активности субъектов управления;
- представление об объектах управления;
- виды управления;
- модели управления;
- механизмы управления;
- рефлексия;
- представления о знаниях в управлении;
- этические регуляторы в управлении;
- подходы к интеграции областей знания и субъектов в управлении.

Проведенные исследования были ориентированы на создание целостного представления о развитии проблематики управления на основе постнеклассической научной рациональности.

2.2. КОНФИГУРАТОР ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМАТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

2.2.1. Конфигураторная модель

При постановке проблемы исследования эволюции представлений об управлении мы сталкиваемся с богатым разнообразием такого рода представлений. Необходимо синтезировать в единой модели эволюции представлений об управлении наиболее существенные, но тем не менее «односторонние» теоретические и практические «срезы» анализируемого процесса. Для решения этой методологической задачи воспользуемся предложенной В. А. Лефевром идеей системного конфигуратора.

В. А. Лефевр¹

Смысл этой идеи состоит в том, что исследователь производит обоснованный отбор некоторых принципиально разных представлений об объекте исследования. Объект как бы проецируется на несколько экранов.

Каждый экран задает свое собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру. Экраны связаны друг с другом так, что у нас имеется возможность соотносить различные картины. Подобное «устройство», синтезирующее различные системные представления, было названо Лефевром «конфигуратором»².

1 Известный российский и американский психолог и математик (р. 1936). В 1960-е годы ввел понятия рефлексивной системы и рефлексивного управления, существенно изменив парадигму исследования сложных объектов, «сравнимых с исследователем по совершенству». Им рассмотрен вопрос о существовании формальных законов оперирования категориями добра и зла. Созданная теоретическая модель позволила выделить и сравнить две этические системы, а также описать их функционирование в различных ситуациях.

2 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры // В. А. Лефевр Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. С. 97–98. Первое издание данной работы – 1967 г.

2.2.2. Базовые позиции конфигуратора философско-методологического анализа проблематики управления

Структурирование позиций конфигуратора выполним в соответствии с устоявшимися представлениями научного анализа:

- философский уровень (философия науки – базовые типы научной рациональности, базовые обеспечивающие философские направления);
- методологический уровень (базовые парадигмы и объекты управления, методология научного подхода);
- теоретический уровень (базовые обеспечивающие управление области знания);
- методический уровень (базовые виды и модели управления; механизмы и технологии управления).

Базовыми позициями конфигуратора предлагается считать типы научной рациональности. В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В. С. Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении.

В. С. Степин¹

Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – *классическая* (соответствующая классической науке), *неклассическая* и *постнеклассическая* рациональности².

Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рас-

1 Известный российский философ, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук (1934–2018). Работал в области теории познания, философии и методологии науки, философской антропологии и философии культуры, истории науки. Разработал концепцию типов научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический), каждый из которых характеризуется собственным способом рефлексии над наукой.

2 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

смаивать как революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности.

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему основаниями науки, которые позволяют выделить и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и образа науки не следует понимать упрощенно, в том смысле, что каждый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность и конвергенция.

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект—средства—объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

В таблицах 2.1–2.2 представлены обобщенные результаты философско-методологического анализа эволюции представлений об управлении в контексте развития научной рациональности, включая и неклассическую научную рациональность¹.

Предлагаемые позиции конфигуратора позволяют достаточно полно отразить эволюцию представлений об управлении в контексте развития научной рациональности.

В этом и последующих разделах обосновываются и детализируются представленные результаты анализа.

2.2.3. Выводы

Для формирования целостной картины эволюции представлений об управлении предлагается воспользоваться методологическим приемом, предложенным В. А. Лефевром, – идеей системного конфигуратора.

Структурирование позиций конфигуратора предлагаем осуществить в соответствии с устоявшимися представлениями науч-

1 *Ленский В. Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf> (дата обращения: 24.02.2019).

Таблица 2.1
Философский, методологический и теоретический уровни анализа

Философский уровень	Методологический уровень			Теоретический уровень	
	Базовые философские подходы	Базовые парадигмы	Базовые объекты и доминирующие виды активности		Базовые научные подходы
Классическая	Позитивизм	Субъект–объект	Сложные системы Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Кибернетика
Неклассическая	Философский конструктивизм	Субъект–субъект	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Кибернетика второго порядка (биология, психология, социология, экономика и др.)
Постнеклассическая	Гуманистическая трактовка философского конструктивизма	Субъект–метасубъект Саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды	Саморазвивающиеся среды Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный Трансдисциплинарный	Кибернетика третьего порядка (синергетика, управление сложностью, гуманистический философский конструктивизм и др.)

Таблица 2.2
Методический уровень анализа

Тип научной рациональности	Методический уровень			
	Базовые виды управления	Базовые модели	Базовые механизмы и технологии	Доминирующие этические представления
Классическая	Классическое управление	Аналитические (математические)	Обратные связи Иерархические структуры	Этика целей
Неклассическая	Рефлексивное управление, манипуляции и др.	Имитационные (математические), деловые, ролевые, оргдеятельностные игры и др.	Коммуникационные связи Сетевые структуры	Коммуникативная этика
Постнеклассическая	Управление через проекты, средовое управление.	«Человекообразные» (комбинированные, стратегические рефлексивные игры)	Воздействия через среды, культуру, ценности, технологии «сборки» и разрушения субъектов развития Саморазвивающиеся среды	Этика стратегических субъектов

ного анализа: философский уровень, методологический уровень, теоретический уровень и методический уровень. При этом базовыми позициями целесообразно выбрать представления о научной рациональности.

2.3. УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

2.3.1. Философский уровень анализа

Классическая научная рациональность, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций: научные исследования рассматриваются как познание законов природы, существующих вне человека.

На начальном этапе становления научной проблематики управления (1940–1970-е годы) наиболее существенное влияние на нее оказывали философские взгляды, связанные с различными направлениями позитивизма, а в части формирования моделей человека – бихевиоризма, базирующегося также на позитивистских представлениях.

2.3.2. Методологический уровень анализа

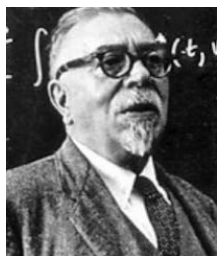
Базовая парадигма управления. Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничивалось *парадигмой «субъект–объект»*¹. Классическое видение субъект-объектного взаимодействия нашло отражение в многочисленных философских работах Декарта, Юма, Канта, Маха, Гуссерля, Витгенштейна² и др.

1 *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.

2 *Лекторский В. А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.

Базовые объекты управления. Базовыми объектами в контексте данной научной рациональности и парадигмы «субъект—объект» выступают как простые, так и большие системы. Характерно, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого, связи между элементами подчиняются лапласовскому детерминизму. В этих системах обязательно имеется программа функционирования, которая формирует управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Автоматические станки, заводы-автоматы, системы управления космическими кораблями и т. п. — все это примеры больших систем в технике¹.

Базовый научный подход (субъектный аспект). Доминирующим подходом выступает *деятельностный подход*, в котором свобода субъекта ограничена в рамках заданных целей и норм, регулирующих деятельность.

Норберт Винер²

Базовый научный дисциплинарный подход. В исследовании проблематики управления в контексте классической научной рациональности сложился *монодисциплинарный подход*.

Фактически все проблемы управления охватывались доминирующей областью знания — кибернетикой, которая трактовалась как наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе³.

2.3.3. Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. Кибернетика является базовой областью знания, обслуживающей проблематику управления в контексте классической научной рациональности. Бурное развитие этой проблематики началось примерно с 1940-х годов, успешно решались разнообразные задачи управления техническими системами. Несколько позднее сформировалась проблематика искусствен-

- 1 *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5—17.
- 2 Норберт Винер (1894—1964) — великий американский ученый, считающийся «отцом кибернетики».
- 3 *Wiener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, Mas.: John Wiley & Sons Inc., 1948.

ного интеллекта, имеющая отношение к задачам управления. Однако, на наш взгляд, проблематика искусственного интеллекта вполне вписывается в проблематику кибернетики.

2.3.4. Методический уровень анализа

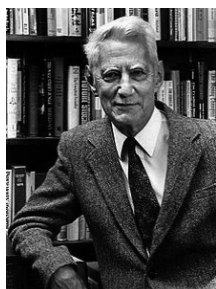
Базовые виды управления. Классическое кибернетическое управление предполагает наличие системы и объекта управления. Типичная модель объекта управления представляется в виде «черного ящика». Система управления вырабатывает управляющие воздействия для удержания объекта на заданной траектории и учитывает его отклонение от нее за счет обратных связей. Развитие этих представлений позволило ввести понятия дуального управления (используются специальные воздействия на объект для получения о нем дополнительной информации), адаптивного управления и др. Согласно афоризму фон Фёрстера, кибернетика первого порядка — это кибернетика наблюдаемых систем, что определяет специфику видов управления в контексте классической научной рациональности на основе парадигмы «субъект—объект».

Базовые модели в управлении. В рамках этой парадигмы для моделирования процессов управления использовались разнообразные подходы: функциональный, аксиоматический, информационный, исследования операций, классическая теория игр и др.

Функциональный подход, базирующийся на декларировании общности процессов управления в технических и социальных системах, универсализма и достаточности моделей типа «черный ящик», позволяющих успешно использовать традиционный арсенал математических методов 1940—1970-х годов. Характерной чертой функционального подхода является то, что сама специфика структуры или системы остается как бы в стороне, основное внимание сосредотачивается на комплексе свойств, определяющих ее «поведение» при взаимодействии с окружающей средой.

Аксиоматический подход нашел широкое распространение в моделировании экономических систем для моделирования экономического поведения человека. Однако многочисленные экспериментальные исследования показали, что поведение людей не просто является каким-то отклонением от «оптимального» (соответствующего ожидаемому в рамках нормативных методов) — оно имеет принципиально иной характер. Этот вывод поставил под сомнение основы аксиоматического подхода к моделированию поведения человека

в управлении экономическими системами. Официальное признание неадекватности данного подхода было зафиксировано при присуждении Д. Канеману в 2002 г. Нобелевской премии по экономике за исследование формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности. В контексте поддержки процессов принятия управленческих решений широко использовались модели, разработанные на основе «логической парадигмы», при этом оставалось загадкой, что можно имитировать в человеке с позиций логической парадигмы.

Клод Шеннон¹

Р.Л. Акофф³

Информационный подход к моделированию процессов управления базировался на теории информации. В центр внимания попали информационные потоки и проблемы, связанные с их рационализацией. При этом человек рассматривался как пассивное звено переработки информации.

Об ограниченных возможностях применения теории информации за пределами технических каналов связи предупреждал ее основоположник К. Шеннон², но к его предупреждениям долгое время не прислушивались.

Кризис этого подхода применительно к организационным системам управления был четко обозначен в статье Р. Акоффа⁴.

Исследование операций объединило под своими знаменами многочисленные подходы в использовании математических методов в различных

сферах управленческой практики¹. Оперирующая сторона по определению находилась в достаточно пассивной позиции, так как в отрыве от нее исследователь операции (специалист по прикладной математике) формировал множество альтернатив и определял «оптимальную стратегию», а затем предлагал ее ЛПР (лицу, принимающему решения) как нечто гарантированное, — по заданным критериям, с многочисленными ограничениями, малодоступными в большинстве случаев для понимания ЛПР.

Обобщенная схема исследования операций представлена на рисунке 2.1.

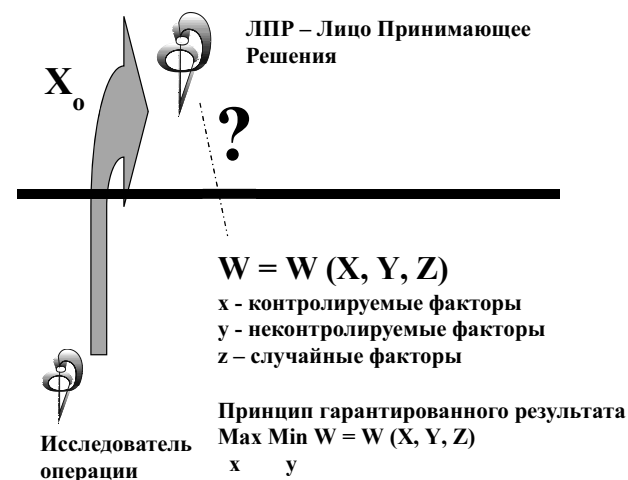

Рис. 2.1. Обобщенная схема исследования операций

ЛПР был фактически отстранен от решения управленческих проблем, его подменял исследователь операций (математик), который заменял объект управления математической моделью, на основе которой задавался функционал для воплощения цели исследователя операций. На основе решения задач оптимизации с учетом неконтролируемых и случайных факторов и критериев оптимизации (как правило, знаменитый принцип max/min) предлагали ЛПР набор вариантов оптимальных действий. ЛПР, как правило, был недостаточно подготовлен для понимания тонкостей процессов моделирования и оптимизации действий. Фактически происходила подмена

1 Клод Шеннон (1916–2001) — американский инженер и математик. Является основателем теории информации, нашедшей применение в современных высокотехнологических системах связи. Шеннон внес огромный вклад в теорию вероятностных схем, теорию автоматов и теорию систем управления.

2 Шеннон К. Бандвагон // К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике / Под ред. Р.Л. Добрушина, О.В. Лупанова. М.: Иностранная литература, 1963. С. 667–668.

3 Рассел Линкольн Акофф (1919–2009) — американский ученый в областях исследования операций и теории систем.

4 Ackoff R. J. Management Misinformation Systems // Management Science. 1967. № 14. P. 147–156.

1 Гермейер Ю. Б. Введение в теорию игр и исследование операций. М.: Наука, 1971.

Ю. Б. Гермейер¹

ЛПР на исследователя операций. А проблема целеполагания была редуцирована к выбору из вариантов решений, предложенных исследователем операций.

Иными словами, наблюдалась подчас явная, а иногда скрытая ситуация подмены ЛПР представителями кибернетики, искренне верящими, что можно все формализовать и найти оптимальную стратегию поведения.

Теоретико-игровой подход позволил построить одну из прекраснейших теорий двадцатого

века — теорию игр, которая нашла широкое применение в различных сферах управленческой практики.

Первый шаг к созданию этой теории сделал Джон фон Нейман в 1928 г., доказав теорему о существовании минимакса в играх двух лиц с нулевой суммой.²

Дж. фон Нейман²

Следует отметить, что теория игр обрела не только нормативный характер (т. е. давала указания, как следует играть — принимать управленческие решения), но и предсказательный (т. е. указывала на наиболее вероятное поведение игрока). Пик популярности теории игр приходится на 1950—1960-е годы. В это время

она становится основной теорией принятия управленческих решений в условиях конфликта. Такие понятия, как принцип гарантированного результата, игра с нулевой суммой, смешанная стратегия, дилемма заключенного, начинают употребляться не только специалистами, но и людьми, далекими от математики, — военными, дипломатами, политологами и даже журналистами.

Однако в 1970-е годы в использовании теории игр наступил кризис. Оказалось, что схема, положенная в ее основу, бедна; это проя-

1 Юрий Борисович Гермейер (1918—1975) — советский ученый, специалист в области прикладной математики, исследования операций и теории игр.

2 Джон фон Нейман (1903—1957) венгерско-американский математик, сделавший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику, экономику и другие отрасли науки. Известен также как создатель теории игр и концепции клеточных автоматов.

вилось, в частности, в слишком упрощенном взгляде на человеческие ценности¹.

Существенное развитие моделирование социальных систем получило в рамках становления неклассического типа научной рациональности.

Базовые механизмы и технологии управления. В рамках парадигмы «субъект—объект» основные механизмы управления — обратные связи, отрицательные и положительные. На них, в частности, базируются гомеостатические механизмы управления, системы автоматического регулирования и др.

2.3.5. Выводы

Философско-методологические основания проблематики управления в контексте классической научной рациональности в основном базируются на позитивизме, деятельностном подходе и парадигме «субъект—объект».

В исследовании проблематики управления в контексте классической научной рациональности сложился *монодисциплинарный подход*. Фактически все проблемы управления охватывались доминирующей областью знания — кибернетикой.

Для моделирования процессов управления использовались разнообразные подходы: функциональный, аксиоматический, информационный, исследования операций, классическая теория игр и др.

В практике управленческой деятельности широкое распространение получила линейная схема поэтапного принятия управленческих решений, которая адекватна классической научной рациональности. Основные недостатки такого подхода:

- доминанта нормативного подхода над субъективным;
- доминирующая ориентация на выбор решений, а не на решение проблем;
- перекося в сторону анализа по отношению к синтезу решений;
- ограниченные возможности организации непрерывного развития управленческой деятельности и ее субъектов;
- ограниченные возможности обеспечения безопасности управленческой деятельности и ее субъектов.

Рассмотренные недостатки могут быть преодолены в контексте неклассической и постнеклассической научной рациональности.

1 *Лефевр В. А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154—157.

2.4. УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

2.4.1. Философский уровень анализа

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний: что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире. На результаты научных исследований накладывается осмысление соотносительности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности¹.

В этом контексте развитие представлений об управлении в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект—объект».

В контексте философии эти исследования способствовали также переходу от доминирования позитивизма к философскому конструктивизму, который становится одним из ведущих направлений в рамках неклассической рациональности. В соответствии с философской позицией конструктивизма, то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира, — не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности, или деятельности трансцендентального субъекта, по И. Канту). Конструктивисты считают, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

Отсюда вытекает ряд следствий: во-первых, проблема множественности реальностей, их соизмеримости, а также понимания субъектов, живущих, вообще говоря, в разных перцептивных и концептуальных мирах; во-вторых, проблема телесных и ситуационных

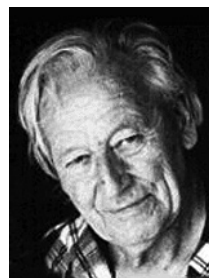
1 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 634.

Х. фон Фёрстер²

У. Матурана⁴

Грегори Бейтсон⁵

детерминант познания, которые делают реальность различных субъектов принципиально несоизмеримыми; в-третьих, если субъект не отражает, а создает реальность, то по каким законам он ее создает¹?

Дополнительные основания для развития философского конструктивизма были заложены в кибернетике второго порядка, исходные идеи которой описаны в работах Х. фон Фёрстера³. Основным естественно-научным источником философского конструктивизма является парадигма самоорганизации.

В биологии она нашла свое воплощение в концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы.

В психологии и психотерапии философский конструктивизм имеет сторонников прежде всего в лице Г. Бейтсона и П. Ватцлавика. Бейтсон считал, что люди сами создают воспринимаемый мир, поскольку подвергают селекции воспринимаемую реальность, чтобы привести ее в соответствие со своими представлениями о мире.

1 *Князева Е. Н.* Проблема субъекта в философском конструктивизме // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 70–78. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 30.11.2018).

2 Хейнц фон Фёрстер (1911–2002) — австрийский физик, математик, один из основоположников кибернетики.

3 *Foerster Heinz von.* On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N. Y.: Springer Verlag, 2003.

4 Умберто Матурана (1928) — чилийский ученый, работающий на стыке биологии и эпистемологии. Совместно со своим студентом, а затем коллегой Франсиско Варелой разработал концепцию аутопоэзиса.

5 Грегори Бейтсон (1904–1980) — британско-американский ученый, работы которого носят междисциплинарный характер и исследуют широкий спектр вопросов эпистемологии, кибернетики, теории информации, антропологии, социализации, теории коммуникации, экологии.

Фактически в центре внимания конструктивистов оказываются особого рода субъективные среды множественной реальности.

2.4.2. Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Наибольший вклад в развитие методологических основ неклассической науки внесла, на наш взгляд, отечественная школа методологов, в центр внимания которой была поставлена проблема «средства задают объект»¹. При такой постановке вопроса противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для «не наделенных психикой» объектов. В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отноше-

Карл Людвиг фон Берталланфи³

ниях исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству².

На западе аналогичные подходы рождались в рамках общей теории систем⁴ и кибернетики второго порядка, в переходе от рассмотрения «наблюдаемых систем» к рассмотрению «наблюдающих систем»⁵.

- 1 Лефевр В. А., Шедровицкий Г. П., Юдин Э. Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции. М.: АН СССР, 1965. С. 141–149; Лефевр В. А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции. М.: АН СССР, 1965. С. 61–68. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2005_1.pdf (дата обращения: 21.04.1019).
- 2 Лефевр В. А. Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования. М.: Наука, 1969.
- 3 Карл Людвиг фон Берталланфи (1901–1972) – австрийский биолог, постоянно проживавший в Канаде и США с 1949 г. Первооснователь обобщенной системной концепции под названием «Общая теория систем».
- 4 Берталланфи фон Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 23–24.
- 5 Heinz von Foerster. Cybernetics of Cybernetics. Urbana, Ill.: University of Illinois, 1974.

Эти исследования заложили фундамент для перехода от парадигмы «субъект–объект» к парадигме «субъект–субъект».

В. А. Лекторский¹

В связи с разведением парадигм «субъект–объект» и «субъект–субъект» уместно упомянуть критическое замечание В. А. Лекторского о нецелесообразности противопоставления двух типов отношений – субъектно-объектных и субъектно-субъектных. Оно основано на непропорциональном отождествлении объекта с физической вещью².

Это замечание отчасти справедливо, так как обе парадигмы включают субъектно-объектные отношения, однако для парадигмы «субъект–субъект» принципиально важно взаимное представление субъектами друг друга. С этим положением согласуется другое утверждение В. А. Лекторского – о специфике неклассической научной рациональности. «Я не является чем-то изначально и первично данным. Оно возникает в определенных условиях, а точнее, создается во взаимодействии индивида с другими людьми и вне этих отношений не существует»³.

Парадигма «субъект–субъект» оказала принципиальное влияние на парадигмы поддержки принятия управленческих решений, в которых краеугольной проблемой была и остается проблема поиска гармонии «нормативного» и субъективного. В контексте неклассической научной рациональности был явно представлен неосознаваемый конфликт двух базовых парадигм – поддержки управленческих решений и поддержки конкретных субъектов управленческой деятельности⁴.

- 1 Владислав Александрович Лекторский (р. 1932) – российский философ, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук. Специалист по теории познания и философии науки, разрабатывает концепцию деятельностного и социокультурного анализа познания, исследует субъективную и объективную рефлексии, процесс рефлексии над научными теориями – эпистемологию в целом. В отечественную теорию познания вошли его концепции о субъекте познания и др.
- 2 Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.
- 3 Там же.
- 4 Ленский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Различие подходов при создании систем поддержки управленческих решений и систем поддержки конкретных субъектов управленческой деятельности иллюстрируется в таблице 2.3.

Таблица 2.3

Принципиальные различия парадигм поддержки управленческих решений и субъектов управленческой деятельности

Аспекты сравнения	Поддержка управленческих решений	Поддержка субъектов управленческой деятельности
Отношение к субъекту	Ориентация на абстрактного (обобщенного) субъекта	Ориентация на конкретных субъектов (личность, группа, организация)
Роль субъекта	Принятие решений в соответствии с четко регламентированными целями и нормами; руководитель-исполнитель	Принятие решений в слабо регламентированных условиях; активный руководитель
Управленческие ситуации	Ориентация на прогнозируемые и исследованные ситуации (ретроспективный подход)	Ориентация на нестандартные ситуации (проблемный подход)
Основные методы	Нормативные модели, количественный анализ	Дескриптивные модели, качественный анализ
Методы моделирования (ведущие)	Функциональной аналогии	Структурно-функциональной аналогии
Базовые знания	Предметные	Процедурные
Рефлексивные процессы	Формирование представлений лиц, принимающих решения, об объектах управления и системе поддержки	Актуализация и поддержка рефлексивных структур сознания лиц, принимающих решения
Подготовка субъектов к деятельности	Освоение знаний и навыков для использования нормативных методов	Формирование базовых качеств для управленческой деятельности

Важно отметить, что эти подходы (парадигмы) не следует рассматривать как альтернативные, они должны дополнять друг друга в едином подходе (парадигме). Корректное решение проблемы допустимо лишь при расширении «пространства проблематизации», введении парадигмы, включающей в себя обе упомянутые выше парадигмы как частные стратегии решения отдельных задач. На наш взгляд, это можно сделать, введя парадигму *персональной поддержки управленческой деятельности*.

Базовая парадигма неклассической научной рациональности «субъект—субъект» оказалась органично связанной с *сетевой парадигмой*, которая нашла свое отражение практически во всех областях науки и практики. В военной сфере — сетцентрические войны, в экономике сетевой подход и агентное моделирование, в сфере политики и социального управления — сетевые сообщества и др.

В неклассической научной рациональности конкурирующей начинает выступать следующая установка — отход от нормированного, формализованного опыта к сетевой системе субъектных миров, определяющей виртуальную реальность мира. При этом целостность управления определяется не только целевой основой деятельности, но также за счет сетевой организованности субъектных миров.

Конвергенция сетевых и иерархических механизмов управления способствует повышению качества и безопасности управления. Причем в центре внимания проблематики безопасности оказываются субъекты¹.

В контексте этических представлений создаются предпосылки для гармонии этических представлений, для преодоления установки «цель оправдывает средства»².

Базовые объекты управления. Для данного типа научной рациональности и базовой парадигмы управления «субъект—субъект» важнейшим свойством рассматриваемых объектов управления, на наш взгляд, является их активность. При этом причинность для данного типа объектов уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму и дополняется идеями «целевой причинности» (целевой детерминации). Данный тип объектов может быть отнесен к активным системам, а как базовые наиболее сложные объекты следует рассматривать большие активные системы³. Примерами таких систем могут быть биологические организмы и их сообщества, человек и сообщества, организации и т. п.

- 1 Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.
- 2 Лепский В. Е. Доминирующие этические установки в различных типах научной рациональности и их отражение в моделях В. А. Лефевра // Научно-техническое развитие и прикладная этика / Отв. ред. В. Г. Горохов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2014. С. 181–200. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy-2014c.pdf> (дата обращения: 12.03.2019).
- 3 В работах В. С. Степина этот тип систем определяется как саморегулирующиеся системы.

Базовый научный подход (субъектный аспект). Возрастание роли субъекта и субъект-субъектных отношений в контексте неклассической научной рациональности приводит к необходимости пересмотра доминирования деятельностного подхода в управлении, фактически возникает поляризация научных школ (особенно в психологии), ориентированных на деятельностный и субъектно-деятельностный подходы. Более адекватным специфике неклассической научной рациональности, на наш взгляд, оказался *субъектно-деятельностный подход*.

С. Л. Рубинштейн¹

Автором этого подхода (концепции) был философ и психолог С. Л. Рубинштейн: «...субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется»². Предложенный подход определил границу между знаково-речевым и деятельностным подходом к изучению человека.

Высказав кардинальное положение о включении человека в состав бытия, Рубинштейн считает субъектность наиглавнейшим механизмом этой включенности. Принцип субъектности (субъекта) неразрывно связан в концепции Рубинштейна с деятельностным принципом. Деятельность выступает как один из типов активности субъекта, как способ его отношения к действительности.

Субъектно-деятельностный подход Рубинштейна был развит в работах его учеников К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского⁴ и др.

А. В. Брушлинский³

Для неклассической научной рациональности и базовой парадигмы «субъект—субъект» важнейшим свойством рассматриваемых

- 1 Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960) – советский психолог и философ, член-корреспондент Академии наук СССР.
- 2 *Рубинштейн С. Л.* Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997. С. 438.
- 3 Андрей Владимирович Брушлинский (1933–2002) – российский психолог. Исследовал проблемы психологии личности и мышления, взаимосвязи сознания и бессознательного, развития психики и др.
- 4 *Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.

объектов управления является их активность. С. Л. Рубинштейн определял субъекта как способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире. Это определение предполагало качество субъекта как детерминанты осуществляемых им изменений в мире (активность), его способность к самостоятельности, самодетерминации (саморегуляции, самоорганизации) и самосовершенствованию¹. Он доказывал, что деятельность, так же как и сознание, – это изначальная способность субъекта.

Если для классической научной рациональности базовой была активность в деятельности, то для неклассической наряду с ней базовыми становятся и другие формы активности, в частности общение и рефлексия.

Базовый научный дисциплинарный подход. Базовая роль парадигмы «субъект—субъект» и становление активных систем как базового типа объектов управления определило ключевое направление развития кибернетики как кибернетики второго порядка, а также актуализацию в проблематике управления знаний из широкого спектра областей: биологии, психологии, социологии, политологии и др. Базовым научным подходом становится *междисциплинарный подход*.

2.4.3. Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. Основатели кибернетики понимали ограниченность парадигмы «субъект—объект» для решения проблем управления, выходящих за рамки технических систем, однако актуальность практических задач повлияла на перенос развития этой парадигмы на более поздний срок.

Во-первых, общая теория систем, да и сама программа системных исследований, ориентировали на сознательный выход из рамок классической методологии.

«Поскольку, – утверждал Бераланфи, – фундаментальный признак живого – организация, традиционные способы исследования отдельных частей и процессов не могут дать полного описания живых явлений. Такие исследования не содержат информации о координации частей и процессов. Поэтому главной задачей био-

- 1 *Абульханова К. А.* С. Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 13–26.

А. А. Богданов²

логии должно стать открытие законов, действующих в живых системах на всех уровнях организации»¹.

Аналогичные идеи были высказаны, намного раньше отечественным ученым А. А. Богдановым³.

Во-вторых, все более остро вставала проблема учета активности различного рода систем: естественной для биологических систем и систем с участием человека, искусственной для технических систем, в разработку которых бурными темпами стали внедряться элементы искусственного интеллекта.

С актуальностью решения этих проблем связано становление кибернетики второго порядка. Идея активного объекта (объекта-исследователя) была положена Х. фон Фёрстером в основание новой кибернетики второго порядка.

Согласно афоризму Хейнца фон Фёрстера, кибернетика первого порядка — это кибернетика наблюдаемых систем. Кибернетика второго порядка сняла границу между объектом и субъектом управления. Субъективность наблюдателя определяет его модель наблюдения, его теорию, под оправдание которой отбираются убедительные факты.

Если кибернетика первого порядка делает акцент на «жесткое управление» (субъект-объектный контекст), кибернетика второго порядка должна ориентироваться на субъект-субъектные формы управления, на более «мягкие» формы, в центр внимания которых попадают процессы самоорганизации.

«Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир „там, вне нас“. Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он наме-

ревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения»¹.

Ключевым для кибернетики второго порядка становится понятие «самообъективизация». Важно отметить, что исследование процессов самообъективизации шло независимо и разными путями в Советском Союзе и на Западе. Это показывает, что, с одной стороны, кибернетика развивается согласно собственной имманентной логике, независимо от сиюминутной моды, индивидуальных предпочтений отдельных ученых или культурных стереотипов. С другой стороны, различия в советском и западном подходах представляют интерес для сравнения. Их интеграция позволит нам увидеть более ясно общую структуру проблем, методов и схем, которые составляют кибернетику второго порядка.

Понятие «самообъективизация» носилось в воздухе на московских философских и кибернетических семинарах начала шестидесятых. Наиболее четко формализовать это понятие удалось В. А. Лефевру в книге «Конфликтующие структуры»². Он выделил особый класс объектов, которые назвал «объектами, сравнимыми с исследователем по совершенству». Исследователь должен отразить «внутренний мир» таких объектов и владеть специальными средствами, которые были названы *рефлексивными*. Различие между объектом и исследователем, столь четкое обычно, в этом случае исчезает. Сторонний наблюдатель, исследующий процесс исследования объектов и, как правило, отождествляющий себя с исследователем, попадает в затруднительное положение. Действительно, как ему быть, если объект сам является исследователем? Наблюдатель может стать в этом случае на «патологическую» позицию: смотреть на все происходящее с точки зрения объекта (рассмотреть исследователя с точки зрения объекта!).

В биологии идеи кибернетики второго порядка нашли свое воплощение в концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, в центре внимания которой оказались «самость» и «самопрезентация» развивающихся систем. В психологии и психотерапии идеи кибернетики второго порядка нашли своих сторонников прежде всего в лице Г. Бейтсона и П. Ватцлавика, взгляды которых согласуются с «конструктивизмом».

1 *Берталанфи фон Л.* История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 23–24.

2 Александр Александрович Богданов (1873–1928) — врач, экономист, философ, политический деятель, ученый-естествоиспытатель. Предложил идею создания новой науки — тектологии, предвосхитил некоторые положения кибернетики.

3 *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). М.: Книга, 1925.

1 *Foerster von H., Pörksen B.* Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg: Verlag, 1998. P. 114–115.

2 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967. С. 9–10.

Появление кибернетики второго порядка есть появление нового измерения – рефлексии, но оно вводилось по-разному в Советском Союзе и на Западе. В Советском Союзе идея рефлексии была объединена с идеей структуры, в результате чего появился рефлексивный анализ, на Западе – с идеей вычислений, в результате чего в кибернетику проникло понятие самоотнесенности¹. По сути дела, кибернетика второго порядка является собой переход от позитивизма к конструктивизму². Становление кибернетики второго порядка принципиально повлияло на развитие проблематики управления, на смену механизмов моделей и появление новых видов управления.

2.4.4. Методический уровень анализа

Базовые виды управления. Переход в управлении от парадигмы «субъект–объект» к парадигме «субъект–субъект» привел к новым представлениям о видах управления: появляются рефлексивное управление³, информационное управление⁴, управление активными системами⁵ и др.

Приведем пример из области управления экономическими системами. Нобелевская премия по экономике за 2001 г. Лауреаты: Джордж Акерлоф (George Akerlof), Майкл Спенс (A. Michael Spence), Джозеф Юджин Стиглиц (Joseph E. Stiglitz).

В пресс-релизе Королевской академии говорится: «Многие рынки характеризуются асимметричной информацией: игроки на одной стороне рынка обладают гораздо большей информацией, чем игроки на другой стороне. Заемщики знают больше, чем заимодавцы, о своих платежных планах, менеджеры и руководство знают боль-

- 1 *Лефевр В. А.* Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 96–103. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf (дата обращения: 25.11.2018).
- 2 *Foerster H. von.* On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N. Y.: Springer Verlag, 2003.
- 3 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.
- 4 *Кононов Д. А., Кульба В. В., Шубин А. Н.* Информационное управление: принципы моделирования и области использования // Труды ИПУ РАН. Т. XXIII. М.: ИПУ РАН, 2004. С. 5–29.
- 5 *Бурков В. Н., Кондратьев В. В.* Механизмы функционирования организационных систем. М.: Наука, 1981.

Джордж Акерлоф¹

Майкл Спенс²

Дж. Ю. Стиглиц³

ше, чем держатели акций, о прибыльности компании, а будущие клиенты осведомлены о рисках компании лучше, чем страховщики». Фактически речь идет об управлении экономическими системами в контексте парадигмы «субъект–субъект». Во-первых, речь идет о необходимости учета наличия разных картин мира у участников (субъектов) рыночных отношений. А значит, о необходимости учета механизмов формирования информационных моделей субъектов рыночных отношений. Во-вторых, четко ставится и решается проблема управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, т. е. речь идет об учете механизмов рефлексивного управления. Ранее аналогичные идеи были сформулированы и практически использованы в экономике Д. Соросом⁴.

Базовые модели в управлении. В рамках парадигмы «субъект–субъект» развитие моделирования процессов управления связано с мно-

- 1 Джордж Акерлоф (р. 1940) – американский экономист. Известен исследованиями рынка труда и особенно нерыночных зарплат. Эти теории лежат в основе неокейнсианской школы макроэкономики. Наиболее известная статья, которая принесла ему всемирную славу и Нобелевскую премию, – «Рынок лимонов» (подержанных автомобилей).
- 2 Майкл Спенс (р. 1943) – американский экономист. Согласно теории рыночных сигналов Спенса, продавцы могут увеличить объем продаж при помощи предоставления покупателям дополнительной информации о качестве своих услуг. Особое место в теории сигналов занимает политика выплаты дивидендов корпорациями.
- 3 Джозеф Юджин Стиглиц (р. 1943) – американский экономист. Председатель Совета экономических консультантов при президенте США (1995–1997); шеф-экономист Всемирного банка (1997–2000). Является иностранным членом Секции экономики отделения общественных наук Российской академии наук.
- 4 *Soros G.* The Alchemy of Finance. Simon & Schuster, 1988.

гими научно-прикладными подходами: функционально-структурным, субъектно-деятельностным, рефлексивным и др.

Функционально-структурный подход. Одним из первых симптомов смены тенденций в моделировании социальных систем явился перенос центра внимания с аналитических на *имитационные модели и системы*. Интерес к имитационным моделям возник у управленцев в связи с тем, что их главная отличительная особенность состоит в обеспечении не только функциональной аналогии модели с объектом управления, но и структурно-функциональной, позволяющей использовать имитационные модели в качестве понятных заместителей реальности¹.

Для глобального моделирования и прогнозирования наибольшее распространение получили следующие виды имитационного математического моделирования:

- дискретно-событийное моделирование;
- системная динамика как парадигма моделирования;
- агентное моделирование.

Дискретно-событийное моделирование – подход к моделированию, предлагающий абстрагироваться от непрерывной природы событий и рассматривать только основные события моделируемой системы, такие как: «ожидание», «обработка заказа», «движение с грузом», «разгрузка» и др. Дискретно-событийное моделирование наиболее развито и имеет огромную сферу приложений – от логистики и систем массового обслуживания до транспортных и производственных систем.

Системная динамика – парадигма имитационного моделирования, где для исследуемой системы строятся графические диаграммы причинных связей и глобальных влияний одних параметров на другие во времени, а затем созданная на основе этих диаграмм модель имитируется на компьютере. По сути, такой вид моделирования более всех других парадигм помогает понять сущность происходящего, выявлять причинно-следственные связи между объектами и явлениями. С помощью системной динамики строят модели бизнес-процессов, развития города, модели производства, динамики популяции, экологии и развития эпидемии.

1 Березкин Б. С., Лепский В. Е., Субботин Ю. А. Имитационное моделирование в инженерно-психологических исследованиях деятельности операторов организационных систем // Методы и средства автоматизации психологических исследований. М.: Наука, 1982. С. 30–43.

Агентное моделирование – относительно новое направление в имитационном моделировании, которое используется для исследования децентрализованных систем, динамика функционирования которых определяется не глобальными правилами и законами (как в других парадигмах моделирования), а, наоборот, случаи, когда эти глобальные правила и законы являются результатом индивидуальной активности членов группы. Цель агентных моделей – получить представление об этих глобальных правилах, общем поведении системы, исходя из предположений об индивидуальном, частном поведении ее отдельных активных объектов и взаимодействии этих объектов в системе. Агент – некая сущность, обладающая активностью, автономным поведением, может принимать решения в соответствии с некоторым набором правил, взаимодействовать с окружением, а также самостоятельно изменяться. Следует отметить, что в этих моделях появились зачатки субъект-субъектных отношений¹, однако в целом доминантой прикладных работ остается объектно-ориентированный сетевой подход².

В контексте имитационного моделирования следует рассматривать также разнообразные виды игрового моделирования с ограниченным использованием математических методов: деловые игры, ролевые игры и др. А также проблемные игры, несколько выходящие за рамки имитационных игр, например, организационно-деятельностные игры.

В контексте неклассической научной рациональности получила принципиальное развитие *классическая теория игр и в целом проблематика выбора*.

Важное направление развития моделирования в управлении связано с рефлексивными математическими моделями (основатель – В. А. Лефевр, 1960-е годы). По замыслу создателей, они предназначались для преодоления ограничений, сформированных в рамках естественно-научных представлений классической науки, проявившихся при исследовании систем, сравнимых с исследователем по совершенству³.

1 Тарасов В. Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

2 Городецкий В. И. Теория, модели, инфраструктуры и языки спецификации командного поведения автономных агентов: Обзор (часть 1) // Искусственный интеллект и принятие решений. 2011. № 2. С. 19–30.

3 Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.

Во-первых, это было связано с учетом в моделях рефлексивных представлений участников взаимодействий. В контексте теоретико-игрового подхода на основе анализа поведения фантомных агентов, существующих в представлениях других реальных или фантомных агентов, удалось предложить в качестве решения рефлексивной игры информационное равновесие, которое является обобщением ряда известных концепций равновесия в некооперативных играх¹. Было проведено расширение пространства моделирования выбора с учетом рефлексивных представлений до многозначных логик² и др.

Во-вторых, это проявилось в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности, которые образуют два класса. В частности, были разработаны четыре модели выбора, когда наряду с утилитарными присутствуют и высшие ценности. В основе всех этих моделей лежит представление субъекта как существа рефлексивного, т. е. предполагается, что субъект может иметь образы себя и других субъектов вместе с их внутренними мирами. Простейшие ситуации, в которых высшие ценности играют существенную роль, связаны с восприятием людьми успеха или неуспеха других людей.

В 1969 г. была построена *первая формальная модель* генерации высших ценностей в подобных ситуациях³. Мы предположили, что каждый субъект является локальным центром социального организма и что ценности других членов группы влияют на его ценности.

*Вторая модель*⁴ была создана для выявления склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту. В рамках этой модели таких отношений может быть только два — союз или конфликт. Выбор одного из них предопределяется не утилитарными, а высшими ценностями. Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. Человек, рассматриваемый в своей культуре как достойный, стремится выбрать такое отношение, при котором этический статус образа себя будет выше, т. е. субъект будет лучше выглядеть в собственных глазах.

1 Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Рефлексивные игры. М.: Синтег, 2003.

2 Таран Т. А. Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. 2001. № 10. С. 103–117.

3 Лефевр В. А., Баранов П. В., Лепский В. Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Известия академии наук СССР. Техническая кибернетика. 1969. № 4. С. 29–33. См. также: Рефлексивные процессы и управление. 2006. № 2. С. 96–102. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2006_2.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

4 Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.

Третья модель — это модель биполярного выбора. Анализ экспериментальных данных показал, что биполярная модель позволяет объяснить наблюдаемое отклонение реальных стратегий, которыми пользуются как люди, так и животные, от стратегий, оптимальных с точки зрения утилитарных ценностей¹.

Отдельные субъекты очень редко принимают решения, находясь в изоляции. Обычно на них воздействуют другие субъекты, входящие с ними в одну группу. Члены группы могут находиться друг с другом в отношении союза или конфронтации. В рамках рефлексивных моделей выбор генерируется многоэтажной рефлексивной структурой, т. е. у каждого субъекта есть система образов себя, в свою очередь содержащих системы образов себя. Поставим следующий вопрос: какова универсальная высшая ценность, объединяющая группу субъектов? В теории рефлексивных игр² (это *четвертая модель*) такой универсальной общей ценностью является *принцип запрета эгоизма*. Он формулируется так: каждый субъект, входящий в группу, преследуя свои личные цели, не должен наносить ущерб группе как целому. Таким образом, действия, выгодные для субъекта, но не выгодные для группы, являются неприемлемыми. Важно заметить, что этот принцип не запрещает действия, направленные против интересов группы или общества, если лицо, их совершающее, не получает никакой личной выгоды.

Принцип запрета эгоизма играет в теории рефлексивных игр примерно ту же роль, какую играет принцип гарантированного результата в классической теории игр. Теория рефлексивных игр позволяет предсказывать выборы субъектов, входящих в группу, если нам известен граф отношений между субъектами и их воздействия друг на друга.

Другим важным направлением в развитии моделирования в контексте неклассической научной рациональности явились *экспертные системы* как вид математических моделей процедур принятия решений, адекватный представлениям парадигмы «субъект—субъект». Они выступают как средство формализации личного опыта и передачи его другим пользователям с обеспечением возможности

1 Lefebvre V. A. Research on Bipolarity and Reflexivity. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2006; Lefebvre V. A., Sanabria F. Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality // Behavioral Processes. 2008. V. 78. P. 204–209.

2 Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009.

идентификации автора знаний и процедур их получения. Главная причина, затрудняющая широкое использование экспертных систем, связана с тем, что принятые в них механизмы представления знаний адекватны частным случаям таких представлений и не соответствуют многообразию форм представления знаний, используемых человеком.

Получили также широкое распространение модели *диалоговых процедур* в системах управления, прежде всего в связи с тем, что классическая кибернетика и исследование операций мало что дали для решения одной из важнейших управленческих проблем — целеобразования.

Д. А. Поспелов²

Выход из указанного положения специалисты по компьютеризации управленческой деятельности стали связывать с передачей этих функций самому лицу, принимающему решения, обеспечивая ему «естественные» условия диалогового взаимодействия с ЭВМ².

Приведем пример развития моделирования в рамках парадигмы «субъект—субъект» в управлении экономическими системами. Нобелевская премия по экономике в 2005 г. дана «за расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр».

На наш взгляд, работы лауреатов премии вносят существенный вклад в становление парадигмы «субъект—субъект» в управлении экономическими системами.

Т. Шеллинг предложил новый тип точек равновесия, которые в описании игры формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако, с точки зрения реальных игроков, более вероятны, чем остальные. Шеллинг назвал такие точки равновесия *фокальными точками*. Шеллинг был, вероятно, одним из первых, кто заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый до-

- 1 Дмитрий Александрович Поспелов (р. 1932) — советский и российский специалист в области новых методов управления сложными системами, создания ЭВМ новой архитектуры и проблем искусственного интеллекта.
- 2 *Брябрин В. М., Поспелов Д. А.* Проблемы построения диалоговых систем для общения с системами искусственного интеллекта // *Человеко-машинные системы*. М. 1977. С. 3—17.

Т. К. Шеллинг¹

И. Р. Дж. Ауманн²

ход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии игрок будет следовать, — иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить *стратегический* характер (Schelling, 1985). Исходная установка Д. Ауманна состоит в том, что равновесие в экономических отношениях понимается как предельный результат сложных процессов социального взаимодействия, причем результат этот оказывается кооперативным, т. е. максимизирующим возможное благосостояние всех участников. Принципиальным вкладом Ауманна в науку является понятие «общего знания». Важно отметить, что Ауманн допускал интерпретацию «общего знания» не как нормативного (того, что игроки должны знать о тех или иных аспектах игры), а как позитивного — описание того, что они знают в каждый конкретный момент игры. Фактически Ауманн ввел в экономический анализ рефлексивные процессы, имеющие место в интерактивном взаимодействии участников экономических отношений.

В таблице 2.4 представлены Нобелевские премии по экономике, оказавшие влияние на становление парадигмы «субъект—субъект»³.

В контексте неклассической научной рациональности мы ограничимся рассмотрением отдельных видов моделирования, адекватных парадигме «субъект—субъект»: очевидно, что состав такого рода моделей намного шире рассмотренного нами.

- 1 Томас Кромби Шеллинг (р. 1921) — американский экономист. Исследовал проблематику контроля за вооружением, энергетической и экологической политики, предотвращения терроризма, борьбы с наркотиками и т. д. Автор нескольких работ по теории конфликтов; ввел понятие фокальной точки в работе «The Strategy of Conflict» (1960).
- 2 Израэль Роберт Джон Ауманн (р. 1930) — израильский математик. Нобелевская премия присуждена ему за выдающийся вклад в понимание и анализ теории конфликтов и сотрудничества, разработанной на основе теории игр.
- 3 *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26—30 января 2009 года. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302—1308.

Таблица 2.4

Нобелевские премии XXI в., оказавшие существенное влияние на становление парадигмы «субъект—субъект»

Год	Лауреаты премии	Официальное название	Субъектная интерпретация
2001	Джордж Акерлоф (George Akerlof), Майкл Спенс (A. Michael Spence), Джозеф Юджин Стиглиц (Joseph E. Stiglitz)	Анализ рынков с асимметричной информацией	<i>Субъект—субъект</i> 1. Необходимость учета наличия разных картин мира (информационных моделей) у субъектов рыночных отношений 2. Ставится и решается проблема управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, т. е. речь идет об учете механизмов рефлексивного управления
2002	Дэниэл Канеман (Daniel Kahneman), Вернон Ломакс Смит (Vernon Lomax Smith)	Экономический анализ человеческого поведения	<i>Субъект—субъект</i> 1. Включение моделей процессов принятия решений субъектами в условиях риска и моделей управления своим поведением в экономические модели 2. Использование экспериментальных (игровых) моделей с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов
2005	Израэль Роберт Джон Ауманн (Yisrael Robert John Aumann), Томас Кромби Шеллинг (Thomas Crombie Schelling)	«За расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр»	<i>Субъект—субъект</i> Необходимость учета рефлексивных процессов при анализе точек равновесия (фокальные точки)
2006	Эдмунд Фелпс (Edmund S. Phelps)	«За анализ межвременного обмена в макроэкономической политике»	<i>Субъект—субъект</i> Необходимость учета в экономических моделях степени информированности конкретных субъектов экономических отношений

Базовые механизмы и технологии управления. В контексте парадигмы «субъект—субъект» основные механизмы управления связаны с воздействиями на активных субъектов: психологические, экономические, организационные, правовые и др. Особое значение приобретают рефлексивные процессы и рефлексивное управление¹.

2.4.5. Выводы

Философско-методологические основания проблематики управления в контексте неклассической научной рациональности в основном базируются на философском конструктивизме, субъектно-деятельностном подходе и парадигме «субъект—субъект».

В исследовании проблематики управления в контексте неклассической научной рациональности сложился *междисциплинарный подход*. Это проявлялось преимущественно в бинарных междисциплинарных взаимодействиях кибернетики (кибернетики второго порядка) с другими областями знания (психология, биология, экономика, философия, социология и др.), которые породили новые научные и прикладные направления. Междисциплинарный подход способствовал бурному развитию науки, успешному решению актуальных практических задач. Однако в настоящее время все упомянутые направления подвергаются резкой критике за фрагментарность подхода, потерю целостности в управлении, недостаточный учет влияния культуры на субъектов управления и др. Настало время пересмотра научных парадигм и поиска новых форм взаимодействия различных областей знания в проблематике управления.

В рамках парадигмы «субъект—субъект» развитие моделирования процессов управления связано с разнообразными научно-прикладными подходами: функционально-структурным, субъектно-деятельностным, рефлексивным и др.

В организации управленческой деятельности возник конфликт парадигмы поддержки управленческих решений и поддержки субъектов управленческой деятельности, который разрешался в парадигме *персональной поддержки управленческой деятельности*.

В аналитике неклассической научной рациональности конкурирующей начинает выступать следующая установка: отход от нормированного, формализованного опыта к сетевой системе субъект-

¹ *Ленский В. Е.* Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 6–33.

ных миров, определяющей виртуальную реальность мира. При этом целостность управления определяется не только целевой основой деятельности, но также за счет сетевой организованности субъектных миров.

Дальнейшее развитие проблематики управления связано с постнеклассической научной рациональностью.

2.5. УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

2.5.1. Философский уровень анализа

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над научной деятельностью. В нем учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача их соотнесения с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности¹.

В постнеклассической науке новая картина мира не может быть представлена знаниями, оторванными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей, без чего невозможна адекватная интерпретация полученных ими знаний. Сетевая связь частных субъектных картин мира образует общую постнеклассическую картину мира.

В ходе развития позитивизма и разного рода постпозитивистских школ выдвигались различные критерии отделения научного знания от знания вне- и псевдонаучного: верификация Р. Карнапа, фальсификация К. Поппера, «позитивный сдвиг проблем» И. Лакатоса и др. Проблема эта так и не была решена, поскольку граница между научным и вненаучным знанием оказалась достаточно размытой. Проще указать на примеры того, что в данное время в нашей культуре признается в качестве бесспорно научного знания и что к таковому явно не относится². В постнеклассической науке полная картина мира открывается лишь благодаря взаимосвязанности научных теорий. На смену «верификации» и «фальсификации» приходит принцип «паутины концепций». Первые шаги были сделаны физиками, которые обнаружили аналогии в своих моделях с идеями восточных мистических традиций. Сегодня на этот путь пытаются встать и гу-

1 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 634–635.

2 *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 38–40.

манитарные науки¹. Черты постнеклассической рациональности обнаруживаются в переходе от систем — к судьбам (метафора Л. С. Выготского), от предметов — к проблемам (направлениям исследований), от однозначных текстов — к множественности интерпретаций и игре стилями (подход, связанный с работами Ю. М. Лотмана)².

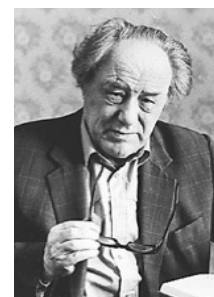
Иными словами, постнеклассическая наука — это такое состояние знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели и субъектные реальности) составляют концептуально взаимосвязанную сеть. Этим обеспечивается и синергетический эффект применения методологических принципов субъектности для задач субъектно-ориентированного конструирования саморазвивающихся полисубъектных сред.

В контексте постнеклассической научной рациональности происходит трансформация философского конструктивизма, который сохраняет свое значение и в данном виде рациональности.

При этом существенно «смягчается» радикализм философского конструктивизма, усиливая акцент на коммуникативных процессах, формирующих реальность субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы³. Она мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправных партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с нерелексимируемыми и «непрозрачными» процессами собственной психики. Свобода понимается не как выражение проективно-конструктивного отношения к миру, не как создание такого предметного мира, который управляется и контролируется, а как такое отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня. Важно подчеркнуть, что принятие не означает простого довольствования тем, что есть, а предполагает взаимодействие и взаимное изменение. При этом речь идет не о детерминации, а именно о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации. Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных

- 1 *Алексеева И. Ю.* Общество знаний и перспективы философии управления // *Философия управления: методологические проблемы и проекты* / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2013. С. 266–285.
- 2 *Гусельцева М. С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // *Психологический журнал*. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.
- 3 *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.

и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия.

Н. Н. Моисеев¹

Подобной онтологии человека соответствует новое понимание отношений человека и природы, в основу которого положен не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности известным ученым Н. Н. Моисеевым, идея коэволюции².

Совместная эволюция природы и человечества может быть истолкована как отношения равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге, погруженных в общую среду.

2.5.2. Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Постнеклассическая научная рациональность предполагает введение в контекст научных исследований и проблематики управления *полисубъектной среды*, на фоне которой они проводятся. Среда, которая включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития; среда, которая сама рассматривается как саморазвивающаяся система.

Усиливается концентрация внимания на субъектах научной деятельности. При этом нельзя игнорировать угрозу потери («размывания») субъектности в условиях реалий современного мира³. Субъектов ожидают большие трудности при самостоятельных попытках справиться с угрозой потенциальной бессубъектности. Решение проблемы следует искать в организации взаимодействия субъекта с саморазвивающейся полисубъектной средой, в которой он представлен в разнообразных отражениях своих действий, средой, которую целесообразно также наделять свойствами субъектности.

- 1 Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) — ученый с мировым именем, академик Российской академии наук. Специалист в области общей механики и прикладной математики, моделирования биосферы, автор модели «ядерной зимы» и др.
- 2 *Моисеев Н. Н.* Еще раз о проблеме коэволюции // *Вопросы философии*. 1998. № 8.
- 3 *Лекторский В. А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.

Ключевой для управления становится, на наш взгляд, *парадигма «субъект—саморазвивающаяся полисубъектная среда» («субъект—метасубъект»)*¹.

Базовые объекты управления. Согласно В. С. Степину, в контексте данной научной рациональности базовыми объектами становятся «челoveкоразмерные саморазвивающиеся системы», которые характеризуются прежде всего открытостью. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития, сложный развивающийся комплекс: человек—техничко-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и др.²

Базовый научный подход (субъектный аспект). Становление парадигмы *субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда* неразрывно связано со становлением субъектно-ориентированного подхода³. Этот подход является органичным развитием субъектно-деятельностного подхода, с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде и с уменьшением внимания к деятельностной составляющей в связи с резким снижением влияния нормативных компонент на действия субъектов в условиях современной реальности. Впервые методологические основы субъектно-ориентированного подхода были разработаны для совершенствования автоматизированных систем организационного управления страной⁴.

Дополнительным аргументами для становления и развития субъектно-ориентированного подхода являются:

- 1 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. С. 226–245.
- 2 *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
- 3 *Лепский В. Е.* Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира: К 80-летию академика В. С. Степина / Под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 392–420.
- 4 *Лепский В. Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

- возможности организации в саморазвивающейся полисубъектной среде механизма распределенного самонаблюдения¹;
- возможности создания принципиально новых механизмов управления сложностью на основе специальной организации рефлексивных процессов².

В постнеклассической науке новая картина мира не может быть представлена знаниями, оторванными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей, без чего невозможна адекватная интерпретация полученных ими знаний. Связь частных субъектных картин мира образует общую постнеклассическую картину мира.

Базовый научный дисциплинарный подход. Актуальность использования трансдисциплинарного подхода в проблематике управления на этапе доминирования постнеклассической научной рациональности определяется следующими соображениями:

- необходимость интеграции всех видов научной рациональности и соответствующего им инструментария, сложившегося в проблематике управления;
- необходимость интеграции разнообразных областей естественно-научного и гуманитарного знания;
- необходимость выходить за пределы научного знания при формировании картин мира, адекватных проблемам управления саморазвивающимися челоoveкоразмерными средами;
- необходимость поиска новых челоoveкоразмерных механизмов управления сложностью³.

2.5.3. Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. В настоящее время области знания, обеспечивающие проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находятся в становлении.

- 1 *Луман Н.* Самоописания / Пер. нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М.: Логос—ИТДГК «Гнозис», 2009.
- 2 *Лепский В. Е.* Механизмы саморегулирования сложностью в рефлексивно-активных средах инновационного развития // Синергетика инновационной сложности / Под ред. В. И. Аршинова, Е. Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 427–442.
- 3 *Лепский В. Е.* От монодисциплинарности к трансдисциплинарности в эволюции представлений об управлении // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: ИД «Навигатор», 2015. С. 543–562.

В стадии становления находится *кибернетика саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред* (кибернетика третьего порядка) на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам»¹.

В. Ф. Турчин²

Успешные попытки заглянуть в будущее кибернетики XXI в. предпринимались В. Ф. Турчиным³, автором знаменитого Кибернетического манифеста.

В последние годы Стюарт Амплеби⁵ предлагает развитие *кибернетики* в контексте становления науки второго порядка, исходные идеи которой в определенной степени соотносятся с идеями постнеклассической науки.

Стюарт Амплеби⁴

В России предпринимаются попытки институционализации *синергетики* как области знания, ориентированной на обеспечение проблематики саморазвивающихся систем. Основоположник введения типов научной рациональности В. С. Степин четко определяет свою позицию по этому вопросу: «Я разделяю и отстаиваю точку зрения, согласно которой синергетика выступает научным знанием о саморазвивающихся системах». Вместе с тем он признает и онтологическую ограниченность синергетики: «Идеализация нелиней-

ной среды является одним из ключевых теоретических конструктов синергетики. Этот конструкт используется во многих конкретных теоретических моделях самоорганизации, относящихся к самым различным областям (физики, химии, биологии, исследования социальных процессов). Но его онтологизация имеет свои границы»¹. Учитывая, что Степин под саморазвивающимися системами понимает и «человекомерные», говорить об институционализации синергетики как базовой области знания для данного класса систем в настоящее время преждевременно. Пока синергетика не интегрируется с субъектно-ориентированным подходом, она не сможет учитывать специфику «человекомерности» саморазвивающихся систем и выйти за рамки каузальной детерминации.

Тенденции доминирования в XXI в. проектной ориентации в развитии социальных систем допускают вариант институционализации области знания, обеспечивающей проблематику управления не только в рамках кибернетики, но и в рамках развития *социогуманитарной эргономики*². В настоящее время эти идеи обсуждаются в кругах специалистов по эргономике; при переходе страны на путь интенсивного развития есть шанс становления этой области знания. Тем более что в XX в. накоплен богатейший опыт эргономического обеспечения в проектировании крупномасштабных конкурентоспособных на мировом уровне систем.

Учитывая, что базовым научным подходом в постнеклассической научной рациональности становится трансдисциплинарный подход, философия могла бы претендовать на роль ведущей области знания в организации и управлении саморазвивающимися человекомерными системами. Конечно, не в целом философия, а ее специализированное направление. Реалии управленческой практики XXI в. дают основания для формирования прикладной философии.

Сегодня в России интенсивно ведутся работы по институционализации базовых областей знания, обеспечивающих проблематику управления в контексте постнеклассической науки. Идеи кибернетики третьего порядка (саморазвивающихся полисубъектных сред) нашли признание ведущих специалистов по системным исследованиям и кибернетике в США и Западной Европе. Как следствие, в Моск-

- 1 Лепский В. Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 7–36; Lepskiy V. E. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2017. № 3. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>.
- 2 Валентин Фёдорович Турчин (1931–2010) – советский и американский физик и кибернетик, создатель языка Рефал и новых направлений в программировании и информатике.
- 3 Турчин В. Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: Словарное издательство ЭТС, 2000.
- 4 Стюарт Анспак Амплеби (р. 1944) – известный американский ученый, специалист в области философии, политологии, кибернетики. Бывший президент Американского общества кибернетики (ASC). В 2007 г. Стюарт Амплеби был награжден Золотой медалью Венера Американского общества кибернетики.
- 5 Umpleby S. A. Second order science: logic, strategies, methods // *Constructivist Foundations*. 2014. V. 10. № 1. P. 16–23.

- 1 Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5–17.
- 2 Лепский В. Е. Социогуманитарная эргономика стратегического проектирования российского развития // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 351–368.

ве планируется организация мирового конгресса по системным исследованиям и кибернетике, устремленным в будущее человечества.

Обсуждаются идеи становления научно-прикладной области знания – социогуманитарной эргономики саморазвивающихся полисубъектных сред.

2.5.4. Методический уровень анализа

Базовые виды управления. В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» – создание условий для их развития или разрушения. Фактически доминирующими видами управления становятся разнообразные *виды управления через среду*. В частности, к ним следует отнести управление посредством «мягкой силы», управление посредством создания хаоса, управление сложностью, управление через «задание механизмов функционирования среды», управление «через механизмы сборки субъектов», управление «через социальные сети» и многие другие виды управления. Следует отметить, что новые виды управления рождались в основном не под влиянием кибернетики, а под влиянием других областей знаний (экономика, социология, политология и др.).

Джозеф С. Най¹

В политической сфере наряду с традиционными видами управления через силовое и экономическое воздействия все большее внимание уделяется управлению посредством «мягкой силы»².

Ценности и культура рассматриваются как один из компонентов мягкой силы, с помощью которой можно оказывать влияние на субъектов мировой политики, даже не обладая достаточной экономической и военной мощью. К этому же виду управления относится управление посредством создания хаоса³.

- 1 Джозеф С. Най (р. 1937) – американский политолог, автор концепции мягкой (гибкой) силы; ведущий эксперт по международным вопросам.
- 2 *Най Дж.* Гибкая сила: Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.
- 3 *Лепский В. Е.* Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. №4. С. 69–78. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 12.03.2018).

В последние годы все более широко используется вид управления через социальные сети¹.

В управлении экономическими системами также начинают широко использоваться виды управления через среду². Приведем пример Нобелевской премии по экономике за 2007 г. – «За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов». Лауреаты: Леонид Гурвиц (Leonid Hurwicz), Эрик Маскин (Eric S. Maskin), Роджер Брюс Майерсон (Roger Bruce Myerson).

Речь идет о теоретическом осмыслении следующей задачи. Тот, кто придумывает механизм, знает, что хотелось бы получить при определенных обстоятельствах, однако сами обстоятельства ему неизвестны.

Добросовестный создатель механизма пытается придумать единые правила игры на все случаи жизни, чтобы каждый раз получалось именно то, что он хочет. Л. Гурвиц предложил исследовать децентрализованные рыночные механизмы – и для того, чтобы понять, как и почему реальные рынки собирают и передают информацию, и для того, чтобы можно было создавать специальные механизмы для решения конкретных проблем. Эти работы явно ориентированы на парадигму «субъект–полисубъектная среда» в управлении экономическими системами.

- 1 *Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А.* Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество. 2012. №1. С. 65–75.
- 2 *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.

Древние примеры мягких видов управления через среду связаны с деятельностью культовых организаций, в которых использовались комплексы видов управления, включающие виды управления, соответствующие всем типам научной рациональности. В результате воздействия этих видов управления формировался совокупный субъект с заранее предопределенными свойствами. Фактически этот вид управления осуществлялся в значительной степени через механизмы сборки субъектов. Именно поэтому современная система законодательства оказалась практически бессильной в запрете культовых организаций¹. Приходится признать, что древняя культура управления порой опережает современную научную культуру управления.

В таблице 2.5 представлены Нобелевские премии по экономике, оказавшие влияние на становление видов управления через среды.

Таблица 2.5

Нобелевские премии XXI в., оказавшие существенное влияние на становление видов управления через среды

Год	Лауреаты премии	Официальное название	Субъектная интерпретация
2007	Леонид Гурвич (Leonid Hurwicz), Эрик Маскин (Eric S. Maskin), Роджер Брюс Майерсон (Roger Bruce Myerson)	«За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов»	<i>Субъект – полисубъектная среда</i> Эти работы четко ориентированы на парадигму «субъект–среда» в управлении экономическими системами
2008	Пол Кругман (Paul Krugman)	«За анализ структуры торговли и размещения экономической активности»	<i>Аналогично</i>
2009	Элинор Остром (Elinor Ostrom), Оливер Уильямсон (Oliver Williamson)	«За исследования в области экономической организации и анализ вне рыночных экономических трансакций»	<i>Аналогично</i>
2010	Питер Даймонд (Peter Diamond), Дэйл Мортенсен (Dale Mortensen), Кристофер Писсаридес (Christopher Pissarides)	«За исследования рынков с моделями поиска – „требование“ в макроэкономике»	<i>Аналогично</i>

1 Лепский В. Е., Степанов А. М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.

Базовые модели в управлении. В рамках рассмотренных парадигм одним из основных типов управления становится *полисубъектное управление*. Исходные посылки и рефлексивные модели полисубъектного управления были впервые разработаны В. А. Лефевром¹.

В контексте постнеклассической рациональности базовым подходом при моделировании социальных систем становится использование человека для моделирования отдельных активных элементов системы. Это обуславливается необходимостью преодоления двух проблем, трудно разрешимых в рамках формального подхода. Во-первых, организация на основе рефлексии субъектов «распределенного наблюдателя» социальной системы. Во-вторых, решение проблемы сложности социальных систем за счет организации адекватных ситуациям рефлексивных процессов реальных людей, включенных в игровую модель как в «человекообразную среду».

Попытки включения человека в различные типы моделей социальных систем имеют давнюю историю: деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры и др. Общим для всех указанных типов игр было то, что они соответствуют неклассической рациональности. Доказательством этого утверждения являются базовые основания их организации.

Деловые игры базируются на организации имитационного (игрового) моделирования конкретных условий и динамики производственной деятельности. Моделирование деятельности – основа деловых игр.

Ролевые игры базируются на организации взаимодействия участников, которые действуют в рамках выбранных ими ролей, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия; вместе они создают сюжет или следуют уже созданному. Действия участников игры считаются успешными или нет в соответствии с принятыми правилами. Игроки могут свободно импровизировать в рамках выбранных правил, определяя направление и исход игры. Моделирование ролей – основа ролевых игр.

Организационно-деятельностные игры (связаны с именем Г. П. Щедровицкого) базируются на организации схемы сложной пространственной *соорганизации коллективного мышления и действия* (мыслительности). Моделирование коллективного мышления (мыслительности) – основа организационно-деятельностных игр.

Варианты использования других типов игр для моделирования социальных систем с включением человека строились в той или иной степени на основе трех упомянутых выше типов игр.

1 Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967.

Выделенные базовые основания деловых, ролевых и организационно-деятельностных игр позволяют сделать вывод, что они не вписывались в контекст постнеклассической рациональности, поскольку в них отсутствовала ведущая ориентация на исследование, моделирование и организацию субъектов, включая рефлексивные процессы и ценностные ориентации, их связь с культурой и др.

Нами предлагается введение нового типа моделей, соответствующих требованиям постнеклассической рациональности, — *стратегические рефлексивные игры*¹. Речь идет о создании «человекообразных» рефлексивно-активных сред² динамического моделирования социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем³.

Структура базовых принципов и онтологий организации рефлексивно-активных сред в контексте создания динамических моделей сред инновационного развития рассмотрены нами в монографии «Рефлексивно-активные среды инновационного развития»⁴.

Тенденции перехода к исследованию полисубъектных сред в экономике отчетливо просматриваются через анализ Нобелевских премий⁵. Лауреат премии 2002 г. Вернон Ломакс Смит (Vernon Lomax

1 Понятие рефлексивных игр связано с именем В. А. Лефевра, он ввел его еще в 1960-е годы. Он понимал под ними преимущественно математические модели и частный случай моделей с участием человека — «дриблинги», на которых иллюстрировались технологии рефлексивного управления. Фундаментальное развитие математической теории рефлексивных игр сделано в работе: *Лефевр В. А.* Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009. Сохраняя за Лефевром понятие «рефлексивные игры», мы вводим новое понятие — «стратегические рефлексивные игры».

2 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. С. 226–245. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 30.02.2018).

3 *Лепский В. Е.* Методологические основы стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 128–146. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf> (дата обращения: 30.02.2018).

4 Там же. С. 137–163.

5 *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая меж-

Smith) награжден за лабораторные эксперименты как средство в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов. Фактически речь идет о моделях экспериментальной экономики, о моделях полисубъектных сред.

Базовые механизмы и технологии управления. В контексте парадигм «субъект—полисубъектная среда» и «человекообразные саморазвивающиеся среды» основные механизмы управления связаны с воздействиями через среды. В центре внимания оказываются ценности, культура, механизмы сборки и разрушения совокупных субъектов (макросубъектов), механизмы целеобразования и др.

2.5.5. Выводы

Философско-методологические основания проблематики управления в контексте постнеклассической научной рациональности в основном базируются на гуманистической трактовке философского конструктивизма, субъектно-ориентированном подходе и парадигме «субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда».

Становление парадигмы *субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда* неразрывно связано со становлением субъектно-ориентированного подхода. Этот подход является органичным развитием субъектно-деятельностного подхода, с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде и с уменьшением внимания к деятельностной составляющей в связи с резким снижением влияния нормативных компонент на действия субъектов в условиях современной реальности.

В исследовании проблематики управления в контексте постнеклассической научной рациональности наблюдается становление *трандисциплинарного подхода*. Можно предположить, что интеграторы трандисциплинарного подхода — это новая профессия ближайшего будущего, и их подготовку надо начинать сегодня. Как следствие, перед философами встает ряд новых проблем, не только методологических и теоретических, но и практико-ориентированных.

В настоящее время области знания, обеспечивающие проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находятся в становлении. Формируется *кибернетика третьего порядка* на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвиваю-

дународная конференция по проблемам управления (26–30 января 2009 года): Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.

щимся системам». В настоящее время идеи кибернетики третьего порядка приняты ведущими специалистами США и Западной Европы, что определяет приоритет российской науки в проблематике управления социальными системами.

В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» — создание условий для их развития. Фактически доминирующими видами управления становятся разнообразные *виды управления через среду*.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку. В контексте постнеклассической научной рациональности имеет место интеграция механизмов обеспечения целостности управления, характерных для всех видов научной рациональности. Соответственно, используются три механизма обеспечения целостности — целевой (классика), сетевой (неклассика) и метасубъектный (постнеклассика). Этим механизмам соответствуют три формы обеспечения целостности управления: иерархическая, сетевая и средовая.

Дальнейшее развитие проблематики управления неразрывно связано с постнеклассической научной рациональностью.

2.6. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫХ СРЕД (КИБЕРНЕТИКА ТРЕТЬЕГО ПОРЯДКА)

2.6.1. Исходные посылки

Кибернетика третьего порядка (саморазвивающихся рефлексивно-активных сред) формируется на основе постнеклассической научной рациональности¹. Постнеклассическая научная рациональность задает четыре важнейших основания для гармонии субъектов развития. Во-первых, методологически обоснованное совместное представление субъектов, средств и объектов в процессах познания и деятельностной активности. Во-вторых, включение в процессы познания социальных ценностей и целей наряду с внутринаучными ценностями. В-третьих, введение в научную и управленческую деятельность этических регуляторов и принципиально важных связей с культурой. В-четвертых, задание постнеклассической рациональности не только как специфического вида рациональности, но и как рамочной методологической конструкции, органично включающей классическую и неклассическую рациональности.

Логика становления кибернетики третьего порядка базируется на возрастании роли субъектности и рефлексивности в процессах управления. В процессе эволюции кибернетики имеет место расширение представлений об объекте и системе управления. В классической кибернетике первого порядка мы имеем дело с объектами как «наблюдаемыми системами». В кибернетике второго порядка — с объектами как активными «наблюдающими системами». В кибернетике третьего порядка объект и система управления сливаются в единое целое в саморазвивающейся рефлексивно-активной среде.

Этой логике эволюции кибернетики соответствует и смена базовых парадигм: от парадигмы «субъект—объект» к парадигме «субъект—субъект» и далее в кибернетике третьего порядка к парадигме

1 Lepskiy V. E. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2018. V. 47. Iss. 2. P. 249–261. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>.

«субъект—метасубъект (саморазвивающаяся полисубъектная среда)». Кибернетика третьего порядка, обладая своей спецификой, задает также парадигму (рамочную конструкцию), в которую включены парадигмы кибернетик первого и второго порядка.

Важно отметить, что саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда рассматривается как саморазвивающаяся система и как метасубъект.

Идея саморазвивающейся рефлексивно-активной среды была предложена под влиянием ряда междисциплинарных идей и философских концепций. Философия дала базовые идеи постнеклассической научной рациональности, на основе которых появилась возможность интегрировать идеи и концепции гуманитарных наук: идеи ноосферы (В. И. Вернадский), понятие общества как социальной системы (Никлас Луман), деятельностный и субъектно-деятельностный подходы (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.), исследования российских методологов (Г. П. Щедровицкий и др.), междисциплинарные идеи формирования социальной кибернетики (Стюарт Амплеби), социогуманитарного анализа опыта разработки автоматизированных систем управления страной (В. Е. Лепский) и др.

Саморазвивающаяся рефлексивно-активная среда представляет собой метасубъект, который обладает инвариантными свойствами для различных типов субъектов: целеустремленность (активность), рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Одновременно среда — это взаимодействие активных элементов, которые могут образовываться на основе естественного интеллекта (личности, группы и т. д.), искусственного интеллекта (агентов), общего (сильного) искусственного интеллекта и интеграции естественного и искусственного интеллекта. Важно заметить: саморазвивающаяся рефлексивно-активная среда — это целостное образование, что принципиально отличает ее от сетей, которые являются набором взаимосвязанных элементов.

Организация взаимодействия активных элементов между собой и со средой определяется системой ценностей, принципов, онтологий, критериев и специализированных субъектно-ориентированных информационных платформ¹.

1 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010; *Лепский В. Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015.

В настоящее время идея становления кибернетики третьего порядка все более привлекает внимание ведущих специалистов в области управления и кибернетики¹.

2.6.2. Структура обобщенной модели саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Обобщенная модель саморазвивающейся рефлексивно-активной среды представляется нами через многоуровневую структуру мировоззренческого, концептуального, технологического уровней и уровня реализации².

Мировоззренческий уровень:

- базовые ценности и базовые мировоззренческие принципы саморазвивающихся рефлексивно-активных сред;
- модели соотношения и конвергенции мировоззренческих основ традиционных религий, цивилизаций и этносов.

Концептуально-методологический уровень:

- базовые методологические принципы организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред;
- система онтологий организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред (в условиях гибридной реальности: субъектной, цифровой, физической);
- критерии оценки жизнедеятельности и развития субъектов и среды в целом;
- принципы организации взаимодействий субъектов в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах (гармоничное существование и развитие субъектов);

Технологический уровень:

- концептуально-технологический (технологии обеспечения включенности общества в процессы управления и развития; техно-

1 *Umpleby S. A., Medvedeva T. A., Lepskiy V.* Recent Developments in Cybernetics, from Cognition to Social Systems // *Cybernetics and Systems*. 2019. V. 50. Iss. 4. P. 367–382. URL: <https://doi.org/10.1080/01969722.2019.1574326>.

2 *Лепский В. Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998; *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 25.03.2019).

логии субъектно-ориентированных моделей, информационных платформ, обеспечения рефлексивных процессов и др.; технологии организации гибридной реальности саморазвивающихся рефлексивно-активных сред и др.;

- инструментально-технологический (технологии конвергенции субъектно-ориентированных и объектно-ориентированных моделей и др.

Реализационный уровень (практический опыт).

2.6.3. Базовые ценности и структура базовых принципов методологии организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Постнеклассическая научная рациональность заостряет проблему кризиса техногенной цивилизации, которая игнорирует базовые ценности и ключевую роль культуры в развитии человечества¹.

Базовые ценности перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации можно представить как взаимосвязанную систему ценностей (рисунок 2.2).

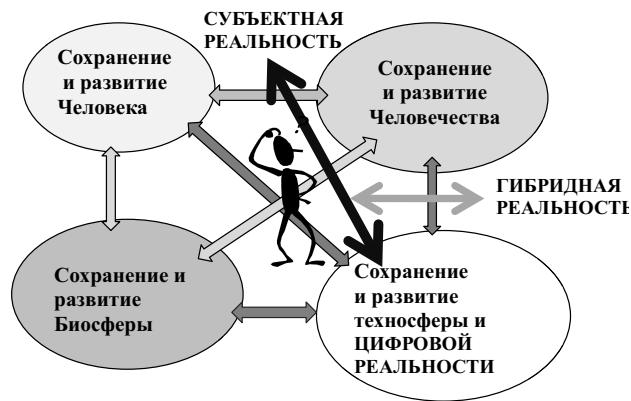

Рис. 2.2. Система базовых ценностей социогуманитарной цивилизации

¹ *Лепский В. Е.* Гармония культур в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах (От техногенной к социогуманитарной цивилизации) // *Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г.* СПб.: СПбГУП, 2018. С. 431–433.

Учет этих ценностей должен, на наш взгляд, лечь в основу стратегического целеполагания в любых социальных системах, ориентированных на гармонию субъектов развития.

Предлагаемая нами методология организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред базируется на структуре базовых принципов¹, представленных на рисунке 2.3.

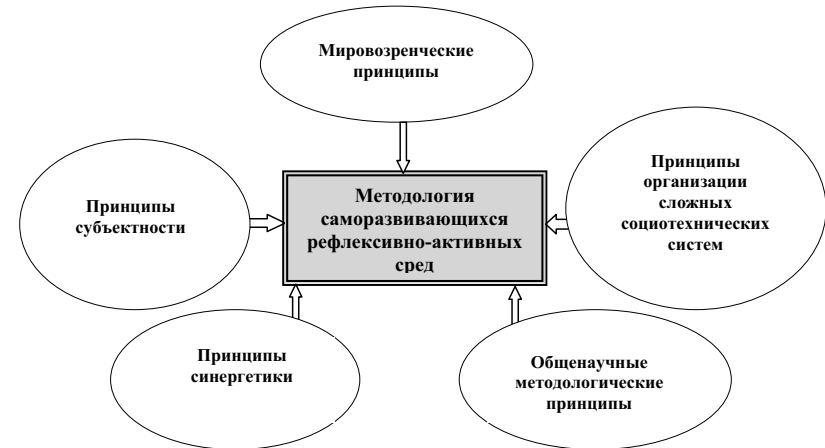

Рис. 2.3. Структура базовых принципов методологии организации саморазвивающихся инновационных сред

Все группы принципов описаны нами в ранее изданной работе². В данной монографии мы рассмотрим только две группы: мировоззренческие принципы и принципы субъектности, наиболее актуальные в контексте философско-методологического анализа.

2.6.4. Мировоззренческие принципы саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Мировоззренческие принципы должны базироваться на философском наследии человечества, а также духовной культуре мировых религий и быть ориентированными на преодоление эгоизма, насилия и других негативных качеств, присущих реалиям современного мира.

¹ *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

² Там же.

Принцип мировоззренческой детерминации в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах

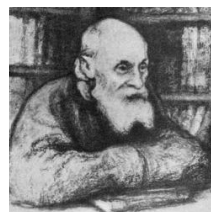
Современный человек включен во множество социальных групп, не отождествляя себя ни с одной в течение сравнительно долгого времени. Вращаясь во множестве реальностей (субъектных, цифровых, физических), пластов человеческого опыта, он входит в каждую из них лишь частью своей субъектности, не идентифицируя себя ни с одной из них (кризис идентификации). Человек, не имея базисной группы социально-психологической идентификации, оказывается одиноким на ветру социальных перемен; такая ситуация именуется постмодерном.

Разрушение структур социально-групповой идентификации, «новая атомизация» и ее обратная сторона — «массовизация» — диагностируются как «смерть социального». Его деградация выражается в размывании свойственных модерну устойчивых границ между частным и общественным, в подмене масштабных социальных задач партикулярными устремлениями, в стремлении отказаться от достижения долгосрочных целей ради получения немедленных результатов. Это проявляется в доминанте индивидуализма при формировании социальных отношений и общностей, приоритете прав субъектов перед обязанностями взаимной регуляции целей, отношений и действий.

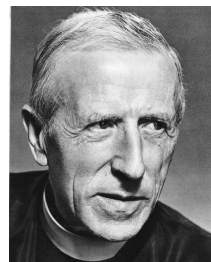
Являясь основой рыночной экономики, индивидуализм привел сегодня мир к нестабильной однополярной системе и служит одной из главных причин нахлынувшей волны терроризма.

Этот парадоксальный стереотип формировался в условиях, когда можно было провести четкие границы между государствами и локализовать сферы экономической деятельности, когда воздействие на окружающую среду отдельных субъектов не приводило к глобальным последствиям для всей планеты, когда человечество не было заложником отдельных асоциальных элементов и группировок, когда было корректным понимание автономного существования отдельных государств и других видов социальных образований. Однако в полной мере плоды парадоксальности индивидуализма обнаружили сегодня, когда на планете сложилась другая ситуация — мы все зависим друг от друга, мы живем в «коммунальной квартире».

Необходимы другие механизмы регулирования совместного проживания, основанные на кооперативном начале, а не на индивидуализме, позволяющие обеспечивать взаимопонимание и доверие субъектов, динамичные переходы от конфликтов к кооперации и партнерству.

Н. Ф. Фёдоров¹

Тейяр де Шарден²

В. И. Вернадский⁴

Индивидуализм не может быть основой для регуляции отношений в динамично меняющемся современном мире, на что еще в начале XX в. указывал отечественный философ Н. Ф. Фёдоров.

Пьер Тейяр де Шарден рассматривал эволюцию как процесс, ведущий к космическому единству, к общечеловеческой мыслительной деятельности и к формированию мозга мозгов. Он видит в этом новом космическом единстве возрастание человечности, рост ответственности, свободы, любви.

Чтобы вращаться в это космическое измерение, необходимо отказаться от своего эгоизма, расстаться с узким индивидуализмом и в результате соединения со всем миром жить по меркам Вселенной, дать новой величине охватить себя и взять на себя также ответственность за нее, подчеркивал он³.

Свой вклад в преодоление доминанты примитивной рациональности над нравственностью внесли многие мыслители. В. И. Вернадский трактовал эволюцию как процесс, стремящийся через геосферу и биосферу к ноосфере, через материю и возникновение живого — к духовному, к возрастающему одухотворению мира⁵.

- 1 Русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, деятель библиотековедения, педагог-новатор (1829–1903). Один из основоположников русского космизма.
- 2 Французский теолог и философ, священник (1881–1955). Внес огромный вклад в палеонтологию, антропологию, философию, теологию. Создал своего рода синтез католической христианской традиции и современной теории космической эволюции.
- 3 *де Шарден П. Т.* Феномен человека. М.: Прогресс, 1965.
- 4 Крупнейший русский ученый XX в. (1863–1945). В круг его интересов входили геология и кристаллография, минералогия и геохимия, организаторская деятельность в науке и общественная деятельность, радиогеология и биология, биогеохимия и философия. Один из предшественников русского космизма.
- 5 *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

Наследие указанных и других отечественных мыслителей свидетельствует, что цивилизационный потенциал России как никакой другой страны ориентирован на планетарное мышление и преодоление оков индивидуализма. Однако сегодня в России более, чем где бы то ни было, разрушены идентификационные процессы, имеет место «атомизация» общества, потеря видения будущего. Возникли острейшие угрозы для ее национальной безопасности.

Надежды на то, что механизмы демократии сами по себе обеспечат решение идентификационных проблем необоснованны, причем не только в России, но и во всем мире. Осознание обществом приватизации механизмов демократии чревато потерей в его глазах легитимности власти и нарастанием социальной напряженности. Об этом в той или иной степени спорили многие отечественные мыслители — как философы, так и писатели XIX–XX вв. Их роль в обосновании мировоззренческих принципов XXI в. очень велика, поскольку они соизмеряли общие принципы социального развития и конкретные его формы с природой человека как носителя высших начал.

Если мы действительно хотим стать на путь развития, а не ограничиваться демагогическими заявлениями, то единственный способ решения идентификационной проблемы — перевод ее в плоскость соотнесения с конкретными стратегическими проектами, с одной стороны, и их соизмеримости с указанными началами — с другой. Лишь в таком случае любые проекты могут быть поняты и приняты обществом как свои; более того, каждый шаг в их реализации станет прозрачен и обеспечит движение к поставленным целям. Только на этой основе возможна «сборка» социальных субъектов и мобилизация креативного и других потенциалов развития России¹.

Преодоление индивидуализма субъектов развития связано с выходом из традиционных оков догмы чисто экономических представлений, с формированием новых, мировоззренчески насыщенных форм коллективных отношений, с открытостью, со снятием коммуникативных границ, со становлением их как стратегических субъектов².

1 Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf> (дата обращения: 23.11.2018).

2 *Лепский В. Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 23.11.2018).

Принцип запрета эгоизма

В эпоху глобализации и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу философия субъектов развития должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст. Это проявляется в решительном отказе от культуры самости, исключительной заботы о самом себе, и ведущей становится ориентация на обращение к миру, к чужому, к другому¹.

Принцип доминанты кооперации над конкуренцией

В традиционной организации каждый ее член прежде всего должен конкурировать со всеми другими и защищать себя от них — и как личность, и как член функциональной группы. Кооперация, формально требуемая везде, где есть взаимозависимая работа. Тем не менее она не занимает лидирующего места в шкале ценностей.

Ориентация на кооперацию вступает в явное противоречие с экстремистскими индивидуалистическими взглядами, которые пытаются навязать нам неолибералы, порой открыто выдвигая лозунг «Менеджеры всей страны, обогащайтесь!». Она несовместима и с широко распространенными взглядами «экономического редуционизма» и с монополией критерия прибыльности. С такими установками из стен некоторых вузов могут выйти только «менеджеры-людоеды».

Принцип социальной ответственности

Философия субъекта развития — это в первую очередь акцент на ответственности за свою деятельность, осознание близких и отдаленных последствий воздействий на социальную среду. Значение этой ответственности резко возрастает в связи с осознанием возрастающих неконтролируемых человечеством угроз научно-технического развития, с нарастающими тенденциями поиска путей перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации².

Принцип ведущей ориентации на духовное развитие (преодоление доминанты общества потребления)

Представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития уже давно подвергается острой

1 *Лефевр В. А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Рефлексивные процессы и управление. 2009. № 1–2. С. 51–56.

2 *Лепский В. Е.* Седьмой социогуманитарный технологический уклад — адекватный ответ технологическим вызовам XXI века // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1010–1021.

критике. Все ли люди земли хотят участвовать в бесконечной гонке за возрастающими материальными потребностями? Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты? Все ли хотят обменять духовное богатство и свободу на избыточное материальное благополучие?

XX в. можно назвать «веком примитивной рациональности»¹. Если человечество не сконцентрирует свой интеллект и ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества в новом веке, то оно может оказаться перед лицом глобальной духовно-нравственной катастрофы. Субъекты развития должны осознавать свою решающую роль в духовно-нравственном возрождении человечества.

Принцип ненасилия

Одним из главных регуляторов духовного возрождения может стать этика ненасилия, по-новому структурирующая нравственные нормы.

А. А. Гусейнов²

А. А. Гусейнов отмечает возрастающее в современном мире влияние организации социальной среды на моральные качества человека. Сложно организованное, деперсонализированное общество характеризуется тем, что совокупность профессионально-деловых качеств индивидов, определяющих их поведение в качестве социальных единиц, мало зависит от их личностных моральных добродетелей.

- 1 На примитивной рациональности базируется грабительская рыночная экономика. Рациональность в войнах довела человечество до полной патологии, когда военные стратеги могли совершенно серьезно анализировать альтернативы действий, в которых закладывались миллионы жертв ядерной войны. Рациональность породила концепцию «золотого миллиарда», в которой кто-то берет на себя право решать, кому жить на планете, а кому не жить. Примитивная рациональность определила грубое вмешательство в жизнь народов Афганистана, Югославии, Ирака, Украины, Грузии и др.
- 2 Российский философ, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии наук (р. 1939). Сформулировал гипотезу о стадияльном происхождении нравственности, взяв за критерий обособление индивида от родоплеменной общности в качестве самостоятельной личности. С конца 1980-х годов разрабатывает концепцию этики ненасилия. С его именем связан ряд оригинальных идей: интерпретация классической европейской этики как различных опытов духовного

В своем общественном поведении человек выступает носителем функций и ролей, которые ему задаются извне, самой логикой систем, в которые он включен. Зоны личностного присутствия, где решающее значение имеет то, что можно назвать моральной воспитанностью и решимостью, становятся все менее значимыми. Общественные нравы зависят уже не столько от этоса индивидов, сколько от системной (научной, рационально упорядоченной) организации общества в тех или иных аспектах его функционирования. Общественная цена человека определяется не только и не столько его личными моральными качествами, сколько моральной значимостью того совокупного большого дела, в котором он участвует. Мораль становится по преимуществу институциональной, трансформируется в прикладные сферы, где этическая компетенция, если вообще можно здесь говорить об этике, определяется в решающей мере профессиональной компетентностью в специальных областях деятельности (бизнесе, медицине и т. д.)¹.

В. А. Лефевр² призывает к доминанте первой этической системы, в которой недопустимо *зло* даже в интересах *добра* (цель не оправдывает средства) и ведущей оказывается ориентация на сотрудничество, а не на конфликт.

Все же в духовной истории человечества есть особая этическая линия, которая понимает мораль как ненасилие и в этом качестве придает ей значение непосредственной и абсолютной основы человеческого существования. Ее условно можно назвать этикой ненасилия³. Игнорирование этой этики недопустимо при реализации принципов организации саморазвивающихся сред.

Ненасилие составляет нормативное содержание золотого правила нравственности, которое можно считать универсальной формулой гуманизма, своего рода этическим инвариантом всех культур. Его мы находим практически у всех моральных учителей человечества. В европейской истории идеал ненасилия связан, прежде всего,

преодоления противоречия между счастьем и добродетелью; обоснование того, что этика и моральное сознание образуют единый духовный комплекс, не укладывающийся в схему науки и ее предмета; описание морализаторства как фетишистской формы сознания.

- 1 Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: Ежегодник. М.: ИФ РАН, 2000.
- 2 Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2003.
- 3 История этических учений: Учебник / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003.

с именем Иисуса Христа. Идея ненасилия является итоговым выводом, вытекающим из продуманного и цельного взгляда на мир. Она венчает определенную метафизику, антропологию и этику человеческого существования.

Метафизика ненасилия исходит из того, что жизнь отдельно-го человеческого индивида нельзя рассматривать саму по себе, вне связи с миром в целом. За пугающей конечностью жизни индивида скрыт непостижимо бесконечный смысл. В основе такого взгляда лежит убеждение, что доброе начало жизни есть в то же время ее вечное начало.

Этика ненасилия ориентирована на бесконечность человеческого развития. Сама конечность земной жизни получает объяснение и оправдание в бесконечности внутреннего самосовершенствования. Более того, ее можно понять как настоятельное требование такого самосовершенствования.

Принцип гармонии традиций и развития

До сих пор традиции удерживали нашу жизнь в относительно стабильном состоянии, создавали для нее рамки и наполняли ее смыслом. Традиция сохраняет прошлое и тем самым формирует настоящее, для этого ей нужна память, которая постоянно трансформирует настоящее, репродуцируя воспоминания о прошедших событиях. Эти повторения придают нашему опыту постоянство и длительность. Поэтому мы можем действовать ответственно и ощущаем свои обещания как обязательные.

Сегодня сложились разные точки зрения на роль традиций в условиях глобализации. Странники «жесткой» глобализации подталкивают общество к движению «прочь от традиций», на строительство своих собственных основ. Такой путь приводит к снижению разнообразия самобытных культур, к уменьшению цивилизационного потенциала развития планеты.

Странники «мягкой» глобализации ориентированы на гармонию глобализационного строительства и максимально возможного сохранения самобытных культур.

В начале нового тысячелетия у России имеется шанс стать лидером мировых процессов развития. Этот шанс можно использовать только при условии, если Россия сможет стать лидером формирования и реализации «мягких форм» глобализации. Эта задача крайне сложная, учитывая, что глобализация является венцом развития капитализма и сегодня ее плодами пользуются в первую очередь ис-

торически сложившиеся лидеры капитализма, которые пытаются «предоставить» нам роль своего сырьевого придатка.

Принцип преодоления экономического и финансового редуccionизма

В современном мире возрастают тенденции к самодостаточности экономических, и прежде всего финансовых, процессов, тогда как собственно социальное начало становится менее значимым. Финансовые потоки свободно мигрируют из одних стран в другие, не стесненные национальными границами.

А. С. Панарин¹

По утверждению А. С. Панарина, мировая финансовая элита вышла из системы национального консенсуса и образовала олигархический интернационал, преследующий собственные интересы, отличные от интересов своих народов. Социальная справедливость, равенство, признание права на труд как основного права человека и гражданина, оценка личности по количеству и качеству труда («по трудам вашим да воздастся вам») — это и есть тот социализм, позиций которого придерживались и придерживаются прогрессивные деятели человечества на различных этапах его развития².

Принцип преодоления стихийности научно-технического развития

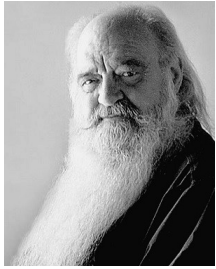
Необходимо пересмотреть представление о научно-техническом прогрессе как естественном механизме развития человечества, допускающем обособление научной истины от нравственности.

Всегда ли готово человечество к использованию научных открытий и разработанных на их основе технологий? Есть ли у него механизмы, способные дать ответ на этот вопрос и при необходимости остановить процессы внедрения?

Как заметил известный кибернетик С. Бир, «проблема динозавров все же остается. Их погубила не атомная бомба, не другое какое-то особое событие, но темп перемен. Так и мы не должны обжа-

1 Русский философ, доктор философских наук, политолог, публицист и общественный деятель (1940–2003). Известен конструктивной критикой глобализма, общества потребления и новаторским подходом к осмыслению социально-религиозной проблематики.

2 *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М., 1998.

Стаффорд Бир¹

нываться такими фактами, как существование космической ракеты или компьютера, но должны смотреть на темп перемен, который создают эти технические достижения. Именно темп, скорее чем сами переменные, это то, к чему мы должны приспособиться»¹.

Стихийные процессы включения в жизнь человечества продуктов научно-технического прогресса, подгоняемые запросами общества потребления, сделали человечество заложником лавинообразно нарастающих угроз для его существования. Сегодня его безопасность и развитие оказались в зависимости не только от национальных концепций, военных доктрин государств и действий их лидеров, но также от целей и нравственных ограничений сложившихся субъектов инновационного развития.

2.6.5. Принципы субъектности саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Принцип активности

В научной литературе достаточно распространенным является представление об активности как основе существования всех живых существ: «Всеобщей характеристикой жизни является активность — деятельное состояние живых существ как условие их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении. Оно содержит в себе источник своего собственного движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения...». «Имея в виду это особое качество — способность к самодвижению, в ходе которого живое существо воспроизводит себя, говорят, что оно есть субъект активности. „Быть субъектом“ — значит воспроизводить себя, быть причиной существования в мире...»³.

Причинная детерминация позволяет связать активность с внешними воздействиями, обосновать связь внешних и внутренних при-

- 1 Всемирно известный английский ученый в области кибернетики (1926–2002). Был теоретиком и практиком в области исследования операций и так называемой «второй волны» кибернетики. Автор знаменитой «Модели жизнеспособной системы».
- 2 Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993.
- 3 Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. М., 1996. С. 176.

чин: «Выдвинутый С.Л. Рубинштейном принцип, согласно которому внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял как представлениям о фатальной предопределенности активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой...»¹.

Положение о деятельности как форме активности, не являясь общепризнанным, тем не менее служит методологической основой в ряде деятельностных концепций. «В самом общем виде деятельность определяют как специфически человеческую форму активности, содержанием которой является целесообразное изменение и преобразование окружающего человека мира»².

В контексте развития важно выделить представление о надситуативной активности, которой приписывается способность преодолевать внутренние и внешние пределы: «Активность надситуативная — способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи. Посредством надситуативной активности субъект преодолевает внешние и внутренние ограничения („барьеры“) деятельности...»³.

Неадаптивность надситуативной активности своим источником имеет несовпадение собственных целей и ее результатов, замысла — с итогом: «Неадаптивность состоит в том, что между целью и результатом активности индивида складываются противоречивые отношения: намерение не совпадает с деянием, замысел — с его итогом...»⁴.

В целом принцип активности дает основания для выделения разнообразных форм активности. В контексте данной работы мы ориентируемся на рассмотрение трех видов активности: деятельность, общение (коммуникация) и рефлексия (деятельностная, коммуникативная и рефлексивная виды активности).

Принцип субъектности как главный системообразующий фактор

Согласно позиции создателя постнеклассической парадигмы В. С. Степина, все внимание сегодня обращено на *человекообразные само-*

- 1 Петровский В. А. Личность в психологии. Ростов-н/Д., 1996. С. 47.
- 2 Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 151
- 3 Психология: Словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 15.
- 4 Петровский В. А. Личность в психологии. Ростов-н/Д., 1996. С. 26.

развивающиеся системы. В соответствии с этим понятие «субъект» становится центральным понятием в постнеклассической науке.

С.Л. Рубинштейн¹

С.Л. Рубинштейн определял субъекта как способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире. Это определение предполагало качество субъекта как детерминанты осуществляемых им изменений в мире (активность), его способность к самостоятельности, самодетерминации (саморегуляции, самоорганизации) и самосовершенствованию².

Он доказывал, что деятельность, так же как и сознание, — это изначальная способность субъекта³.

Новая картина мира не может быть представлена знаниями, оторванными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей, в отрыве от которых невозможна адекватная интерпретация полученных ими знаний и их взаимодействие. Связь частных субъективных картин мира образует общую постнеклассическую картину мира.

Принцип субъектности саморазвивающейся рефлексивно-активной среды

Реализация принципа субъектности выдвигает специфические требования к саморазвивающейся полисубъектной среде как к целому, которая должна быть готова к гибкой «настройке» на изменяющиеся цели (потребности) включенных в нее субъектов. Успешное осуществление данного вида настройки, не требующей от субъектов

1 Выдающийся российский психолог и философ, член-корреспондент Академии наук СССР (1889–1960). Основоположник субъектно-деятельностной концепции, развиваемой и в настоящее время его учениками и последователями Автор оригинальной онтологии и философской антропологии, с позиций которых он принципиально по-новому разработал теории человека, свободы, субъекта и объекта, субъективного, идеального и объективного, психического и физиологического.

2 *Абульханова К. А.* С.Л. Рубинштейн — ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 13–26.

3 *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

детального знания самой среды обитания, возможно лишь при условии передачи в среду обитания от субъектов отдельных «свернутых» форм активности.

Одной из задач на пути решения данной проблемы является выделение типовых активных элементов, способных выступать в роли элементов конструктора при проектировании и оперативном развитии активной среды обитания. Взаимодействие субъектов и «свернутых» форм их активности позволяет поставить проблему рассмотрения распределенной субъектности как целого, представления саморазвивающихся полисубъектных сред как макросубъектов.

Принцип активного распределенного наблюдателя в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах

Никлас Луман¹

Для сложных систем проблема формирования позиции внешнего локального наблюдателя неразрешима. Как следствие, саморазвивающаяся полисубъектная среда должна обладать механизмом формирования распределенного самонаблюдения².

Саморазвивающаяся полисубъектная среда представляется нами как среда распределенных взаимодействующих акторов-наблюдателей, имеющих разнообразную природу субъектности. Взаимодействие акторов-наблюдателей осуществляется в условиях гибридной реальности (субъектная, цифровая, физическая).

Принцип разнообразия организованностей субъектности

Потенциальные возможности развития любой системы определяются в значительной степени разнообразием ее элементов. Природа продемонстрировала нам опыт выживания в сложнейших ситуациях и развития при условии сохранения богатейшего разнообразия как по видам, так и по размерам элементов. При организации саморазвивающейся полисубъектной среды надо стремиться к подобному разнообразию видов субъектов (индивиды, группы, организации

1 Немецкий социолог (1927–1998). Поставил перед собой задачу создать полное описание общества; решением этой задачи он и занимался всю жизнь. В своих работах применял концепцию аутопоэзиса. Книга «Общество общества» стала венцом его деятельности.

2 *Луман Н.* Самоописания / Пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М.: Логос–ИТДГК «Гнозис», 2009.

и другие типы традиционных видов субъектности, искусственные формы псевдосубъектности, комбинированные формы субъектности на основе естественного и искусственного интеллекта). Возможно, при ориентации на поддержание разнообразия размеров субъектов следует учитывать закономерности биоценозов и в целом наработки ценологии¹.

Принцип легализации субъектных реальностей через рефлексию

Каждый субъект рефлексирует среду, себя и других субъектов индивидуально, интерпретируя все это по-своему, переводя в собственную реальность. *Реальность* – это форма представления бытия субъектом. Рефлексия моделирует реальность, превращая ее в воображаемую реальность. Только с появлением субъектов возникают реальности как субъективные формы представления бытия.

Общесистемное представление о рефлексии было впервые сформулировано В.А. Лефевром. В системном аспекте под рефлексией можно понимать способность некоторых систем строить модели себя и других систем, а одновременно видеть себя строящими такие модели. На этом пути удастся провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания².

Принцип постнеклассической навигации субъектов

Постнеклассический субъект научного знания значительно расширяет для себя спектр допускаемых моделью научного познания позиций. Он не только анализирует, но и синтезирует реальность своей деятельности и ее законы. Это уже не идеализированный сторонний наблюдатель, а человек во всей полноте его бытия. Познающий субъект тем самым становится навигатором в пространстве позиций, из которых он открывает истины строения мира, в котором сам является активным творящим началом.

Принцип конкретных субъектов в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах

Специфика деятельности человека в условиях постиндустриального общества убедительно доказывает неадекватность подходов, сложившихся в индустриальном обществе, в котором доминировали

1 Кудрин Б. И. (Техно)ценологические основания инновационного развития // Большая энергетика. 2010. № 1 (10). С. 7–11. URL: <http://www.kudrinbi.ru/public/10773/index.htm> (дата обращения: 16.06.2018).

2 Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1968.

обобщенные модели участников производственных процессов (например, модель «обобщенного оператора»). В постиндустриальном обществе основной созидательной силой становятся творцы-инноваторы, обеспечение продуктивности их деятельности требует индивидуального подхода. Как следствие, саморазвивающиеся среды должны иметь возможность настраиваться на особенности конкретных субъектов развития¹.

Принцип актуализации медиаторов культуры

Теоретическая конструкция и соответствующая ей информационная сфера принятия субъектом решений не являются замкнутыми системами, а открыты в культуру. Выход в сферы культуры из пространства теоретической конструкции осуществляется во взаимодействии с медиаторами культуры, открывающими ему эти сферы, где он получает дополнительные средства структурирования себя и мира; из них же происходит актуализация структур реальности. Кроме того, медиаторы культуры востребованы в трансдисциплинарном подходе к организации процессов управления и развития.

Принцип двойного субъекта как ведущий при организации активной инновационной среды

Исходя из того, что одним из базовых свойств субъекта является рефлексия, на наш взгляд, базовый принцип организации взаимодействия «субъект–саморазвивающаяся рефлексивно-активная среда» должен определять процедуру рефлексивного согласования во взаимодействии субъектов. Для установления взаимопонимания и «включенности» в деятельность друг друга субъекты адекватно представляют актуализированные у них в контексте данного взаимодействия субъектные позиции и соответствующие им субъектные реальности.

Для понимания специфики саморегуляции рефлексивной активности наибольшее значение имеет принцип «двойного субъекта» из группы «принципы субъектности». Представим краткое описание этого принципа.

Логику проектирования саморазвивающейся рефлексивно-активной среды определяет в первую очередь динамическая структура субъектных позиций (рефлексивная структура). Активная сре-

1 Ленский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

да для поддержки конкретных субъектов должна актуализировать для диалога адекватный активный элемент АКТЭЛ¹ или структуру АКТЭЛов. Адекватность АКТЭЛа определяется, прежде всего, соответствием актуализированной у субъекта в данный отрезок времени позиции. Среда должна обладать множеством АКТЭЛов, адекватных по составу потенциально возможным структурам субъектных позиций, и, кроме того, механизмом актуализации АКТЭЛов.

Осуществление в системах поддержки динамической актуализации АКТЭЛов, адекватных субъектным позициям, будем называть реализацией *принципа двойного субъекта*. Это означает, что в процессах взаимодействия субъекта со средой всегда существуют как минимум два субъекта: актуализированная субъектная позиция (виртуальный субъект) и актуализированный АКТЭЛ (виртуальный АКТЭЛ) среды, т. е. актуализируются определенные типы рефлексивных структур.

Принцип двойного субъекта определяет важнейшие технологические процедуры среды обитания субъектов:

- процедура рефлексивной декомпозиции субъектов (выявления субъектных позиций);
- процедура идентификации актуализированных субъектных позиций;

¹ Под АКТЭЛами мы понимаем активные элементы, обладающие рядом базовых субъектных свойств (целеустремленностью, коммуникативностью, рефлексивностью, социальностью, способностью к развитию) и выполняющие определенные функции, реализованные на субстратном уровне естественным или искусственным интеллектом, а также их комбинациями. Для АКТЭЛов, реализованных на основе искусственного интеллекта, базовые субъектные свойства следует рассматривать как «псевдосубъектные», представления о которых развиваются по мере развития науки. Понятие АКТЭЛов как элементов архитектуры систем поддержки управленческой деятельности было введено автором и использовано в проектировании конкретных автоматизированных систем организационного управления в начале 1980-х годов. Понятие «АКТЭЛ» принципиально отличается от широко используемого в ряде областей знания понятия «агент». Агенту предполагается передача, делегирование каких-либо полномочий субъектов. Понимание АКТЭЛа предполагает включение качеств агентов, более того, они могут быть и самостоятельными свободными субъектами. Необходимость введения понятия АКТЭЛа связана с возможностью их реализации на основе искусственного интеллекта, а также соорганизации искусственного и естественного интеллекта.

- процедура актуализации, или формирования в среде виртуальных АКТЭЛов, адекватных выявленным субъектным позициям;
- процедура формирования (актуализации) субъектной позиции, адекватной имеющейся у среды субъектной позиции;
- процедура совместного формирования субъектом и средой новой субъектной позиции;
- процедура «свертывания» устоявшихся видов активности (передачи в среду для формирования соответствующего АКТЭЛа);
- процедура рефлексивного синтеза (построения моделей деятельности, моделей субъектов деятельности, личностных моделей и др.)¹.

Определяя, таким образом, логику функционирования активной среды обитания субъектов, мы исходим из примата структурных образований, определяющих свойства и функции отдельных частей, входящих в их состав, фактически мы включаем сознание пользователя в определенную структуру и обеспечиваем ее функционирование.

Заметим, что идеи, подтверждающие универсальность (инвариантность) принципа двойного субъекта, высказывались в связи с организацией функционирования различных типов систем. Приведем несколько примеров.

Эволюционная теория Ж. Б. Ламарка, который в отличие от Ч. Дарвина допускал, что среда так или иначе «инструктирует» организм о том, как к ней адаптироваться. По мнению же Дарвина, организм должен выяснить это сам, идя по пути проб и ошибок².

Теория функциональных систем П. К. Анохина: «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата. Все функциональные системы, независимо от уровня своей организации и от количества составляющих их компонентов, имеют принципиально одну и ту же архитектуру, в которой результат является доминирующим фактором, стабилизирующим организацию систем»³.

- ¹ *Лепский В. Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- ² *Хиценко В. Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М.: Комкнига, 2005.
- ³ *Анохин П. К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. С. 28–29.

Теория коррективного управления движениями Н. А. Бернштейна. Бернштейн снял представление об управлении движениями как об однозначном отображении управляющей системы на двигательную периферию и ввел представление о сложном системном согласовании (координации) центральных импульсов с явлениями и силами, разворачивающимися на периферии тела. Управление целесообразными двигательными актами осуществляется не директивным, а корректирующим способом. Это предполагает направленное изменение периферии в зависимости от ее текущего состояния, и поэтому всякий центральный импульс лишь подправляет, корректирует силовое поле, действующее на двигательный орган в направлении, определенном имеющимся проектом движения¹.

Обнаружение рефлексии в элементарных психических актах. Несмотря на богатство эмпирических данных, полученных последователями Бернштейна, их психологическая интерпретация явно недостаточна. «Движущие силы» живого движения, такие как разум, воля, чувство, эффект (подкрепление), обратная связь, по-прежнему рассматриваются (когда о них вспоминают) как внешние по отношению к нему силы, а не присущие ему самому, не находящиеся в его биомеханической ткани. Н. Д. Гордеева и В. П. Зинченко исходят из того, что эти силы, а также механизмы построения и управления живым движением должны быть обнаружены в нем самом, во *внутренней форме* его биодинамической ткани, в его *внутренней картине*, как говорил А. В. Запорожец. Им удалось доказать наличие фоновой рефлексии в простейших актах двигательной активности².

Учение о доминанте и хронотопе А. А. Ухтомского. Представление о двойственной природе человеческого сознания А. А. Ухтомский обозначил как беседу с «двойником»³.

Идеи организации систем искусственного интеллекта Д. А. Поспелова: «С большой долей уверенности можно утверждать, что путь создания вычислительных и особенно логико-информационных систем будущего — это путь создания машин, обладающих сознанием и самосознанием в рассмотренном выше смысле, и лишь на таком пути структурно-системного исследования возможно добиться от вы-

- 1 *Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. С. 113, 242.
- 2 *Гордеева Н. Д., Зинченко В. П.* Роль рефлексии в построении предметного действия // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 90–105.
- 3 *Ухтомский А. А.* Письма // Новый мир. 1973. № 1.

числительных машин решения тех задач, которые ставит перед нами развитие человеческого общества»¹.

Рефлексивный критерий цивилизации В. А. Лефевра, основывающийся на необходимом условии взаимного моделирования членами рефлексивных позиций друг друга, т. е. возможности формирования двойного субъекта².

Принцип двойного субъекта позволяет рассматривать развитие как динамическую трансформацию субъектов в виртуального группового субъекта. Соответственно — как динамическую трансформацию индивидуальной деятельности субъекта в виртуальную групповую деятельность, осуществляемую во взаимодействии субъектов с рефлексивно-активной средой.

С точки зрения обеспечения рефлексивных процессов принцип двойного субъекта направлен на повышение уровня и адекватности рефлексии за счет актуализации соответствующих АКТЭЛов; вместе с тем у субъекта появляется возможность организовать «свертывание» рефлексивных структур в соответствующие структуры АКТЭЛов, накапливая в «активной форме» личный опыт в активной среде обитания.

Погружение субъекта в среду позиционно-рефлексивного сотрудничества является конструктивной основой для развития его рефлексивных способностей. Доказательство этого утверждения мы находим в многочисленных экспериментальных исследованиях по развитию способностей к рефлексии в учебной деятельности на основе «погружения» учеников в учебное позиционно-рефлексивное сотрудничество³.

Мы полагаем, что учет принципа двойного субъекта в организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред позволит сделать очередной шаг к созданию систем с включением элементов искусственного интеллекта, не выходящих из-под контроля их создателей.

Принципы субъектно-ориентированной организации знаний

В постнеклассической науке новая картина мира не может быть представлена знаниями, оторванными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей, без чего невозможна адекватная интерпретация полученных ими знаний. Связь

- 1 *Поспелов Д. А.* «Сознание», «самосознание» и вычислительные машины // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969.
- 2 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973. С. 88.
- 3 *Рубцов В. В.* Организация и развитие совместных действий у детей в процессе обучения. М., 1987.

частных субъектных картин мира образует общую постнеклассическую картину мира.

Как известно, в ходе развития логического позитивизма и разного рода постпозитивистских школ выдвигались различные критерии отделения научного знания от знания вне- и псевдонаучного, с помощью которых можно было бы произвести подобное отделение: верификация Р. Карнапа, фальсификация К. Поппера, «позитивный сдвиг проблем» И. Лакатоса и др. Проблема эта так и не была решена, поскольку граница между научным и вненаучным знанием оказалась достаточно размытой. Проще указать на примеры того, что в данное время в нашей культуре признается в качестве бесспорно научного знания и что к таковому явно не относится¹.

В постнеклассической науке полная картина мира открывается лишь благодаря взаимосвязанности научных теорий. На смену «верификации» и «фальсификации» приходит принцип «паутины концепций», сетевой подход. Первые шаги были сделаны физиками, которые обнаружили аналогии в своих моделях с идеями восточных мистических традиций².

Сегодня на этот путь пытаются встать и гуманитарные науки. Черты постнеклассической парадигмы обнаруживаются в переходе от систем — к судьбам (метафора Л. С. Выготского), от упрощенных систем к сетям, от предметов — к проблемам (направлениям исследований), от однозначных текстов — к множественности интерпретаций и игре стилями (подход, связанный с работами Ю. М. Лотмана)³.

Иными словами, постнеклассическая наука — это такое состояние знания, в котором различные научные теории (понимаемые как модели и субъектные реальности) составляют взаимосвязанную сеть. Этим обеспечивается и синергетический эффект применения методологических принципов субъектности для задач субъектно-ориентированного конструирования сред развития.

2.6.6. Система онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Субъектно-ориентированный подход является основой для создания системы онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных

1 *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 38–40.

2 *Капра Ф.* Дао физики. Киев: София; М.: Гелиос, 2002.

3 *Гусельцева М. С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.

сред. Выделим наиболее значимые исходные положения для разработки системы онтологий:

- интеграция индивидуального, коллективного (корпоративного) и социального опыта;
- комплексная организация различных видов деятельности для управления и развития социальными системами: поддержка устоявшихся видов деятельности; разрешение проблемных ситуаций, преодоление точек разрыва деятельности и коммуникаций; установление стратегических целей и разработка стратегии; передача внешнего опыта в совершенствование механизмов управления и развития; обеспечение внедрения инновационных проектов и т. д. (с учетом принципов синергетики, в соответствии с которыми принципиально важны стабильные и неустойчивые состояния систем, масштабируемая временная шкала процессов изменений в системах — например, микро- и макромасштабы и др.);
- совместная организация работы по вышеуказанным видам деятельности представителей администрации, бизнеса, общественных организаций и граждан (конвергенция представительной и прямой демократии);
- создание социальных лифтов для граждан, которые вносят значительный вклад в развитие рефлексивно-активной среды (формирование элиты развития);
- контроль и поддержка со стороны общественности административной системы, нейтрализация угроз коррупции и повышение творческого потенциала системы управления;
- создание основы для разработки субъектно-ориентированных моделей среды (информационной платформы для обеспечения отражения всех субъектов среды, критериев оценки состояния и будущего всех субъектов, механизмов коммуникации всех субъектов для участия в различных видах совместных мероприятий и т. д.).

В соответствии с этими исходными положениями можно выделить основные типы базовых позиций наблюдателей-акторов, бытие и взаимодействие которых задает систему онтологий саморазвивающейся рефлексивно-активной среды. В систему онтологий входят онтологии развития, поддержки, сопровождения, конструирования и внедрения¹.

1 *Ленский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

В контексте современных философских концепций предлагаемая система онтологий соответствует идеям постнеклассической научной рациональности в отношении саморазвивающихся систем и устанавливает рамки для организации междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Важнейший механизм сборки саморазвивающейся среды в целом как макросубъекта задается системой онтологий. В качестве исходной посылки для построения базовых онтологий определяем задание базовых субъектных позиций в саморазвивающихся средах, аналог субъектной системы координат саморазвивающейся среды.

В качестве оснований для выделения субъектных позиций в саморазвивающихся средах примем следующие:

- общесистемные представления синергетики, согласно которым принципиально важны устойчивые и неустойчивые состояния систем;
- масштабирование времени процессов изменений в системах (например, микро- и макромасштабы);
- представления об условиях (ситуациях), в которых рождаются новации, в связи с реально существующими видами деятельности или коммуникациями или вне их.

В соответствии с этими основаниями можно выделить следующие базовые позиции субъектов саморазвивающейся рефлексивно-активной среды, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми. В их числе субъекты:

- устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и воспроизводства их субъектов (S1);
- преодоления точек разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и воспроизводства их субъектов (S2);
- развития устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов (S3);
- создания новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов (S4);
- обеспечения освоения (внедрения) новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов (S5).

Схема базовых субъектных позиций инновационного развития и взаимосвязей между ними представлена на рисунке 2.4.

В субъектных позициях S2 и S3 осуществляется производство новаций для развития существующих реальных видов деятельнос-

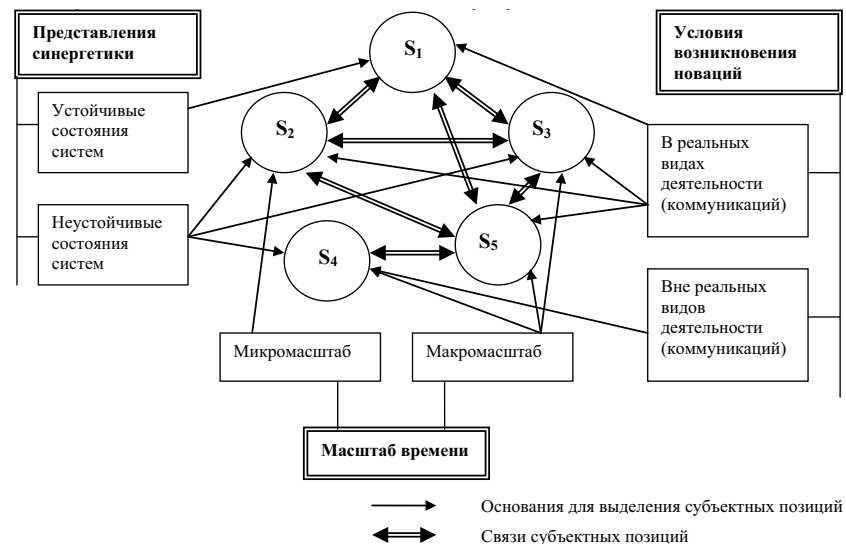

Рис. 2.4. Схема базовых субъектных позиций саморазвивающейся среды

ти и коммуникаций. Такого рода инновации можно отнести к типу «модернизационных».

В субъектной позиции S4 осуществляется производство новаций вне связи с существующими реальными видами деятельности и коммуникаций; их можно отнести к типу «уникальных».

Основные цели формирования и введения в практическую работу методологических (онтологических) схем организации деятельности и взаимодействия перечисленных субъектов связаны с необходимостью создания технологий, обеспечивающих учет разносторонних взаимодействий различных видов деятельности и их субъектов, с четкой фиксацией продуктов обмена (нормы, средства, знания и др.) и форм их кооперации.

В соответствии с их позиционированием предлагается соответствующая система онтологических схем в среде инновационного развития.

1. *Сопровождение* устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов.
2. *Поддержка* субъектов в точках разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и воспроизводства их субъектов.
3. *Развитие* устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов.

4. *Конструирование* новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов.
5. *Внедрение* инновационных проектов новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов.

В таблице 2.6 представлена обобщенная структура функций в онтологической системе саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Предложенные онтологии не являются альтернативными, более того, они дополняют друг друга и задают систему онтологий субъектов саморазвивающейся рефлексивно-активной среды. В контексте современных философских представлений предложенная система методологических схем соответствует исходным идеям постнеклассической науки о саморазвивающихся системах.

2.6.7. Двухконтурная организация саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Важнейшее значение в обеспечении онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных сред имеет идея *второго контура управления и развития*, ориентированная на гармонию иерархического, сетевого и средового подходов к управлению и развитию¹. Она создает предпосылки для реализации системы принципов базовых параметров сборки субъектов развития.

В масштабах России речь шла о создании *второго контура стратегического управления страной и ее развития*, контура общественно-государственного под непосредственным руководством Президента Российской Федерации, контура с полномочиями выше ведомственных структур исполнительной власти. В начале XXI в. эта идея была одобрена некоторыми политическими тяжеловесами, доложена в Администрации Президента РФ, Совете безопасности Российской Федерации и ряде других ведомств. Идея не устарела и сегодня, более того, на мой взгляд, это практически единственный путь перейти к развитию без революционных катаклизмов, исключительно за счет реформирования механизмов управления и развития.

Такой подход позволит осуществить консолидацию всех структур общества, решить проблемы, которые сегодня в России кажутся неразрешимыми. Президент РФ получит мощнейший механизм

¹ *Лепский В. Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 15.02.2019).

Таблица 2.6
Обобщенная структура функций онтологий саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Онтологии	Функции
Сопровождение	Контроль устоявшихся видов деятельности и коммуникаций, выявление трудностей и их быстрое преодоление. Если трудности не могут быть преодолены, они превращаются в «точки разрыва», и данные передаются в онтологию «Поддержка» для преодоления «точек разрыва» деятельности и коммуникаций
Поддержка	Решение проблем в «точках разрыва» устоявшихся видов деятельности и коммуникаций и преодоление этих нарушений. Накопление нерешенных проблем и их перевод в онтологию «Развитие»
Развитие	Стратегическое целеполагание в сотрудничестве со всеми онтологиями саморазвивающейся рефлексивно-активной среды. Включение в процессы стратегического целеполагания ключевых представителей администраций, бизнеса и общества, сборка субъектов развития. Координация стратегического целеполагания данной среды с другими средами. Формирование процессов проектной идентификации общества на основе стратегического целеполагания
Конструирование	Анализ опыта внешних (других) сред и изучение возможности его использования в своей среде. Анализ проблем, угроз, тенденций. Перевод данных в онтологию «Развитие» для стратегического целеполагания. Создание проектов (стратегий) на основе результатов стратегического целеполагания, полученных из онтологии «Развитие»
Внедрение	Анализ рисков стратегий и проектов для реализации результатов стратегического целеполагания. Анализ последствий для субъектов результатов стратегического целеполагания и разработанных стратегий. Разработка мер по нейтрализации негативных последствий. Анализ готовности среды к вариантам стратегического целеполагания, передача результатов в онтологию «Развитие». Анализ готовности среды к реализации проектов (стратегий) развития, перенос результатов в онтологию «Конструирование». Обеспечение реализации проектов, полученных из онтологии «Конструирование». Обновление до новых стратегий и проектов информационных и технологических платформ, а также функциональных и вспомогательных подсистем

стратегического управления и развития, что позволит в короткие сроки преодолеть коррупцию, подготовить национальный кадровый резерв, осуществить ротацию кадров в государственном управлении, создать социальные лифты для молодежи, обеспечить проектную идентификацию граждан, решить многие другие актуальные

проблемы. Чтобы стартовали мощные процессы консолидации российского общества, в интересах развития страны Президенту РФ необходимо провозгласить приоритет прав и интересов общества, а не отдельных групп властной элиты.

Обобщенная схема второго контура управления представлена на рисунке 2.5.

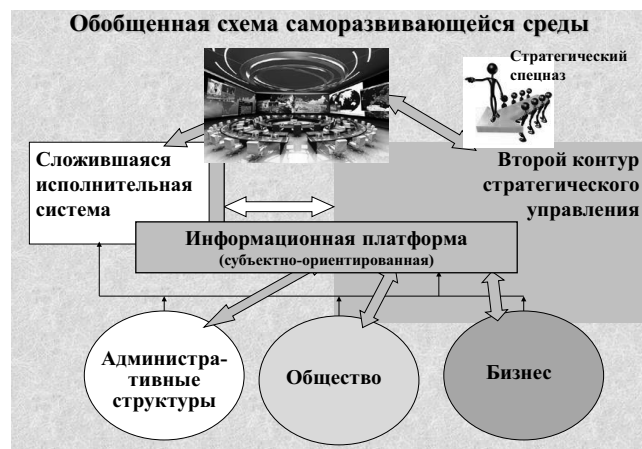

Рис. 2.5. Двухконтурная организация саморазвивающихся рефлексивно-активных сред

Заметим, что в основу создания *стратегической вертикали власти* заложены представления о новых механизмах демократии, адекватных реалиям XXI в., позволяющих динамично сочетать иерархические, сетевые и средовые механизмы управления и развития, успешно справляться с нарастающей сложностью социальных процессов, обеспечить доминирование прямой над представительской демократией. Фактически предлагается идея создания цивилизованной, контролируемой и поддерживаемой обществом «гармонии развития»¹.

2.6.8. Субъектно-ориентированная информационная модель саморазвивающейся среды (полисубъектный конфигуратор)

Организация субъектно-ориентированной информационной модели саморазвивающейся среды (полисубъектного конфигура-

¹ Лепский В. Е. Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 42–51.

ра) позволяет актуализировать ряд важнейших параметров сборки субъектов развития. В первую очередь это обеспечение рефлексивных процессов, актуализация этики стратегических субъектов, формирование пространства доверия, стимулирование социальной ответственности и др.

Назначение полисубъектного конфигулятора:

- основание для коллективного договора субъектов и поиска адекватных механизмов «сборки субъектов» совместного развития;
- задание оснований для критериев организации совместного развития субъектов;
- проектирование и поддержка «общего поля видения» будущего и реалий для субъектов совместного развития;
- возможности выявления вызовов, угроз и предложений по совместному развитию и его непрерывному мониторингу;
- основание для разработки механизмов использования «мягкой силы» в интересах совместного развития;
- создание предпосылок для преодоления «экономического редукционизма» и эгоизма участников интеграционных процессов.

Фрагмент информационной модели (полисубъектного конфигура-тора) представлен на рисунке 2.6.

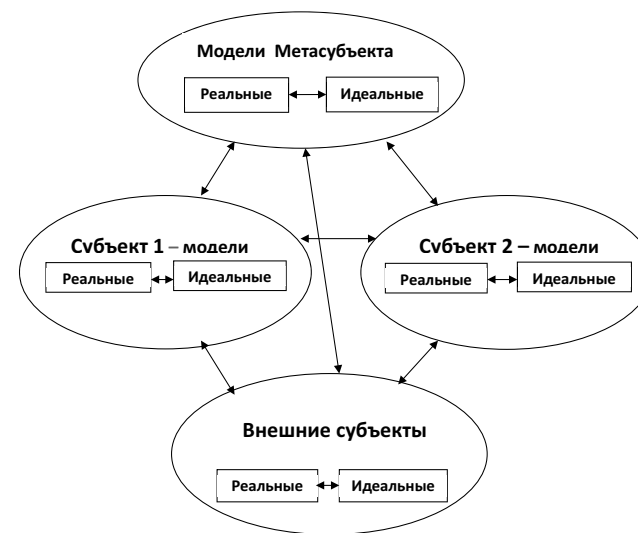

Рис. 2.6. Фрагмент информационной модели (полисубъектного конфигура-тора)

Информационная модель полисубъектного конфигуратора служит основой для задания критериев организации совместного развития субъектов в саморазвивающейся среде.

1. *Продуктивность* – определяется через соотношение динамики реальных и идеальных целевых характеристик моделей отдельных субъектов и среды.
2. *Безопасность* – определяется через негативные тренды во всех характеристиках реальных и идеальных моделей (в том числе и характеристиках, определяющих способности субъектов к развитию).
3. *Развитие* – определяется через позитивные тренды во всех характеристиках реальных и идеальных моделей.
4. *Удовлетворенность* – определяется через оценку субъективных мнений различных представителей субъектов совместного развития и субъектов внешней среды.

Полисубъектный конфигуратор создает также предпосылки для актуализации, интеграции, гармонии в саморазвивающихся средах трех типов этических регуляторов: иерархические (этика целей – классика), сетевые (коммуникативная этика – неклассика), средовые (этика стратегических субъектов – постнеклассика).

2.6.9. Принципы организации взаимодействий в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах

Система принципов взаимодействия субъектов с саморазвивающейся рефлексивно-активной средой стимулирует процессы сборки субъектов на основе субъектно-ориентированных параметров. В центре внимания оказывается ориентация среды на конкретных субъектов, которая создает благоприятные условия для реализации основных видов их активности (деятельностная, коммуникативная, рефлексивная). На рисунке 2.7 представлен фрагмент субъектно-ориентированных принципов взаимодействия субъектов с саморазвивающейся средой¹.

Очевидно, что эта структура открыта для добавления новых принципов с учетом специфики организации конкретных саморазвивающихся сред.

¹ *Ленский В. Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

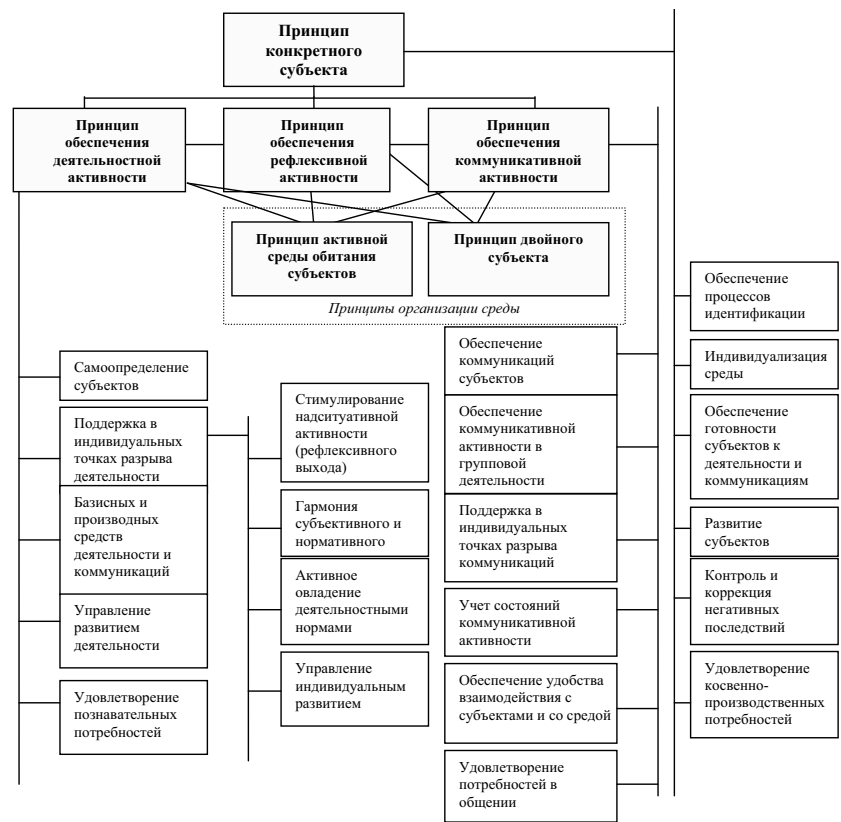

Рис. 2.7. Фрагмент структуры принципов взаимодействия субъектов в саморазвивающейся рефлексивно-активной среде

2.6.10. Выводы

В данном разделе в обобщенном виде представлены философско-методологические основания кибернетики третьего порядка. Описана структура модели саморазвивающихся рефлексивно-активных сред и ее основные составляющие: базовые ценности, система принципов, система онтологий, особенности структурно-функциональной организации такого рода сред.

Становление и развитие кибернетики третьего порядка позволит повысить качество решения ряда актуальных научных и практических проблем управления социальными системами, в частности:

- стимулировать и поддерживать процессы идентификации общества;
- совершенствовать процессы сборки субъектов развития и консолидации государства, бизнеса и общества, стимулировать и поддерживать развитие гражданского общества;
- совершенствовать механизмы демократии на основе конвергенции прямой и представительной демократии;
- преодолеть рыночный эгоизм на основе перехода к гармонии субъектов развития;
- предоставить возможности всем субъектам для реализации их социальной активности в интересах развития и создания социальных лифтов;
- стимулировать и поддерживать процессы формирования элиты развития и создать условия для ее включения в механизмы стратегического управления;
- способствовать решению проблемы сложности в процессах управления социальными системами (принцип Эшби);
- создавать условия становления новых социально ориентированных экономических механизмов развития;
- создавать эффективные механизмы инновационного развития;
- уменьшить социальную напряженность в обществе, повысить защищенность от технологий управляемого хаоса и «оранжевых революций» и других типов деструктивных воздействий;
- инициировать переходные процессы от техногенной к социогуманитарной цивилизации и др.

В отечественной практике управления в последние годы предпринимаются попытки исследовать возможности использования концептуальных разработок кибернетики третьего порядка для совершенствования системы распределенных ситуационных центров страны¹.

¹ Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Журенков Д. А., Зацаринный А. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б. Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018; Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Бауэр В. П., Зацаринный А. А., Журенков Д. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б. Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2017.

В международном сообществе обсуждение философско-методологических оснований становления кибернетики третьего порядка впервые было проведено на мировом конгрессе WOSC 2017 в январе 2017 г. в Риме, затем на XI международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» в октябре 2017 г. в Москве, а в 2018 г. на нескольких международных конференциях. В международном научном сообществе в целом одобрены предложенные нами идеи кибернетики третьего порядка и намечены пути дальнейшего сотрудничества. Было принято решение о проведении следующего конгресса по системным исследованиям и кибернетике WOSC 2020 в Москве 16–18 сентября 2020 г.

Есть основания полагать, что кибернетика третьего порядка могла бы внести существенный вклад в преодоление возникшего в начале XXI в. системного кризиса мирового сообщества.

2.7. БАЗОВЫЕ ТРЕНДЫ В ПРОБЛЕМАТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ

2.7.1. Систематизация трендов управления социальными системами

Систематизация этапов развития кибернетики в ее взаимосвязи с развитием научной рациональности дает основания для систематизации трендов проблематики управления социальными системами.

Философско-методологический анализ эволюции кибернетики и проблематики управления, включая управление социальными системами, позволил выделить базовые тренды и упорядочить их в контексте типов научной рациональности и кибернетики:

- философские подходы;
- парадигмы управления;
- позиции наблюдателя в управлении;
- подходы к представлению управленческой деятельности и ее субъектов;
- виды активности субъектов управления;
- представление об объектах управления;
- виды управления;
- модели в управлении;
- механизмы управления;
- рефлексия;
- представления о знаниях в управлении;
- этические регуляторы в управлении;
- подходы к интеграции областей знания и субъектов в управлении.

Рассмотренные социогуманитарные тренды в управлении позволяют сформировать целостную картину эволюции проблематики управления социальными системами и представление о специфике кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных систем.

В данной работе впервые представлен расширенный состав трендов в проблематике управления социальными системами и приведена их привязка к типам научной рациональности и типам кибернетики (таблица 2.7).

Таблица 2.7
Социогуманитарные тренды в проблематике управления социальными системами

Тренды	Кибернетика первого порядка (классическая рациональность)	Кибернетика второго порядка (неклассическая рациональность)	Кибернетика третьего порядка (постнеклассическая рациональность)
Философские подходы	Позитивизм	Философский конструктивизм	Гуманистическая трактовка философии конструктивизма
Парадигмы управления	Субъект–объект	Субъект–субъект	Субъект–метасубъект
Позиции наблюдателя в управлении	Внешний наблюдатель	Внешний и встроенные наблюдатели-акторы	Внешний, встроенные и распределенные наблюдатели-акторы
Подходы к представлению управленческой деятельности и ее субъектов	Деятельностный	Субъектно-деятельностный	Субъектно-ориентированный
Виды активности субъектов управления	Деятельностная	Коммуникативная	Рефлексивная
Представление об объектах управления	Сложные системы	Активные системы	Саморазвивающиеся среды
Виды управления	Классическое	Рефлексивное, манипуляции и др.	Управление через среды
Модели в управлении	Аналитические	Имитационные, многоагентные	Человекоразмерные
Механизмы управления	Обратные связи Иерархические структуры	Коммуникации Сетевые структуры	Средовые взаимодействия Саморазвивающиеся среды
Рефлексия	Личностная, надситуационная рефлексия	Коммуникативная рефлексия	Метарефлексия, рефлексия стратегических субъектов
Представления о знаниях в управлении	Информация	Личностное знание, субъектно-соотнесенные знания	Активные знания реальных и виртуальных субъектов
Этические регуляторы в управлении	Этика целей	Коммуникативная этика	Этика стратегических субъектов
Подходы к интеграции областей знания и субъектов в управлении	Монодисциплинарный	Междисциплинарный	Трансдисциплинарный

Выделенные тренды отражают, на наш взгляд, наиболее характерные аспекты постнеклассического видения будущего проблематики управления и становления кибернетики саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

В данном разделе проанализированы отдельные тренды развития проблематики управления:

- от деятельностного к субъектно-ориентированному подходу;
- повышение роли рефлексивной активности;
- от информации к субъектно-ориентированным знаниям;
- от этики целей к этике стратегических субъектов;
- от монодисциплинарности к трансдисциплинарности.

2.7.2. Тренд от деятельностного к субъектно-ориентированному подходу

Доминирующим подходом классической научной рациональности выступает *деятельностный подход*, поскольку именно в деятельности человека предполагается определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности. Важно отметить, что основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, однако основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих мотивов, идеалов и ценностей, которые выступают в качестве ее рамок.

Доминирующей формой активности субъекта выступает деятельностная активность. На начальном этапе становления научной проблематики управления (1940–1970-е годы) наиболее существенное влияние на нее оказывали философские взгляды, связанные с различными направлениями позитивизма, а в части формирования моделей человека – бихевиоризма, базирующегося также на позитивистских представлениях.

Возрастание роли субъекта и субъект-субъектных отношений в контексте неклассической научной рациональности приводит к необходимости пересмотра доминирования деятельностного подхода в управлении, фактически возникает поляризация научных школ (особенно в психологии), ориентированных на деятельностный и субъектно-деятельностный подходы. Более адекватным специфике неклассической научной рациональности, на наш взгляд, оказался *субъектно-деятельностный подход*¹.

1 Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997.

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над научной деятельностью. В нем учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями, решается задача их соотнесения с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности.

Постнеклассическая научная рациональность усиливает концентрацию внимания на субъектах научной деятельности. Ключевой для управления становится, на наш взгляд, парадигма «субъект–метасубъект». При этом «метасубъект» представляется как «саморазвивающаяся полисубъектная среда»¹. Становление этой парадигмы неразрывно связано со становлением *субъектно-ориентированного подхода*. Этот подход является органичным развитием субъектно-деятельностного подхода, с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде и с уменьшением внимания к деятельностной составляющей в связи с резким снижением влияния нормативных компонент на действия субъектов в условиях современной реальности. Впервые методологические основы субъектно-ориентированного подхода были разработаны для совершенствования автоматизированных систем организационного управления страной².

2.7.3. Тренд на повышение роли рефлексивной активности

В современных подходах к рассмотрению социального управления представлены три взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга вида активности субъектов: деятельностная, коммуникативная и рефлексивная.

Междисциплинарные аспекты рефлексивной активности субъектов в контексте классической и неклассической научной рациональности рассмотрены нами в коллективной монографии 2009 г.³,

- 1 Ленский В. Е. Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира: К 80-летию академика В. С. Степина / Под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 392–420.
- 2 Ленский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- 3 Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009.

а в контексте постнеклассической научной рациональности – в монографии 2010 г.¹. В данной работе мы ограничимся рассмотрением отдельных аспектов рефлексивной активности, имеющих наиболее важное значение для анализа эволюции представлений об управлении.

В таблице 2.8 представлены базовые философско-методологические основания для анализа различных видов активности субъектов в управлении.

Заданные аспекты рассмотрения позволяют, на наш взгляд, достаточно полно провести междисциплинарный анализ эволюции представлений об управлении в контексте развития научной рациональности и выявить доминирующие виды рефлексивной активности, а также обосновать тренд повышения роли рефлексивной активности в процессах социального управления.

Постнеклассический тип научной рациональности опирается на все выделенные виды рефлексивной активности, включая базовые виды рефлексивной активности для классики и неклассики. Как следствие, в постнеклассической научной рациональности рефлексивная активность является доминирующей над деятельностью и коммуникативной активностями.

Рефлексивная активность в управлении (классика)

В рамках классической научной рациональности при доминировании деятельностной активности сложились определенные представления по управлению рефлексивной активностью.

Что касается объекта управления, то в отношении него имеет место стремление к игнорированию его рефлексивной активности. В отношении к субъекту управления имеет место как стремление к стимулированию рефлексивной активности, так и к блокировке рефлексивной активности.

Игнорирование рефлексивной активности объектов управления осуществлялось за счет использования различных методов моделирования: аналитических методов, статистических методов, методов интерполяции и экстраполяции, методов имитационного моделирования и др. При управлении техническими системами этот подход вполне себя оправдывал. Однако при попытках управления социальными системами (организации, государства и др.) он оказался явно неадекватным масштабам и специфике такого рода систем.

¹ *Ленский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

Таблица 2.8
Базовые философско-методологические основания для анализа различных видов активности субъектов в управлении

Философский уровень анализа	Методологический уровень анализа			Базовые виды рефлексивной активности
	Базовые парадигмы	Базовые объекты и виды активности субъектов	Базовые научные подходы	
Тип научной рациональности	Базовые философские подходы	Базовые объекты и виды активности субъектов	Базовые научные подходы	Личностная рефлексия, надситуационная рефлексия
Классическая	Позитивизм	Сложные системы Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Коммуникативная рефлексия
Неклассическая	Философский конструктивизм	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Рефлексия стратегических субъектов
Постнеклассическая	Гуманистическая трактовка философского конструктивизма	Субъект–мета-субъект Субъект–поли-субъектная развивающаяся среда	Саморазвивающиеся среды Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный Трансдисциплинарный

Ярким примером *игнорирования рефлексивной активности субъектов управления* является подход теории игр (и исследования операций), пик популярности которой приходится на 1950–1960-е годы. Именно отступление перед проблемой сложности рефлексивной активности объекта управления, в качестве которого выступали активные субъекты, преследующие свои цели, заставило принять критерий гарантированного результата, поиска лучшего из худших результатов (max/min). Фактически имело место *признание превосходства рефлексивной активности противоборствующей стороны*. В 1970-е годы в использовании теории игр наступил кризис. Оказалось, что схема, положенная в ее основу, бедна.

Стремление к *стимулированию рефлексивной активности субъектов управления* связано с целесообразностью «рефлексивного выхода» за пределы сложившихся стереотипов принятия решений в проблемных ситуациях. С. Л. Рубинштейн¹ выделил два способа существования человека как субъекта жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек (реактивный способ жизнедеятельности). Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней (рефлексивный способ жизнедеятельности).

Проблема надситуативной активности нашла свое отражение в многочисленных исследованиях психологов (В. А. Петровский, Я. А. Пономарев, Д. Б. Богоявленская, И. Н. Семенов и др.), и она органично связана со стимулированием рефлексивной активности и повышением ее сложности.

Рефлексивная активность в управлении (неклассика)

Ведущим философским основанием неклассической научной рациональности выступает философский конструктивизм, фактически в центре внимания конструктивистов оказываются особого рода субъективные среды множественной реальности. Наиболее четко формализовать описание процессов в такого рода средах удалось В. А. Лефевру в книге «Конфликтующие структуры»². Он выделил особый класс объектов, которые назвал «объектами, сравни-

1 Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

2 Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967. С. 9–10.

мыми с исследователем по совершенству». Исследователь должен отразить «внутренний мир» таких объектов и владеть специальными средствами, которые были названы *рефлексивными*. Различие между объектом и исследователем, столь четкое обычно, в этом случае исчезает. Сторонний наблюдатель, исследующий процесс исследования объектов и, как правило, отождествляющий себя с исследователем, попадает в затруднительное положение. Действительно, как ему быть, если объект сам является исследователем? Наблюдатель может становиться в этом случае на «патологическую» позицию: смотреть на все происходящее с точки зрения объекта (рассмотреть исследователя с точки зрения объекта!).

При этом в центре внимания оказывается коммуникативная рефлексия, под которой стала пониматься способность встать в позицию исследователя по отношению к другому субъекту. Такое более широкое понимание рефлексии позволило построить предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений объектов – исследователей.

Междисциплинарное представление о *рефлексии* как о способности некоторых систем строить модели себя и других систем и одновременно видеть себя строящими такие модели способствовало обогащению представлений об управлении как естественно-интеллектуальными, так искусственно-интеллектуальными системами. На этом пути удается провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания.

Формы осуществления коммуникативной рефлексивной активности могут быть представлены как разнообразные рефлексивные технологии. Наиболее известна предложенная Лефевром в 1960-е годы прошлого столетия технология *рефлексивного управления*¹ как процесса передачи оснований для принятия решения одним из субъектов другому; она нашла широкое применение и развитие в различных областях научного знания и прикладных работах.

Однако рефлексивные аспекты управления могут трактоваться намного шире, если в них включить не только непосредственные информационные воздействия на процессы принятия решений, но и опосредствованные воздействия через управление структурами процессов осознания – рефлексивными структурами. Нами предлагается классификация *рефлексивных технологий* по трем базовым

1 Там же.

группам: имитация рефлексивной активности, рефлексивное управление, рефлексивное программирование (подробное описание приведено в подразделе 4.3.2).

В контексте неклассической научной рациональности проблема учета рефлексивной активности вошла в круг первоочередных проблем управленческой тематики, что связано с использованием в управлении базовой парадигмы «субъект—субъект», а также с переходом от деятельностного к субъектно-деятельностному подходу. Были разработаны разнообразные рефлексивные технологии управления субъектами, в которых реализованы разнообразные механизмы управления рефлексивной активностью субъектов и объектов управления.

Рефлексивная активность в управлении (постнеклассика)

В центре внимания оказывается специфический вид рефлексивной активности субъектов по отношению к саморазвивающейся среде как целостному метасубъекту — рефлексивная активность *стратегических субъектов*. Будем называть *стратегическим субъектом* субъекта, включенного в какого-либо метасубъекта (семья, группа, организация, страна и др.), идентифицирующего себя с этим метасубъектом и регулирующего свою активность (деятельностную, коммуникативную, рефлексивную) с учетом ее влияния на метасубъекта.

В контексте парадигмы «субъект — полисубъектная среда» принципиально изменяется подход к управлению рефлексивной активностью. Представление о внешнем наблюдателе для таких систем оказывается чрезмерно идеализированным. Наблюдатель как бы «распределяется» по системе, он виртуален. Системы становятся «самонаблюдаемыми», а процессы управления превращаются в процессы *саморегулирования и саморазвития*.

Основные цели формирования и введения в практическую работу онтологий организации деятельности и взаимодействия субъектов саморазвивающихся сред связаны с необходимостью создания технологий, обеспечивающих учет разносторонних форм проявления активности субъектов с четкой фиксацией продуктов обмена (нормы, средства, знания и др.) и форм их кооперации¹.

Механизмы саморегулирования рефлексивной активности имеют свою специфику в различных онтологиях:

¹ См. раздел 2.6.

- механизм рефлексивное восхождение — стимулирование рефлексивной активности на основе актуализации ресурсов среды в поддержку любого ее субъекта при возникновении «точек разрыва различных видов активности»). Онтология «Поддержка»;
- механизм рефлексивная кооперация — стимулирование рефлексивной активности на основе кооперации актуализированных АКТЭЛов с субъектами, у которых возникли проблемы развития их форм активности (долговременное «накопление» сложности). Онтология «Развитие»;
- механизм «активного освоения новаций» — стимулирование рефлексивной активности в коммуникативных процессах за счет актуализации ресурсов среды в поддержку любого ее субъекта при преодолении сложности освоения новых видов активности. Онтология «Внедрение»;
- механизм свертывание устоявшихся форм активности — передача АКТЭЛам среды устоявшихся форм активности. Понижение рефлексивной активности субъектов за счет свертывания в среду устоявшихся форм активности. Онтология «Сопровождение»;
- механизм открытости к освоению новых форм активности — стимулирование или понижение рефлексивной активности за счет введения или поглощения новых форм активности. Онтология «Конструирование»;
- механизм активного исследования субъектов — моделирование субъектов с целью повышения возможностей саморегулирования рефлексивной активности;
- механизм ориентации на «конкретного субъекта» — саморегулирование рефлексивной активности с учетом моделей конкретных субъектов.

Во всех рассмотренных механизмах используется принцип «двойного субъекта».

В контексте постнеклассической научной рациональности проблема управления рефлексивной активностью трансформируется в проблему ее саморегулирования. При этом важно отметить конвергенцию парадигм «субъект—объект», «субъект—субъект» и «субъект—метасубъект (саморазвивающаяся среда)», а также конвергенцию подходов деятельностного, субъектно-деятельностного, субъектно-ориентированного. Это позволяет создавать новые механизмы саморегулирования рефлексивной активности субъектов саморазвивающихся сред.

Структурная сложность рефлексивной активности в процессах управления

Особый интерес к проблематике управления сложностью связан в научном аспекте с попытками преодоления кризиса в проблематике социального управления, а в практическом аспекте — с «эффективно используемыми» в последние годы разрушительными технологиями управляемого хаоса и технологиями организации «оранжевых революций».

Наряду с рассмотренным трендом повышения роли рефлексивной активности в процессах управления, имеет место и повышение роли рефлексивных технологий управления сложностью. Для анализа процессов рефлексивного управления сложностью мы вводим понятие структурной сложности рефлексивной активности.

Можно выделить богатый спектр видов сложности рефлексивной активности, которые будут зависеть от разнообразных типов субъектов (индивидуальные, групповые, предприятия, города, страны и др.) и соответствующих этим субъектам специфических характеристик. Рассмотрим один вид сложности рефлексивной активности, связанный с рефлексивными структурами, которые, как показал в своих работах В. А. Лефевр, инвариантны к различным типам субъектов. Он ввел понятия «ранг рефлексии» и «рефлексивная структура»¹, на основе которых можно задать качественное и количественное определение структурной сложности рефлексивной активности.

Можно задать различные формы количественной оценки структурной сложности рефлексивной активности; нам представляется имеющей основание форма, в которой значимость рефлексивной позиции оказывается связанной с рангом рефлексии.

$$C = \sum_{i=1}^k Ri Ni$$

где C — значение структурной сложности рефлексивной активности субъекта; Ri — ранг рефлексии равный значению i (от 0 до k , максимального значения актуализированного у субъекта ранга рефлексии); Ni — количество актуализированных рефлексивных позиций, соответствующих Ri .

Далее рассмотрим специфику проявления структурной сложности рефлексивной активности в управлении в контексте различных видов научной рациональности.

¹ Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967. С. 9–10.

В центр внимания *классической научной рациональности* помещен объект управления. Все что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности выводится на периферию философского осмысления. В контексте классической науки базовой является парадигма *субъект—объект*. В рамках этой парадигмы и доминирования деятельностной активности сложились определенные представления по управлению структурной сложностью рефлексивной активности.

В контексте классической научной рациональности рассмотрение структурной сложности рефлексивной активности ограничивалось в проблематике управления парадигмой «субъект—объект», согласно которой у объекта управления игнорировалась рефлексивная активность; для этого в процедурах выработки управленческих решений использовались разнообразные приемы, в частности критерии гарантированного результата (max/min) в теории игр и исследовании операций. Для повышения сложности субъектов управления использовались разнообразные методики стимулирования рефлексии субъектов («рефлексивного выхода»).

В неклассической научной рациональности для управления структурной сложностью коммуникативной рефлексивной активности могут использоваться разнообразные рефлексивные технологии.

Рефлексивное имитационное моделирование повышает структурную сложность рефлексивной активности субъекта управления. Что касается сложности объекта управления в представлениях субъекта управления, то она может быть как завышена, так и занижена по отношению к реальной сложности объекта управления.

В технологиях *рефлексивного управления* наряду с увеличением сложности субъектов управления осуществляется управление сложностью объектов управления. Так, при двойном рефлексивном управлении субъект управления осуществляет вскрытие рефлексивного управления, организованного объектом управления, и передает ему основания для подтверждения успешности данного управления; на самом деле он использует эти сведения для адекватной оценки сложности объекта управления и формирования у него представлений об адекватности используемой им сложности.

При *блокировке рефлексии* осуществляется понижение сложности объекта управления. *Стимулирование рефлексии* имеет направленность на повышение сложности объекта управления. Аналогичную направленность имеют технологии *блокировки и стимулирования рефлексивного управления*, а также технологии *блокировки и формирования новых конкретных рефлексивных позиций*.

Технология формирования «пульсирующей рефлексии». Формируется «пульсирующая сложность», затрудняющая организацию какой-либо целенаправленной деятельности и формирования адекватных представлений об отношениях с субъектом управления.

Рефлексивная технология формирования *виртуальной рефлексии* приводит к неопределенности в определении сложности объекта управления.

В контексте неклассической научной рациональности проблема учета структурной сложности рефлексивной активности вошла в круг первоочередных проблем управленческой тематики. Были разработаны разнообразные рефлексивные технологии управления субъектами, в которых реализованы разнообразные механизмы управления структурной сложностью рефлексивной активности субъектов и объектов управления.

Структурная сложность рефлексивной активности (постнеклассика)

Системы становятся «самонаблюдаемыми», а процессы управления сложностью превращаются в процессы *саморегулирования сложностью*. Участие внешних субъектов в управлении сложностью таких систем возможно как при прямых воздействиях на субъектов, так и на основе воздействия на механизмы саморегулирования сложностью.

Рассмотренные методологические предпосылки позволили нам разработать концепцию организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, в которых заложены разнообразные механизмы саморегулирования структурной сложностью рефлексивной активности. Важно отметить, что для понимания специфики и разнообразия механизмов саморегулирования структурной рефлексивной сложностью в саморазвивающихся средах необходимо рассматривать их в контексте онтологий и принципов организации саморазвивающихся сред.

В контексте постнеклассической научной рациональности проблема управления структурной сложностью рефлексивной активности трансформируется в проблему ее саморегулирования. Возможность саморегулирования сложностью предопределяется онтологиями и принципами организации саморазвивающейся рефлексивно-активной среды. При этом важно отметить конвергенцию парадигм «субъект–объект», «субъект–субъект» и «субъект–метасубъект (саморазвивающаяся среда)», а также конвергенцию подходов – деятельностного, субъектно-деятельностного, субъектно-ориентированно-

го. Это позволяет создавать новые механизмы саморегулирования структурной сложности рефлексивной активности субъектов саморазвивающихся сред.

Универсальное для различных видов рефлексивной активности понятие структурной сложности рефлексивной активности и вариант качественной и количественной оценки данного типа сложности, введенные нами, позволили рассмотреть технологии управления структурной рефлексивной сложностью в контексте различных типов научной рациональности.

Выводы

В контексте развития представлений о научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) обосновано увеличение роли и разнообразия видов рефлексивной активности в управлении. Проведен анализ специфики рефлексивной активности для различных типов научной рациональности и, соответственно, видов кибернетики. Рассмотрены технологии и механизмы управления рефлексивной активностью. Введено понятие структурной сложности рефлексивной активности и проанализированы механизмы управления такого рода сложностью.

Обоснован переход от управления к саморегулированию рефлексивной активности в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

2.7.4. Тренд от информации к субъектно-ориентированным знаниям

Постановка в центр внимания проблемы субъекта способствует развитию культуры организации знаний и технологий навигации в пространстве знаний. В центре внимания «экономики знаний» оказывается проблематика неявного (скрытого) знания, неотделимого от субъектов. В навигации в пространстве знаний просматривается тренд от баз данных к базам знаний с привязкой к субъектам, их продуцирующим, аналогичный тренд – в переходе от неогеографии к ноогеографии¹.

1 *Лепский В. Е.* На пути от неогеографии к ноогеографии – от навигации в природной среде к навигации в ноосфере // *Геоконтекст: Научный мультимедийный альманах.* Дрезден–Москва. 2013. Вып. 1. С. 4–13. URL: <http://www.geo-context.org/data/almanac-2013.pdf> (дата обращения: 21.07. 2018).

В экспертных системах предусматривается привязка представляемых рекомендаций к субъектам, породившим процедуры выбора. Можно привести еще многочисленные примеры из различных областей науки и практики повышения внимания к соотношенности знаний и субъектов, их порождающих, преобразующих и распространяющих, с учетом явных (экстериоризированных) и неявных (скрытых, личностных) аспектов представления знаний.

Представление о знаниях в контексте *классической научной рациональности* формировалось в значительной степени под влиянием парадигмы «субъект–объект» и деятельностного подхода.

Достоверность научного знания определялась принятыми критериями верификации или фальсификации, вне связи с инструментами получения знаний и субъектами, их породившими.

В организации знаний и навигации в них доминировал в значительной степени информационный подход. В центр внимания попали информационные потоки и проблемы, связанные с их рационализацией. При этом человек рассматривался как пассивное звено переработки информации. Об ограничениях информационного подхода предупреждали его основоположники, к которым долгое время не прислушивались. К. Шеннон предсказал границы применения теории информации, а Р. Акофф обосновал некорректность использования информационного подхода в управлении социальными системами.

Возможности и ограничения информационного подхода для сферы образования были четко определены во второй половине прошлого века. В частности, были вскрыты негативные последствия от массового внедрения автоматизированных обучающих систем, в которых использовались закрытые вопросы (с альтернативными ответами).

Представление о знаниях в *контексте неклассической научной рациональности* в значительной степени формировалось под влиянием парадигмы «субъект–субъект» и субъектно-деятельностного подхода. Принципиальное значение имел переход от доминирования позитивизма к философскому конструктивизму. Конструктивисты считают, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

Как следствие, конкретные знания оказываются неразрывно связанными с субъектами, их порождающими. Эти соображения были сформулированы в «Кибернетическом манифесте», задающем ориентиры развития кибернетики: «Знание об объекте всегда относи-

тельно: оно существует только как часть какого-либо субъекта. Мы можем изучать взаимоотношение между знанием и реальностью (прежде всего, истинно или ложно данное знание), тогда субъект знания становится, в свою очередь, объектом для нового субъекта знания. Но знание в любой форме безотносительно какого-либо субъекта есть логическая бессмыслица...»¹.

Важнейший вклад в представление знаний в контексте неклассической научной рациональности внес постпозитивист Майкл Полани², который ввел понятие «личностного знания». В основании познавательной и научной деятельности лежат чрезвычайно важные мотивы, переживания, вера людей в науку, в ее ценности, заинтересованность ученого, личная ответственность. Основной тезис: науку делают люди, обладающие мастерством; искусству познавательной деятельности нельзя научиться по учебнику (оно передается при непосредственном общении с мастером); люди, делающие науку, не могут быть заменены другими и отделены от произведенного ими знания.

В неклассической науке картина мира не может быть представлена знаниями, оторванными от познающих и действующих субъектов, от их субъективных реальностей, без которых невозможна адекватная интерпретация полученных ими знаний. Сетевая связь частных субъектных картин мира образует общую неклассическую картину мира.

Такого рода представления о знаниях позволяют сформулировать требования к образованию.

Во-первых, чрезвычайно важна роль непосредственного общения творцов с учениками.

Во-вторых, чрезвычайно важна роль учителя как помощника в проникновении ученика во внутренний мир творцов знаний, для приобщения не только к формализованным знаниям, но к неявным (личностным) знаниям.

В-третьих, в образовательных процессах важнейшую роль играют гуманитарные дисциплины (особенно искусство), которые формируют культуру познания других людей, в частности творцов знания.

Сегодня реформаторы образования явно игнорируют эти требования. Четко просматривается ориентация на все большую от-

1 Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: ЭТС, 2000.

2 Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

страненность учителей от учеников, преподавателей от студентов за счет увеличения доли дистанционных методов обучения и работы с компьютерными учебниками. А именно через учителей и преподавателей раскрываются в первую очередь внутренние миры и мотивация творцов знаний, а также неформальная связность знаний, интернальные и экстернальные механизмы продуцирования знаний.

Последовательно проводится сокращение объемов дисциплин гуманитарного цикла (в том числе связанных с искусством), а именно эти области знаний позволяют освоить культуру познания другого, познать и прочувствовать «лабораторию творчества».

Фактически формируется культ «цифровой педагогики», вступающий в явное противоречие с актуальной для нашей страны ориентацией на подготовку творцов экономики знаний.

Преставление о знаниях в контексте *постнеклассической научной рациональности* формировалось под влиянием парадигмы «субъект–метасубъект (саморазвивающаяся рефлексивно-активная среда)» и субъектно-ориентированного подхода¹.

Рассмотрим отдельные аспекты представления знаний в постнеклассической научной рациональности:

- знания и проблема потери субъектности в реалиях «цифрового мира»;
- проблема активного знания в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах;
- интеграция знаний в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

Знания и проблема потери субъектности в реалиях «цифрового мира»

Постнеклассическая научная рациональность усиливает концентрацию внимания на субъектах научной и других видов деятельности. При этом в центре внимания оказывается и проблема потенциальной потери («размывания») субъектности в условиях реалий современного мира. Проблему сохранения целостности субъектов в «цифровом мире» четко сформулировал академик В. А. Лекторский².

1 *Лепский В. Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf> (дата обращения: 29.02.2018).

2 *Лекторский В. А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // *Методология и история психологии.* 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.

Субъект существует не только в телесной оболочке, но и в виде различных текстов – файлов (файловое Я), причем современному человеку все чаще приходится общаться с файловым воплощением субъектов. Фактически субъект представим как некая система дискурсов. Основываясь на идеях М. М. Бахтина и Р. Харре, можно предполагать потенциальные возможности исчезновения Я (субъектности) в результате массовых коммуникативных взаимодействий, в которых индивидуальное сознание неспособно интегрировать их в виде единства Я.

Кроме того, все без исключения традиции с воплощенной в них иерархией ценностей утратили сегодня авторитет, не могут считаться непререкаемыми. Поэтому Я теряет смысл как субъект действия, предполагающий наличие коллективных представлений о правах и обязанностях индивидов и ответственность за свои поступки. Я перестает быть автором своих поступков и текстов, что может интерпретироваться как потенциальная угроза массовой потери субъектности. Встает вопрос: может ли субъект решить проблему своей целостности и возможно ли его существование в других «телесных» оболочках? Из приведенных рассуждений напрашивается вывод, что самостоятельно субъект едва ли сможет справиться с угрозой потенциальной бессубъектности, решение проблемы, на наш взгляд, следует искать в адекватной организации взаимодействия субъекта с саморазвивающейся полисубъектной средой, в которой он представлен в разнообразных отражениях своих поступков и текстов, которую целесообразно также наделить свойствами субъектности. При этом основой сборки субъекта как целого становится его включенность в метасубъекта, которым становится саморазвивающаяся среда, которая может содержать механизмы поддержки сборки субъектов, в нее включенных.

Проблема активного знания в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах

Океан продуцируемых человечеством знаний становится все менее обозримым и доступным в традиционных формах доступа к знаниям. Сложившаяся система навигации в знаниях безнадежно устарела, поисковые системы принципиально не изменились за последние пятьдесят лет. Необходимо сменить парадигму подхода к организации знаний и навигации в пространстве знаний на основе построения сред активного знания, неразрывно связанного с творцами знания, в том числе и виртуальными.

Решение этой проблемы возможно в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах, в которых предполагается экстериоризация различных форм активности субъектов (деятельностной, коммуникативной, рефлексивной). В этих средах допустимы комбинации субъектов, реализованные на различных формах носителей, обладающих естественным или искусственным интеллектом.

Создание сред активного знания позволит решить неразрешимую проблему информационных систем (в рамках классической и неклассической научной рациональности). Как обеспечить не только *релевантность* – соответствие получаемой информации, сформулированному пользователем запросу, но и *пертинентность* – соответствие получаемых пользователем знаний его потребностям?

Создание сред активного знания предполагает участие сред в решении проблемы вскрытия неявного (личностного) знания с участием как элементов естественного, так и искусственного интеллекта.

Важнейшим аспектом в реализации активного знания является возможность постановки проблемы виртуального бессмертия творцов знаний¹.

Интеграция знаний

в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах

В саморазвивающихся рефлексивно-активных средах создаются условия для интеграции индивидуальных, корпоративных и социальных знаний. Это обеспечивается на основе системы онтологий организации среды². Совместное использование этих онтологий создает условия для интеграции индивидуальных, корпоративных и социальных знаний.

2.7.5. Тренд от этики целей к этике стратегических субъектов

Доминирующая этика классической научной рациональности

В контексте этического рассмотрения специфики классической научной рациональности можно высказать соображение, что этические регуляторы находятся вне рамок деятельности и на них не фокуси-

1 *Лепский В. Е.* Проблема виртуального бессмертия в электронной культуре // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 170–184.

2 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

руется внимание субъектов деятельности. Вместе с тем современное научно-техническое развитие с очевидностью демонстрирует, что не только деятельность в сфере нравственности или искусства, но и научно-познавательная деятельность получает свой смысл, в конечном счете, в зависимости от ее нравственной ориентированности, от ее влияния на человеческое существование.

Эти соображения позволяют зафиксировать ограниченность этических механизмов регуляции в рамках классической научной рациональности, в которых базовыми ориентирами выступают *цели*, а доминирующую этику можно представить как *этику целей*. Одним из крайних представлений этики, в которой доминирует целевая направленность, является этика *«Цель оправдывает средства»*, в которой вне рассмотрения оказывается проблема выбора и оценки средств в целесообразной деятельности. По сути, этим руководствовались все те мыслители и деятели, для которых идеальные цели были исключительным предметом моральной оценки.

По логике практического действия успешная и эффективная деятельность является существенным фактором трансформации ценностного сознания: достигнутая цель утверждает обновленные критерии оценки. Собственно этическая проблема возникает в связи с предположением, что ради благой цели оказывается нравственно допустимым совершение любых необходимых действий (пусть и считающихся обычно неблагоприятными, нравственно недопустимыми, а то и прямо преступными)¹.

Этика целей органично связана с доминированием деятельностной активности: она создает преграды для кооперации субъектов и потенциально может способствовать установлению «вертикальных связей» в социальных структурах. Этика целей порождает стремление к конкуренции, конфликтам, агрессии, потребительству, а не к партнерству, сотрудничеству, дружбе, любви.

Этика целей была доминирующей во многих сферах человеческой деятельности во второй половине XX в. Это проявилось в экономических моделях, в которых представление об интересах человека строилось на аксиоматических моделях утилитарных ценностей, в моделях военных операций широко использовались игровые подходы – «игры с нулевой суммой» (противоположные интересы сторон) и др.

Ведущая роль классической научной рациональности в прошлом веке не позволила преодолеть негативы капиталистической формы

1 *Апресян П. Г.* Цель и средства // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3340.html> (дата обращения: 21.07.2018).

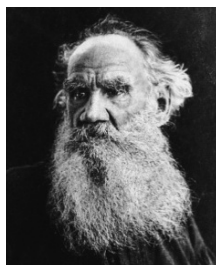
экономических отношений и привела человечество к системному кризису в начале XXI в.

Доминирующая этика неклассической научной рациональности

В центре внимания неклассической научной рациональности одновременно оказываются во взаимной связи объект исследования и средства исследования, при этом появляется возможность в качестве объектов рассматривать и субъектов в рамках парадигмы «субъект—субъект».

В контексте этического рассмотрения специфики неклассической научной рациональности можно высказать соображение, что этические регуляторы ориентированы на специфику субъект-субъектных отношений. Можно полагать, что регуляция активности субъектов осуществляется на основе другого уровня ценностей и может быть представлена как *этика «цели—средства»*.

Такого рода этика опирается не только на ценностные ориентации деятельностной активности, но должна учитывать и отношение к другим субъектам, последствия для них совершаемых действий, потенциальные и реальные формы коммуникативной активности. Этика «цели—средства», может быть определена и как этика субъектных отношений, и как коммуникативная этика.

Л. Н. Толстой

Если Макиавелли проповедовал принцип, согласно которому цель безусловно оправдывает средства, то абстрактные гуманисты (к которым относили Л. Н. Толстого, М. Ганди, А. Швейцера) утверждали обратное, а именно: действительная ценность средств целиком обуславливает ценность достигаемых результатов.

Такое утверждение соответствует доминирующей этике неклассической научной рациональности¹.

Этика «цели—средства» создает предпосылки для кооперации субъектов и потенциально может способствовать установлению «горизонтальных связей» в социальных структурах.

Доминирующей этике неклассической научной рациональности соответствуют многочисленные примеры этических представлений, сложившихся в истории человечества: евангельский закон «люби ближнего твоего, как самого себя», этика буддизма, этика ненасилия и др.

¹ Там же.

Во второй половине XX в. многие исследователи внесли свой вклад в обоснование целесообразности перехода к доминированию этики «цели—средства» (коммуникативной этики): этика принятия решений в играх с ненулевой суммой — А. Рапопорт¹; модель двух этических систем — В. А. Лефевр².

Доминирующая этика постнеклассической научной рациональности

Этика в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах формируется в контексте субъектно-ориентированного подхода, являющегося органичным развитием субъектно-деятельностного подхода, с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде и с уменьшением внимания к деятельностной составляющей в связи с резким снижением влияния нормативных компонент на действия субъектов в условиях современной реальности.

Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия. Эти положения современной трактовки философского конструктивизма в значительной степени определяют исходные посылки для формирования этики саморазвивающихся сред.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку³.

Можно привести многочисленные примеры этик, соответствующих доминирующему типу этики постнеклассической научной рациональности. От этики семьи, рассматриваемой как метасубъект и саморазвивающаяся среда, в которой члены семьи соответствуют требованиям стратегических субъектов, до ноосферной этики, в которую как в саморазвивающуюся среду оказываются включенными представители человечества как стратегические субъекты.

Принципиально важно отметить, что постнеклассическая научная рациональность рассматривает деятельность ученых как стра-

¹ *Рапопорт А.* Что такое рациональность? // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. Т. 2. С. 23–47.

² *Лефевр В. А.* Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.

³ Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: ИФ РАН, 2010.

тегических субъектов, а также вводит в контекст рассмотрения науки этику стратегических субъектов.

Обобщенная схема доминирующих этик в трех типах научной рациональности

Выделение доминирующих этик базировалось на методологическом анализе специфики отдельных видов научной рациональности (базовые парадигмы, объекты и виды активности субъектов, научные подходы). Учитывая, что классическая, неклассическая и постнеклассическая научные рациональности не являются альтернативными, а дополняют друг друга и предполагают конвергентное использование, можно сделать вывод, что выделенные соответствующие им три этики, доминирующие в этих рациональностях, должны также находиться в конвергентных отношениях. Обобщенные результаты представлены в таблице 2.9.

Таблица 2.9

Доминирующие этики трех типов научной рациональности

Философия науки	Методологический уровень анализа			Доминирующие этики
	Базовые парадигмы	Базовые объекты и виды активности субъектов	Базовые научные подходы	
Классическая	Субъект–объект	Сложные системы Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Этика целей, этика утилитарных ценностей, эгоистическая этика
Неклассическая	Субъект–субъект	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Этика «цели–средства», этика субъектных отношений, коммуникативная этика
Постнеклассическая	Субъект–метасубъект Саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды	Саморазвивающиеся среды Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный Трансдисциплинарный	Этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред

Следует отметить, что типы научной рациональности представляются в эволюционном развитии; аналогично адекватные им доминирующие этики можно представить в эволюционном развитии. В эволюционном развитии можно представить и соответствующие этим этикам уровни ценностей и отношений между ними.

Интерпретация двух этических систем В. А. Лефевра в контексте классической и неклассической научной рациональности

Интерес к модели этических систем В. А. Лефевра в контексте исследования доминирующих этических систем в трех типах научной рациональности обусловлен, прежде всего, тем, что это уникальная модель, в которой представлены базовые механизмы доминирующих этик классической и неклассической научных рациональностей и созданы предпосылки для ее использования в доминирующей этике постнеклассической научной рациональности.

Исходные посылки модели этических систем Лефевра. В различных обществах (культурах) существуют свои специфические системы базовых ценностей (ценностных оценок), которые не зависят от отдельных индивидов. Можно выделить *универсальные* (одинаковые почти во всех культурах) и *локальные* (специфические для отдельных культур оценки). Примеры универсальных оценок: «говорить неправду» почти везде оценивается как «плохо»; «украсть» – «плохо»; «помогать бедным» – «хорошо». Пример «локальных» оценок: если мужчина уступит место женщине в общественном транспорте в США, это оценивается как «плохо», ибо может быть проинтерпретировано как подчеркивание неравенства. Во Франции «плохо» не уступить место женщине.

Другими словами, через культуру происходит кодирование ценностей. Фактически существует «список» – «Что такое хорошо, а что такое плохо». Это кодирование может меняться во времени, иногда весьма динамично (например, изменение системы ценностей в США после событий 11 сентября 2001 г.).

Во всех рассмотренных случаях мы имеем дело с *системой ценностей*. Однако человек оперирует не только простыми оценками «хорошо» и «плохо», но также оценками комбинаций ситуаций (действий). Например, сказать правду – «хорошо», а в результате этого отправить человека в тюрьму – «плохо».

Когда мы переходим к рассмотрению комбинаций оценок, то мы переходим к рассмотрению *этических систем*, другими словами мы переходим к «метакодированию» ценностей¹.

Главный вопрос в этических системах связан с оценкой совмещения *добра и зла*.

I Этическая система: совмещение добра и зла рассматривается как зло. Она придерживается принципа «компромисс между добром и злом есть зло» (хороший результат не оправдывает дурных средств). Однако — и здесь кроется парадокс — в этой системе «хороший» индивид исходно стремится к компромиссу с другим индивидом.

II Этическая система: совмещение добра и зла рассматривается как добро. Она основана на принципе «компромисс между добром и злом есть добро» (хороший результат оправдывает дурные средства). Однако — опять парадокс — в этой системе «хороший» индивид исходно стремится к конфронтации с другим индивидом.

В разных культурах *системы ценностей* могут быть одинаковыми, а *этические системы* — разными. В объединении людей (общество, социальный слой или группа), принадлежащем к первой этической системе, достойный человек поднимается в собственных глазах, если идет на компромисс с другим человеком: «Вы мне глубоко неприятны, но я должен протянуть вам руку». Во второй системе достойный человек, ищущий компромисса, падает в собственных глазах: «Вообще-то он хороший парень, но я не могу протянуть руку, поэтому сделаю-ка что-нибудь выразительно-агрессивное».

В «Алгебре совести» приведен яркий сказочный пример. Есть два игрушечных замка — и дракон с человеческим лицом. Из первого замка выходит безоружный бумажный человек и предлагает дракону дружбу. Дракон сжигает его. Из второго замка выходит человек со шпагой и вступает в безнадежный бой — дракон сжигает и его. Каждый замок канонизирует собственного героя. Спустя века первый человек рассматривается жителями второго замка как трус, не посмеавший взять в руки оружие; человеку со шпагой обитатели первого замка отказывают в силе духа.

Две этические системы Лефевра задают базовые основания для доминирующих этик классической и неклассической научной рациональности. Первая этическая система (этика «цели — средства») соответствует этике неклассической рациональности, вторая этическая система (этика целей) — классической.

¹ Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.

Интересен пример, приведенный Лефевром¹, названный им «парадоксом талибов». Как известно, молодежная организация талибов возникла в лагерях афганских беженцев в Пакистане. Эти лагерь были созданы в значительной степени благодаря американской помощи. Считалось само собой разумеющимся, что талибы станут верными союзниками Соединенных Штатов. Это убеждение играло ключевую роль при подготовке стратегических решений, затрагивающих Центральную Азию. Антиамериканский поворот талибов стал полной неожиданностью для большинства политиков. Глубинная причина этого поворота состоит отнюдь не в специфике ислама, а в том, что организация талибов, если рассматривать ее в качестве макросубъекта, принадлежит ко второй этической системе. Любой компромисс такого макросубъекта с другим макросубъектом унижает его в собственных глазах, независимо от материальных благ, которые сулит этот компромисс.

Мы видим, что неучет этической системы талибов привел к просчетам на стратегическом уровне. Этот урок необходимо помнить, разрабатывая стратегию борьбы с мировым терроризмом. Организации террористов являются макросубъектами, не имеющими территориальной компактности, в отличие от таких макросубъектов, как, например, государство. Это приведет к тому, что для борьбы с ними будут создаваться интернациональные антитеррористические организации, также не имеющие территориальной компактности и, следовательно, очень трудно контролируемые. Возникнет серьезная опасность перерождения антитеррористических организаций в террористические. Чтобы избежать этой опасности, борьбу с терроризмом надо строить на основе первой этической системы. Это труднейшая проблема, решить которую невозможно без участия профессионалов, изучающих рефлексию, мораль и поведение человека.

Этические аспекты в моделях В. А. Лефевра, адекватные постнеклассической рациональности

Впервые попытка формального учета этических регуляторов субъектов с учетом их включенности в метасубъектов была предпринята нами при создании математической модели, в которой каждый «субъект рассматривался как локальный центр социального организма»².

¹ Лефевр В. А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 24–26.

² Лефевр В. А., Баранов П. В., Ленский В. Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Известия академии наук СССР. Техническая киберне-

Значительно более развитые модели представлены в недавно опубликованной монографии Лефевра «Лекции по теории рефлексивных игр»¹. Для субъектов, включенных в группу, вводится принцип «запрета эгоизма». Фактически автор переходит к рассмотрению стратегических субъектов и задает определенные основания этики постнеклассической научной рациональности. Суть принципа в том, что каждый субъект, преследуя свои личные интересы, не может наносить ущерб группе, членом которой он является. Субъект может идти против интересов группы, если при этом он не преследует свои индивидуальные интересы и готов идти на жертвы.

Выводы

В контексте развития научной рациональности выделены три типа доминирующих этик: этика целей, этика «цели—средства» (коммуникативная этика) и этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред.

Рассмотрение этических аспектов основных моделей В. А. Лефевра позволяет сделать вывод, что в них отражены важнейшие признаки выделенных нами доминирующих этик для трех типов научной рациональности. Эти соображения в определенной степени позитивно влияют на оценку валидности моделей Лефевра и целесообразности их использования в развитии этик, адекватных различным типам научной рациональности.

2.7.6. Тренд от монодисциплинарности к трансдисциплинарности

Доминанта монодисциплинарного подхода в классике. В исследовании проблематики управления в контексте классической научной рациональности доминирующим стал монодисциплинарный подход. Фактически подавляющее большинство проблем управления было связано с одной областью знания — кибернетикой. Тем не менее в рамках классической научной рациональности были сформированы области знания, имеющие ярко выраженный характер междисциплинарности, например:

- инженерная психология (психология—физиология—кибернетика);
- бионика (биология—кибернетика);
- нейролингвистическое программирование (НЛП) (психология—лингвистика—кибернетика).

Междисциплинарность проблематики управления в контексте классической научной рациональности, представленная крайне ограничено, доминировала. Основания междисциплинарной интеграции (конвергенции) в проблематике управления базируются на философском позитивизме, парадигме «субъект—объект», исходных идеях и моделях классической кибернетики.

Доминанта междисциплинарного подхода в неклассике. Ведущая роль парадигмы «субъект—субъект» и рассмотрение активных систем как основного типа объектов управления определили высокую актуальность совместной работы представителей различных областей знаний: философии, психологии, социологии, политологии, биологии, кибернетики второго порядка и др. Базовым научным подходом становится междисциплинарный подход. Это ярко проявлялось в междисциплинарных взаимодействиях различных областей знания, которые породили новые научные и прикладные направления, например:

- кибернетика второго порядка, аутопоэзис, рефлексивное управление и др. (биология—психология—кибернетика);
- искусственный интеллект (психология—биология—физиология—лингвистика—кибернетика и др.);
- эргономика (психология—биология—инженерная психология—психология труда социология—культурология—кибернетика и др.);
- психология управления (психология—кибернетика);
- экономическая кибернетика, кибернетические модели активных экономических систем, модели рационального выбора человеком и др. (экономика—психология—кибернетика);
- философия управления (философия—кибернетика);
- социология управления (социология—кибернетика).

На этапе неклассической научной рациональности междисциплинарный подход способствовал бурному развитию науки, успешному решению актуальных практических задач. Однако в настоящее время все упомянутые направления подвергаются критике за фрагментарность подхода, потерю целостности в управлении, недостаточный

тика. 1969. № 4. С. 29–33. URL: <http://www.reflexion.ru/Library.html> (дата обращения: 12.02.2019).

1 Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009.

учет влияния культуры и этики на субъектов и объекты управления и др. Настало время пересмотра научных парадигм и поиска новых форм взаимодействия различных областей знания в проблематике управления.

В контексте неклассической научной рациональности на основе междисциплинарного подхода получила принципиальное развитие *классическая теория игр и в целом проблематика выбора*. Междисциплинарное развитие моделирования в управлении связано с учетом рефлексивных представлений участников взаимодействий, в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности, в выявлении склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту¹.

Междисциплинарность проблематики управления в контексте неклассической научной рациональности имеет ярко выраженный доминирующий характер. Основания междисциплинарной интеграции (конвергенции) в проблематике управления базируются на парадигме «субъект–субъект», философском конструктивизме, субъектно-деятельностном и сетевом подходах.

Доминанта трансдисциплинарного подхода в постнеклассике

В последнее время резко повышается сложность решения проблем междисциплинарности, что связано с необходимостью учитывать наряду со спецификой отдельных областей знания специфику базовых, концептуальных для постнеклассики научных подходов к управлению «человекообразными саморазвивающимися системами», ориентированных на гармонию каузального (причинно-следственного) и телеологического (целевая детерминация) видений будущего и развития. К таким концептуальным подходам в первую очередь следует отнести: парадигму саморазвивающихся систем²; синергетический подход³; проблематику управления сложностью⁴; субъектно-ори-

1 *Лефевр В. А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154–157.

2 *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

3 *Малинецкий Г. Г., Курдюмов С. П.* Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М.: Наука, 2002.

4 *Аршинов В. И.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 52–73.

ентированный подход¹; гуманистические варианты философского конструктивизма² и др.

Эти подходы находятся в стадии развития и поиска объединяющих парадигм, способствующих их взаимной конвергенции. Высокая методологическая сложность этих подходов дает основание утверждать, что в рамках традиционно сложившихся представлений о междисциплинарной коммуникации весьма сложно достигнуть значимых результатов. Актуальными становятся проблемы, решение которых предполагает выход за пределы отдельных дисциплин и концептуальных направлений к привлечению внешних специалистов, вооруженных принципиально другими типами знаний и специальными социогуманитарными технологиями. Важнейшими функциями этих внешних специалистов (интеграторов) становятся:

- коммуникативная – обеспечение эффективной коммуникации субъектов, представителей разных дисциплинарных направлений;
- навигационная – поддержка субъектов в разнообразных видах навигации в пространствах знаний, в том числе в субъектно-ориентированных представлениях знаний, выявлении неявных (личностных) знаний;
- репрезентативная – обеспечение рефлексии субъектов;
- медиаторная – выявление связи специальных дисциплинарных представлений с элементами общего поля культуры;
- онтологическая – связь субъектов познания с реальностями бытия;
- интегративная – интеграция пространства разнопредметных знаний.

Реализация этих функций требует построения выходов субъектов знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения их позиций соответствующим трансдисциплинарным инструментарием. Традиционно сложилось, что такую задачу берут

1 *Лепский В. Е.* Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира: К 80-летию академика В. С. Степина / Под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 392–420. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy-2014b.pdf> (дата обращения: 23.02.2019).

2 *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.

на себя представители философии и методологии. Вместе с тем следует отметить, что особое значение в реализации такого рода функций приобретает культура, задающая общее пространство, в котором представлены и научные области знаний¹. Рассмотренные соображения дают основание утверждать, что в контексте постнеклассической рациональности базовым научным подходом в проблематике управления должен выступить трансдисциплинарный подход, который является естественным методологическим развитием междисциплинарного подхода. Как следствие, перед социогуманитарными исследователями встает ряд новых проблем, не только методологических и теоретических, но и практико-ориентированных.

В настоящее время новые области знания, обеспечивающие проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находятся в становлении. На наш взгляд, целесообразно становление *кибернетики третьего порядка* на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам».

Выводы

В контексте развития научной рациональности четко просматривается эволюция от монодисциплинарности к трансдисциплинарности в проблематике управления.

Междисциплинарность проблематики управления в контексте классической научной рациональности весьма ограничена, доминировала монодисциплинарность кибернетики. Основания междисциплинарной интеграции в проблематике управления базируются на философском позитивизме, парадигме «субъект—объект», исходных идеях и моделях классической кибернетики.

Междисциплинарность проблематики управления в контексте неклассической научной рациональности имеет ярко выраженный доминирующий характер. Основания междисциплинарной интеграции в проблематике управления базируются на парадигме «субъект—субъект», философском конструктивизме, субъектно-деятельностном и сетевом подходах.

В контексте постнеклассического рассмотрения проблематики управления в еще большей степени повышается роль междисциплинарности, более того, сложность ее осуществления резко повы-

шается не только в связи с полидисциплинарными взаимодействиями, но также и в связи с необходимостью учета специфических для данного типа научной рациональности базовых концептуальных представлений (подходов). Возникает необходимость организации трансдисциплинарной интеграции специалистов отдельных дисциплинарных направлений.

2.7.7. Выводы

Философско-методологический анализ эволюции кибернетики и проблематики управления, включая управление социальными системами, позволил выделить базовые тренды и упорядочить их в контексте типов научной рациональности и кибернетики.

Выделенные тренды отражают, на наш взгляд, наиболее характерные аспекты постнеклассического видения будущего проблематики управления и становления кибернетики саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Проведенная систематизация и анализ трендов в управлении социальными системами позволяет представить целостную научную картину развития подходов в управлении данным классом систем и выявить перспективные направления развития.

¹ *Ленский В. Е.* От монодисциплинарности к трансдисциплинарности в эволюции представлений об управлении // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: ИД «Навигатор», 2015. С. 543–562.

2.8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение эволюции представлений об управлении в контексте научной рациональности позволило сформировать целостное видение процессов формирования представлений об управлении и выявить базовые социогуманитарные тренды развития.

Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами невозможно без поиска общих для всех областей знания концептуальных основ управления, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания, связанных с проблематикой управления.

Становление парадигмы *субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда* неразрывно связано со становлением субъектно-ориентированного подхода.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку. В контексте постнеклассической научной рациональности имеет место интеграция механизмов обеспечения целостности управления, характерных для всех видов научной рациональности. Соответственно, используются три механизма обеспечения целостности – целевой (классика), сетевой (неклассика) и метасубъектный (постнеклассика). Этим механизмам соответствуют три формы обеспечения целостности управления: иерархическая, сетевая и средовая.

Если в контексте классической и неклассической научной рациональности базовыми областями знаний, обеспечивающими проблематику управления, были классическая кибернетика и кибернетика второго порядка, то в контексте постнеклассической науки центры развития проблематики управления перемещаются в философию, синергетику, политические и экономические науки. Актуальна проблема институционализации областей знания, обеспечивающих проблематику управления; возможно, это место займет кибернетика третьего порядка (кибернетика саморазвивающихся рефлексивно-активных сред).

Проведенный философско-методологический анализ эволюции представлений об управлении позволяет сделать вывод, что основные тренды связаны в первую очередь с адекватным использованием идей постнеклассической научной рациональности в интересах развития проблематики управления.

Часть 3

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В УПРАВЛЕНИИ

3.1. ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. в гуманитарных и естественно-научных областях знания отчетливо наблюдается повышение внимания к проблеме субъекта. Можно привести различные аргументы для обоснования данного явления:

- нарастающие темпы динамики социальных процессов, когда нормой становится отсутствие норм, что ограничивает применение деятельностного подхода;
- кризис «экономического редукционизма» в социальном развитии, переход к миропроектной форме развития, в которой ведущую роль играют субъекты;
- становление экономики знаний с обоснованием необходимости учета неотделимого от субъектов знания (привязка знаний к субъектам);
- размытость идентификационных процессов и поиск новых подходов к сборке метасубъектов;
- кризис сложившихся форм представительской демократии и обращение к субъектам при поиске новых механизмов прямой демократии;
- широкое использование «мягкой силы» в политических процессах, которая ориентирована на управление субъектами, и др.

Субъект оказался в центре внимания всех областей науки. Причем в каждой области науки имеет место своя специфика его рассмотрения. Чтобы понять, что их объединяет, понять эволюцию и тренды развития, необходимо выделить базовые основания, используемые в различных областях научного знания при решении проблемы субъекта. Такие базовые основания позволяют выделить философско-методологический анализ.

Целостность нашего подхода к проблеме субъекта опирается на представления философии об этапах развития науки и, соответственно, о трех типах научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). С этих позиций рассмотрена специфика проблемы субъекта в управлении, психологии, кибернетике, экономике. Отдельно проанализированы взгляды на проблему субъекта В. А. Лефевра и Г. П. Щедровицкого, чьи работы оказали большое влияние на формирование методологии современной науки и управленческую практику.

3.2. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В УПРАВЛЕНИИ

3.2.1. Философско-методологический анализ проблемы субъекта в управлении (от классики к постнеклассике)

Проблема субъекта всегда занимала важное место в философии. Практически все известные философы в той или иной степени затрагивали эту проблему. Особое значение для анализа проблемы субъекта имеет предложенное В. С. Степиным выделение трех этапов развития науки. Три стадии развития науки¹, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации.

Современная наука, как уже отмечалось выше, на передний край своего поиска поставила уникальные, исторически развивающиеся системы, а в центр исследований, в качестве особого компонента, включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки.

Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Для техногенной цивилизации на современном этапе ее развития гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска. Стоит ли в этой связи специально подчеркивать, сколь востребован нашим временем эпохи бифуркации разворачивающийся буквально на наших глазах переход к парадигме открытой постнеклассической рациональности в междисциплинарных науках о социальном проектировании, стратегическом управлении и развитии?

Рассмотрим отдельные направления философских исследований проблемы субъекта в контексте развития научной рациональности.

Для классической научной рациональности базовым философским подходом обобщенно можно признать позитивизм, в рамках которого внимание к проблеме субъекта весьма ограничено.

1 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 619–640.

Для неклассической научной рациональности базовым философским подходом обобщенно можно признать философский конструктивизм. В соответствии с философской позицией конструктивизма, то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира — не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности. Субъект имеет дело в процессе познания и деятельности с самим собой: от себя ему никуда не уйти. Он постигает мир через идеализации, абстракции, модели, которые определяют его возможностями познания здесь и сейчас.

Социально-исторический характер познавательного процесса, его коллективность выражаются не только в том, что этот процесс осуществляется множеством взаимодействующих между собой индивидов. Само это взаимодействие предполагает существование специфических законов коллективного процесса развития знания, отличных от тех, которые характеризуют индивидуальное познание. Носителем коллективного познавательного процесса не является индивидуальный субъект. Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих ее людей¹.

Индивидуальный субъект, его сознание и познание должны быть поняты с учетом их включенность в различные системы коллективной практической и познавательной деятельности. Но это не означает, что индивидуальный субъект каким-то образом растворяется в коллективном. Во-первых, сам коллективный субъект не существует вне конкретных людей, реальных индивидов, взаимодействующих между собой по специфическим законам коллективной деятельности. Коллективный субъект не является особой личностью, не обладает собственным Я и не совершает актов познания, отличных от тех, которые осуществляют входящие в него индивиды. Во-вторых, познание, неотделимое от индивидуально-го субъекта, хотя и тесно связано с объективированными системами знания и, в конечном счете, определяется последними, непосредственно с ними не совпадает. А это значит, что знания, присущие индивидуальному и коллективному субъекту, не совпадают полностью и не растворяются друг в друге, а взаимно предполагают друг друга².

1 *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 278–280.

2 Там же. С. 281–282.

3.2.2. Проблема субъекта в психологии

В психологии актуальность проблемы субъекта резко возросла в контексте неклассической научной рациональности в связи с работами отечественного философа и психолога С.Л. Рубинштейна. Наряду с деятельностным подходом в психологии стал формироваться субъектный (субъектно-деятельностный подход).

Понятие «субъект» становится центральным понятием в психологии в связи с тем, что С.Л. Рубинштейн показывает: деятельность так же, как и сознание, — это способность деятельного субъекта¹. Субъектом представители субъектно-деятельностного подхода называют человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности.

Субъект выступает как носитель определенной системности, раскрывающийся во взаимодействии с миром. Именно субъект становится системообразующим фактором на каждом этапе своего развития.

Субъектно-деятельностный подход органично связан с развитием методологических основ всех областей психологии. Решение проблем в его рамках опиралось на исследование рефлексивных процессов. С.Л. Рубинштейн связывал с появлением *рефлексии* становление человека подлинным субъектом своей жизнедеятельности, когда его поступки обретают философский оттенок и он действительно ответственен за ход своей жизни; *рефлексия* как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за его пределы.

Особый вклад в становление субъектно-деятельностного подхода в отечественной психологии внес А.В. Брушлинский и возглавляемый им коллектив ученых.

Приведем несколько примеров влияния субъектно-деятельностного подхода на отдельные области психологии:

- переход в психологии памяти от исследований, основанных на запоминании бессмысленного материала (как в работах Г. Эббингауза), к работам, где изучаются роль деятельности субъекта и решаемых задач при усвоении им осмысленного материала;
- в рамках психофизических исследований выделяется направление «субъектная психофизика»;
- в психофизиологии физиологические сдвиги интерпретируются как активно управляемые субъектом;

1 Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

- формирование зрелой личности связывается с ее превращением из элемента социальной системы в субъекта деятельности¹;
- развитие механизмов рефлексивной самоорганизации, положенное в основу формирования субъектов-профессионалов управленческой деятельности;
- в психотерапии ведущей становится личностно ориентированная терапия К. Роджерса², которая предложила отнестись к личности не как к пациенту, а как к субъекту, способному с небольшой помощью решить свои проблемы³;
- в основу формирования структуры и логики психологических исследований закладываются как субъект-объектные, так и субъект-субъектные отношения;
- в социальной психологии интенсивно разрабатывается проблематика исследования больших социальных групп как коллективных субъектов⁴.

В.А. Петровский⁵

Одна из наиболее конструктивных психологических моделей субъекта была предложена В.А. Петровским.

Проблема субъекта оказалась в центре внимания научных исследований и практической психологической работы этого яркого российского психолога. Им разработана обобщенная модель

- 1 Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 208–252.
- 2 Rogers C. R. Client-Centered Therapy: its current practice, implications and theory. Boston: Houghton Mifflin, 1951.
- 3 Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории «субъект» // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56–74.
- 4 Журавлев А.Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 23.09.2018).
- 5 Вадим Артурович Петровский (р. 1950) — российский психолог, доктор психологических наук, ординарный профессор департамента психологии факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент Российской академии образования (РАО).

субъекта, которая послужила катализатором для широкого спектра психологических исследований.

Он выделил четыре базовые характеристики субъекта:

- субъект – целеустремленное (т. е. целеполагающее и целедости-гающее) существо;
- субъект – рефлексующее существо, обладатель образа себя; иное немисливо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;
- субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено);
- субъект – развивающееся существо, ибо ему приходится дейст-вовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшест-вующем шаге активности, условия и способы самовоспроиз-водства¹.

В целом субъектно-деятельностный подход способствовал развитию психологии и привлечению внимания не только к деятельностной активности человека, но и к совместному рассмотрению трех видов активности: деятельностной, коммуникативной и рефлексивной.

Дальнейшее развитие проблемы субъекта в психологии проис-ходит в наши дни в значительной степени на основе постнекласси-ческой научной рациональности.

3.2.3. Проблема субъекта в инженерной психологии и эргономике (управленческий аспект)

В контексте развития научной рациональности представлены резуль-таты философско-методологического анализа эволюции постановки и решения проблемы субъекта в инженерной психологии и эргоно-мике. Такого рода анализ можно рассматривать условно как истори-ческий, ибо он проведен не только хронологически, а с привязкой к истории развития науки. Этот подход имеет свои преимущества, так как позволяет проанализировать проблему в контексте специфики философского и методологического обеспечения конкретного типа научной рациональности. С учетом доминирующих парадигм, науч-

1 Проблемы субъекта в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Арши-нова и В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 10. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 23.09.2018).

ных походов областей знания, форм активности, специфики дисцип-линарных подходов, этических представлений и др. Такое рассмот-рение позволяет системно проанализировать не только эволюцию, но и определить перспективные направления постановки и реше-ния проблемы субъекта в инженерной психологии и эргономике¹.

Проблема субъекта в классической научной рациональности

Для классической научной рациональности доминирующей формой активности субъекта выступает деятельностная активность. Соот-ветственно, на этапе становления инженерной психологии и эрго-номики в центр внимания был поставлен не субъект, а деятельность человека-оператора в автоматизированных системах².

При этом под влиянием базовых представлений кибернетики, которая доминировала в обеспечении управленческой проблема-тики, деятельность человека была редуцирована к представлениям данной области знания: функционально-структурным, аксиомати-ческим, информационным, исследованиям операций, классичес-кой теории игр и др.

Как следствие, в проектировании систем «человек–машина» ве-дущим оказался системотехнический подход³. В системотехнике дея-тельность человека рассматривалась в той же категориальной плос-кости, что и функционирование машины. Как отмечал Б. Ф. Ломов, «человек рассматривается как простое звено системы; функциони-рование этого звена исследуется в плане тех схем, принципов и ме-тодов, которые разработаны для описания и анализа технических систем. Главная задача исследования, вытекающая из машиноцент-рического подхода, – определение „входных“ и „выходных“ характе-ристик человека...»⁴. Человек рассматривался как звено переработки информации. В соответствии с этими представлениями строились информационные модели и органы управления.

1 Журавлев А. Л., Лепский В. Е. Проблема субъекта в инженерной пси-хологии и эргономике // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 7–16.

2 Зинченко В. П., Леонтьев А. Н., Панов Д. Ю. Проблемы инженерной пси-хологии // Инженерная психология. М., 1964. С. 5–23.

3 Ломов Б. Ф. Человек и техника (очерки инженерной психологии). Л., 1963.

4 Ломов Б. Ф. О путях построения теории инженерной психологии на ос-нове системного подхода // Инженерная психология: теория, методо-логия, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 734.

Игнорирование субъектности проявлялось и в моделировании принятия решений операторами. Проблема выбора исследуется либо на моделях, которые пытаются сделать универсальными, не зависящими от субъекта принятия решений, либо на моделях, в которых объединены эмпирические знания о реальном поведении людей и нормативные модели рационального поведения¹. Утилитарный аспект являлся определяющим в проблеме выбора, а доминирующую этику можно представить как *этику целей*.

Кибернетические модели и представления нашли свое отражение и в комплектовании групп (экипажей) операторов, например, в использовании концепции гомеостата Д. Ф. Горбова².

В инженерной психологии и эргономике на этапе доминирования классической научной рациональности свобода субъекта существенно ограничена в рамках заданных *целей* и регулирующих деятельность норм. Субъект понимается как обобщенный носитель деятельности, описываемый как компонент систем, аналогичный техническим устройствам.

Проблема субъекта в неклассической научной рациональности

Возрастание роли субъекта и субъект-субъектных отношений в контексте неклассической научной рациональности приводит к необходимости пересмотра доминирования деятельностного подхода в управлении, фактически возникает поляризация научных школ (особенно в психологии), ориентированных на деятельностный и субъектно-деятельностный подходы. Более адекватным специфике неклассической научной рациональности оказался *субъектно-деятельностный подход*³.

Если для классической научной рациональности базовой была активность в деятельности, то для неклассической наряду с ней базовыми становятся и другие формы активности, в частности общение и рефлексия.

- 1 Диев В. С. Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник Томского государственного университета. «Философия. Социология. Политология». 2013. № 2 (22). С. 41–51.
- 2 Горбов Д. Ф. Экспериментальная групповая психология // Проблемы инженерной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. Вып. 4. С. 252–259.
- 3 Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997.

В качестве примера психологической модели субъекта можно привести модель, предложенную В. А. Петровским¹, рассмотренную в предыдущем подразделе. К этой модели целесообразно добавить характеристики коммуникативной активности, отражающей специфику парадигмы «субъект–субъект»².

Базовая роль парадигмы «субъект–субъект» и становление активных систем как базового типа объектов управления определило высокую актуальность совместной работы представителей различных областей знаний: философии, психологии, социологии, политологии, биологии, кибернетики второго порядка и др. Базовым научным подходом становится *междисциплинарный подход*.

Созданный в Институте психологии АН СССР коллектив последователей школы С. Л. Рубинштейна способствовал тому, что философские и методологические основания неклассической научной рациональности нашли свое отражение во многих областях психологического знания, а это повлияло и на развитие инженерной психологии и эргономики. В исследованиях по общей психологии (С. Л. Рубинштейн и др.), социальной психологии (Г. М. Андреева, А. Л. Журавлев и др.), психологии управления (А. И. Китов, А. В. Филиппов и др.), психофизики (К. В. Бардин, Ю. А. Индлин и др.), психотерапии (К. Роджерс, П. Вацлавик и др.), психологии труда (Е. А. Климов, В. А. Бодров, Д. Н. Завалишина, В. А. Пономаренко, В. Ф. Рубахин и др.), акмеологии (А. А. Деркач и др.), педагогической психологии (В. В. Давыдов, В. В. Рубцов и др.), экологической психологии (В. И. Панов и др.), математической психологии (В. А. Лефевр, В. Ю. Крылов, Г. В. Суходольский и др.), психосемантики (В. Ф. Петренко и др.) и пр.

Рассмотрим отдельные управленческие аспекты постановки и решения проблемы субъекта в инженерной психологии и эргономике в контексте неклассической научной рациональности.

В центре внимания оказывается проблема активности операторов³ и активности средств деятельности. Сформулирована проблема про-

- 1 Петровский В. А. Индивидуальность. Личность. Субъект // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 10.
- 2 Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.
- 3 Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Принцип активного оператора и распределение функций между человеком и автоматом // Вопросы психологии. 1971. № 3. С. 3–12.

изводности информационных моделей от образно-концептуальных моделей (психологических картин мира). Операторы были представлены как активные субъекты деятельности. В состав средств деятельности были включены активные средства, названные рефлексивными моделями, позволяющие обеспечивать процессы формирования образов сложных объектов и систем управления, а также создающие условия для делегирования компьютерным системам полномочий на выполнение отдельных формализованных действий (функций). Информационная модель представлена как иерархическое образование, включающее ряд разнородных, но взаимосвязанных слоев, от физического до рефлексивного¹. В последующих работах авторов этот подход распространен и на анализ исполнительных моделей.

В поисках гармонии антропоцентрического и машиноцентрического подходов разными авторами воплощается в теории и практике как самостоятельный подход «взаимная адаптация человека и техники» (В. Ф. Венда², В. М. Ахутин³ и др.). В автоматизированных системах организационного управления была поставлена проблема ориентации на конкретного пользователя⁴.

Через инженерную психологию была выведена из идеологических шор проблема рефлексии субъектов (В. А. Лефевр⁵). Это позволило ввести понятие рефлексивного управления, нашедшего широкое применение в различных сферах науки и практики и прежде всего в военных приложениях⁶. На основе рефлексивного подхода получила также развитие и проблема выбора в принятии решений.

- 1 Горяинов В. П., Зинченко В. П., Лепский В. Е. Проектирование внешних и внутренних средств деятельности операторов // Эргономика: Труды ВНИИТЭ. М.: ВНИИТЭ, 1976. Вып. 12. С. 125–164.
- 2 Венда В. Ф. Методологические проблемы адаптивного информационного взаимодействия // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 55–66.
- 3 Ахутин В. М. Поэтапное моделирование и синтез адаптивных биотехнических и эргатических систем // Инженерная психология. М.: Наука, 1977. С. 149–180.
- 4 Березкин Б. С., Дракин В. И., Лепский В. Е. Проблемы психологического обеспечения автоматизированных систем управления // Психологический журнал. 1984. № 4. С. 74–82.
- 5 Лефевр В. А. Элементы логики рефлексивных игр // Проблемы инженерной психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. Вып. 4. Ленинград, 1966. С. 273–299.
- 6 Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 71–89.

В своих работах сотрудники Института психологии АН СССР одними из первых в инженерной психологии поставили проблему организации групповой деятельности операторов автоматизированных систем управления¹, чему в значительной степени способствовало развитие проблематики групповой деятельности в социальной психологии (А. Л. Журавлев²). До появления в Интернете социальных сетей в инженерной психологии была поставлена проблема моделирования и поддержки сообществ в Интернете и обеспечения информационно-психологической безопасности субъектов этих сообществ³.

Выявлены принципиальные различия в постановке проблемы субъекта в управленческой деятельности, которые проявляются в смене парадигм от *поддержки управленческих решений* к *поддержке субъектов управленческой деятельности*⁴.

На этапе доминирования неклассической научной рациональности наряду с деятельностью активностью большое внимание уделяется коммуникативной и рефлексивной активности, расширяется представление о свободе субъекта. Больше внимание уделяется групповой деятельности, ставится проблема обеспечения сетевых сообществ.

Проблема субъекта в постнеклассической научной рациональности

Становление постнеклассической научной рациональности нашло свое отражение в развитии субъектного подхода в психологии⁵, ока-

- 1 Лепский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- 2 Журавлев А. Л. Социально-психологические проблемы управления // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. С. 173–188.
- 3 Лепский В. Е., Раныто А. Г. Моделирование и поддержка сообществ в Интернете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_Raputo1999.pdf (дата обращения: 16.02.2019).
- 4 Лепский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- 5 Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

завшего в свою очередь влияние на инженерную психологию и эргономику¹.

Выделим отдельные направления развития инженерной психологии и эргономики в контексте новых постановок вопросов и подходов к решению проблемы субъекта.

Уже на первых шагах становления инженерной психологии была предпринята попытка выйти за рамки деятельностного подхода, принимая тезис, что способ достижения цели человеком социально нормирован, т. е. человека нельзя рассматривать вне связи с культурой. Если признать человека в качестве субъекта труда, то нельзя не признать, что системообразующими связями являются не только связи между человеком и машиной, но и связи социальные: связи между людьми. В центр внимания субъектного подхода попадает не система «человек—машина», а «социотехническая среда»². Идеи необходимости перехода к концептуальному рассмотрению «человек—техника—среда» были поддержаны рядом ведущих инженерных психологов и эргономистов³. В этих концепциях отрицался как машиноцентрический, так и антропоцентрический подход.

В ряде работ была предпринята попытка интеграции концептуального опыта инженерной психологии и эргономики применительно к автоматизированным системам управления⁴. Для проектирования автоматизированных систем организационного управления была разработана концепция субъектно-ориентированного подхода⁵, которая соответствовала постклассической научной рациональности.

- 1 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.
- 2 *Пископелль А. А., Шедровицкий Л. П.* От системы «человек—машина» к «социотехнической системе» // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 15–25.
- 3 *Губинский А. И., Евграфов В. Г.* Инженерно-психологическое обеспечение проектирования систем управления // Методология инженерной психологии, психологии труда и управления. М.: Наука, 1981. С. 115–121; *Зинченко В. П., Мунипов В. М., Смолян Г. Л.* Некоторые теоретические и практические вопросы эргономики // Инженерно-психологические проблемы АСУ. Киев, 1975.
- 4 *Голиков Ю. Я., Костин А. Н.* Психология автоматизации управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- 5 *Лепский В. Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

В целом следует отметить, что в настоящее время в инженерной психологии и эргономике делаются первые шаги на пути решения проблемы субъекта в контексте постнеклассической научной рациональности¹. Вместе с тем достигнуты определенные успехи в ряде частных направлений исследований, органично связанных с инженерной психологией и эргономикой. Выделим наиболее актуальные, на наш взгляд, направления.

*Проблема исследования больших социальных групп как коллективных субъектов*². Выделены актуальные направления исследований и обобщен накопленный опыт в социальной психологии.

Разработка проблемы информационно-психологической безопасности. В центре внимания оказались различные типы субъектов (индивидуальные; групповые; лица, принимающие управленческие решения; население; страна в целом и др.), включенные в различные процессы управления³.

Субъектный подход к исследованию качества жизни населения России (Г. М. Зараковский⁴). В центр внимания был поставлен ценностно-целевой подход и потенциалы субъектов жизнедеятельности.

Средовой подход к эргономическому обеспечению жизнедеятельности населения (П. Я. Шлаен, В. М. Львов)⁵. Поставлена проблема становления бытовой и социальной эргономики социальных сред.

- 1 *Журавлев А. Л.* Перспективные направления исследований в инженерной психологии и эргономике (Вместо введения ко второму разделу) // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. Вып. 7. Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 159–164.
- 2 *Журавлев А. Л.* Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследований // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 12–16.
- 3 *Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.
- 4 *Зараковский Г. М.* Качество жизни населения России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- 5 *Львов В. М.* Эргономические особенности системы обеспечения жизнедеятельности населения // Труды международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика». СПб., 2014. С. 436–443.

Обучающие и профессиональные иммерсивные среды (С. Ф. Сергеев¹). Фокусируется внимание на роли среды, которая задается в контексте философского конструктивизма и представлений системного подхода.

На этапе доминирования постнеклассической научной рациональности большое внимание уделяется комплексному рассмотрению всех видов активности субъектов. В центре внимания оказываются саморазвивающиеся среды, рассматриваемые как метасубъектные образования.

Выводы

Анализ проблемы субъекта в инженерной психологии и эргономике (управленческий аспект) в контексте развития научной рациональности позволил сформировать целостное видение проблемы субъекта, описать эволюцию подходов, выделить перспективные направления развития. Обосновано увеличение роли субъекта через смену доминирующих подходов: деятельностьный, субъектно-деятельностный, субъектно-ориентированный. В начале XXI в. доминирующей становится парадигма управления «субъект—саморазвивающаяся полисубъектная среда» («субъект—метасубъект»), адекватная специфике постнеклассической научной рациональности.

Рассмотренные перспективные направления развития инженерной психологии и эргономики позволяют сделать вывод о целесообразности становления социогуманитарной инженерной психологии и эргономики.

3.2.4. Проблема субъекта в кибернетике

В классической кибернетике (Н. Винер), соответствующей классической научной рациональности, представления о субъекте сводились к представлению его как объекта управления, аналогичного техническим системам.

Естественно-научные традиции, на которые опиралась классическая кибернетика, содержали в себе ряд скрытых постулатов².

- 1 *Сергеев С. Ф.* Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. М.: Народное образование, 2009; *Сергеев С. Ф.* Глобальные техногенные среды в эволюции человеческой цивилизации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1. «Экономика и управление». 2013. № 1. С. 80–86.
- 2 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.

Постулат первый: «Теория об объекте, имеющаяся у исследователя, не является продуктом деятельности самого объекта».

Этот постулат фиксирует доминирующее положение исследователя по отношению к объекту. Утверждение, что «природа не злонамеренна», является одной из форм осознания этого постулата.

Постулат второй: «Объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект».

Второй постулат порождает возможность говорить о свойствах и законах, присущих вещам. Они существуют объективно и лишь фиксируются исследователем.

В соответствии с этими постулатами отношения между исследователем и объектом описываются схемой «субъект—объект». Этот же тип отношений был заложен в методологические основы построения кибернетики. Принципиальная ограниченность этого подхода в теории управления отчетливо проявилась при попытках моделирования социальных систем, конфликтных взаимодействий, процессов общения, социальных и психологических феноменов, в которых поведение объекта оказывалось существенно зависящим от отношений с исследователями, от «модели ситуации, которую строил объект», от целей объекта и исследователя и их взаимных представлений.

Проблема субъекта в кибернетике была принципиально пересмотрена в связи с формированием кибернетики второго порядка, в основу которой были положены представления Х. фон Фёрстера. Кибернетика первого порядка — это кибернетика наблюдаемых систем, а кибернетика второго порядка — наблюдающих систем¹.

В центре внимания исследователей оказались такие непривычные характеристики, как «самость» и «самопрезентация». В зарубежных исследованиях идеи кибернетики второго порядка нашли свое воплощение в биологии в концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, в психологии и психотерапии — в работах Г. Бейтсона и П. Ватцлавика, взгляды которых согласуются с «конструктивизмом». В отечественных исследованиях эти идеи были развиты в работах В. А. Лефевра².

- 1 *Foerster Heinz von.* On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N. Y.: Springer Verlag, 2003.
- 2 *Лефевр В. А.* Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 96–103. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf (дата обращения: 32.06.2018).

В настоящее время наиболее близкие нам подходы на Западе представлены на основе учета рефлексивной активности в работах ведущих зарубежных специалистов по системному анализу и кибернетике¹.

Дальнейшее развитие субъектно-ориентированного подхода в кибернетике, на наш взгляд, будет связано со становлением кибернетики третьего порядка, кибернетики саморазвивающихся рефлексивно-активных сред².

3.2.5. Проблема субъекта в экономике (анализ Нобелевских премий)

Нобелевские премии XXI в. по экономике дают убедительные доказательства, что это награда не за «технику», а за идеи, определившие развитие науки и в известном смысле опередившие свое время. При этом важно отметить, что проблема субъекта оказывается в центре внимания экономической науки XXI в.

Многие экономисты 1980-х годов реагировали на неуклонно растущий перечень примеров так называемых «парадоксов рациональности» путем сооружения «защитного пояса» вокруг аксиоматических моделей³, а в более широком контексте — вокруг парадигмы управления «субъект—объект», т. е., грубо говоря, они действовали по типу «если факты против нас, то тем хуже для фактов».

В начале XXI в. картина заметно изменилась: пришло не только осознание важности психологически насыщенных эмпирических и экспериментальных фактов, но и стремление черпать из них материал для развития самой экономической теории. Наметились четко выраженные тенденции к переходу в управлении экономическими системами к парадигмам «субъект—субъект» и «субъект—полисубъектная среда». Эти тенденции отчетливо просматриваются в содержании большинства Нобелевских премий по экономике XXI в.

- 1 Müller K. H. The Multiple Faces of Reflexive Research Designs // Systemics, Cybernetics and Informatics. 2015. V. 13. № 6. P. 87–98; Umpleby S. A. Second order science: logic, strategies, methods // Constructivist Foundations. 2014. V. 10. № 1. P. 16–23.
- 2 Лепский В. Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36.
- 3 Кун Т. Структура научных революций. М.: Мир, 1977; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

В таблице 3.1 представлены обобщенные данные анализа Нобелевских премий XXI в., оказавшие существенное влияние на проблему субъекта в экономике¹.

Проведенный анализ дает основание предположить, что просматривается тренд на усиление внимания к механизмам управления в контексте парадигмы управления «субъект—полисубъектная среда».

3.2.6. Проблема субъекта в работах Г. П. Щедровицкого и В. А. Лефевра

Существенное влияние на научное осмысление проблемы субъекта в междисциплинарном ракурсе оказали работы Г. П. Щедровицкого и В. А. Лефевра. Несмотря на принципиальные расхождения в подходах, их имена тесно связаны со становлением неклассического этапа развития науки, именно в ее рамках снова встречаются и взаимно обогащаются их идеи.

Г. П. Щедровицкий²

Щедровицкий, открыто декларируя бессубъектный подход и антипсихологизм³ в своих исследованиях, тем не менее внес большой вклад в постановку и решение проблемы субъекта. Утверждая, что основа для применения социогуманитарных знаний определяется «сверху», принятой системой онтологических допущений и используемых теоретических моделей, он четко поставил задачу создания конструктивных элементов (онтологических схем и моделей) и проектирования механизмов создания форм организованности полисубъектных систем.

- 1 Лепский В. Е. Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая международная конференция по проблемам управления 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1302–1308.
- 2 Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) — советский философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель системы-мыследеятельностной методологии, основатель и лидер Московского методологического кружка, идейный вдохновитель «методологического движения».
- 3 Лепский В. Е. Рефлексия в работах Г. П. Щедровицкого и В. А. Лефевра // Рефлексивный подход от методологии к практике / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 27–38.

Таблица 3.1

Нобелевские премии XXI в., оказавшие существенное влияние на проблему субъекта в экономике

Год	Лауреаты премии	Официальное название	Субъектная интерпретация
2001	Джордж Акерлоф (George Akerlof), Майкл Стенс (A. Michael Spence), Дозеф Юджин Стиглиц (Joseph E. Stiglitz)	Анализ рынков с асимметричной информацией	<i>Субъект—субъект</i> 1. Необходимость учета наличия разных картин мира (информационных моделей) у субъектов рыночных отношений 2. Ставится и решается проблема управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, т. е. речь идет об учете механизмов рефлексивного управления
2002	Дэниэл Канеман (Daniel Kahneman), Вернон Ломакс Смит (Vernon Lomax Smith)	Экономический анализ человеческого поведения	<i>Субъект—субъект</i> 1. Включение моделей процессов принятия решений субъектами в условиях риска и моделей управления своим поведением в экономические модели 2. Использование экспериментальных (игровых) моделей с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов
2005	Израэль Роберт Джон Ауманн (Yisrael Robert John Aumann), Томас Кромби Шеллинг (Thomas Crombie Schelling)	«За расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр»	<i>Субъект—субъект</i> Необходимость учета рефлексивных процессов при анализе точек равновесия (фокальные точки)

Год	Лауреаты премии	Официальное название	Субъектная интерпретация
2006	Эдмунд Фелпс (Edmund S. Phelps)	«За анализ межвременного обмена в макроэкономической политике»	<i>Субъект—субъект</i> Необходимость учета в экономических моделях степени информированности конкретных субъектов экономических отношений
2007	Леонид Гурвич (Leonid Hurwicz), Эрик Маскин (Eric S. Maskin), Роджер Брюс Майерсон (Roger Bruce Myerson)	«За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов»	<i>Субъект—полисубъектная среда</i> Эти работы четко ориентированы на парадигму «субъект—среда» в управлении экономическими системами
2008	Пол Кругман (Paul Krugman)	«За анализ структуры торговли и размещения экономической активности»	<i>Субъект—полисубъектная среда</i> Эта работа также четко ориентирована на парадигму «субъект—среда» в управлении экономическими системами
2009	Элинор Остром (Elinor Ostrom), Оливер Уильямсон (Oliver Williamson)	«За исследования в области экономической организации и анализ внерыночных экономических трансакций»	<i>Аналогично</i>
2010	Петер Даймонд (Peter Diamond), Дэйл Мортенсен (Dale Mortensen), Кристофер Писсаридес (Christopher Pissarides)	«За исследования рынков с моделями поиска — „тренинг“ в макроэкономике»	<i>Аналогично</i>

Ключевая позиция Щедровицкого отражена в таком его высказывании: «Так где существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы? Это одна форма вопроса. Другая — творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жестко: конечно не индивиду, а функциональному месту»¹.

Человек в исследованиях Щедровицкого предстает как материал, который вторичен по отношению к механизмам и средствам организации деятельности. «Или — если пользоваться чеховскими словами о том, что раба надо из себя выдавливать, — надо эту субъектность из себя выдавливать. Когда выдавите, можете быть ученым, методологом, учеником. Человеком быть не можете»².

Другим важнейшим аспектом в понимании методологии школы Щедровицкого является представление о рефлексии. Реакция Щедровицкого на предложения В. А. Лефевра о включении рефлексивной тематики в исследования ММК была крайне негативной, прежде всего из-за принципиальной неприемлемости включенности через нее субъектной ориентации. В 1970-е годы Щедровицкий вынужден был признать необходимость рефлексии в деятельностном подходе и тем самым пересмотреть свою теорию деятельности. Созданные Щедровицким и кружком в конце 1970-х годов организационно-деятельностные игры (ОДИ) в основе своей строились как рефлексивные. «Рефлексивный выход» из деятельностной позиции стал ключевым моментом ОДИ, а технологии его обеспечения являются новаторскими и крайне актуальными для многих областей практики (проектировочная деятельность, управленческое консультирование, психотерапия, педагогика и др.). Рефлексия стала знаменем системно-мыследеятельностного подхода и игротехнического движения.

Щедровицкий рассматривал *рефлексию в контексте процедур преобразований различных видов деятельности*. Рефлексия понималась им как сугубо деятельностная позиция, без учета специфики субъекта деятельности. Осознанное упрощение Щедровицким представлений о рефлексии, в частности абстрагирование от роли субъектов, позволило сконцентрировать внимание на обобщенных технологиях продуцирования знаний в широком классе социальных систем. Рефлексия, в понимании Щедровицкого, — это, прежде всего, процедура, лежащая в основе технологий порождения и интеграции знаний

1 Щедровицкий Г. П. *Философия. Наука. Методология*. М., 1997. С. 10.

2 Щедровицкий Г. П. *Избранные труды*. М.: Шк. культ. политики, 1995. С. 570.

в социальных системах и развития различных видов деятельности; в контексте его деятельностного подхода — это рефлексия деятельностных позиций, функциональных мест.

Как заметил В. М. Розин, у Щедровицкого «тип рефлексивной работы представляет особый тип дедукции. Есть классические работы Г. П. Щедровицкого, где он разворачивает схемы деятельности за счет рефлексии. Задается клеточка деятельности, затем механизмы рефлексии и организации деятельности, что позволяет вводить разные позиции (практика, методиста-ученого, методиста-педагога), виды знания, структуры коммуникации. По сути, это тип дедуктивного теоретического мышления... но осознал он как рефлексия»¹.

Рефлексия, в понимании Щедровицкого, имеет антипсихологический характер. Вместе с тем она «порождает» структуры и механизмы взаимодействия носителей функциональных позиций, на которые психологические знания могут проецироваться, что позволяет осмысленно включать их в широкие системные контексты, в том числе и практические. Она продуцирует онтологические схемы для различных областей знаний, в том числе и для психологии; это — социальная рефлексия, отвлеченная от специфики конкретных субъектов. Она актуальна и в контексте современных представлений об управлении и развитии социальных систем.

В. П. Зинченко²

Имела место и трактовка рефлексии, в понимании Щедровицкого, как рефлексии мышления. Она, безусловно, имеет определенные основания в контексте работ ММК, где было постулировано «признание мира мышления как особой субстанции, существующей в социокультурном пространстве, то есть в пространстве между людьми, а не в голове отдельного человека»³.

1 Лепский В. Е. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России. Материалы Круглого стола 5 марта 2001 г., Институт психологии РАН // *Рефлексивные процессы и управление*. 2001. № 1. Т. 1. С. 20. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Jour_2001_1_a.htm (дата обращения: 21.04.2018).

2 Владимир Петрович Зинченко (1931–2014) — советский и российский психолог. Один из создателей инженерной психологии и эргономики в России. Представитель семейной династии известных психологов.

3 Зинченко В. П. Комментарий психолога к трудам и дням Г. П. Щедровицкого // *Познающее мышление и социальное действие* (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М.: Ф. А. С.-медиа, 2004. С. 347.

Щедровицкий утверждал, что мир мышления должен быть положен как новая реальность, противопоставленная реальности матери¹. «Г. П. проделал огромную работу по конструированию онтологических картин мира мышления, существующего не как психический процесс, а объективно, как субстанция особого рода»².

Принципиально важно заметить, что в последних выступлениях Щедровицкий скорректировал свою изначально жесткую ориентацию на бессубъектность. Он признал, что, хотя схема «субъект—объект» не годится при исследовании мышления и при занятиях методологией, без нее нельзя обойтись при анализе процессов коммуникации и организационно-деятельностных игр; что деятельностный подход предполагает невозможность для человека снятия с себя ответственности; что эта сторона — субъективный подход и волевое решение — необходима в каждом деле и есть, наверное, самое главное, что требуется от каждого человека³.

В работах последователей школы Щедровицкого были предприняты разнообразные попытки модернизации сложившихся в ММК подходов. Однако и в трудах последователей не удалось принципиально выйти за границы классической и неклассической научной рациональности.

В целом следует отметить гигантский вклад школы Щедровицкого в развитие многих областей отечественной науки, в то же время не следует забывать, что ее исследования соответствуют классическому и неклассическому типам научной рациональности, и это накладывает серьезные ограничения на их использование в современной аналитике управления.

Лефевр открыто декларировал «субъектность» в своих исследованиях. В центр исследования проблемы субъекта была поставлена его способность к рефлексии. Им была разработана теория рефлексии, рефлексивные математические модели, введены понятия рефлексивных систем, рефлексивных структур, рефлексивного управления, которые существенно повлияли на становление субъектного подхода в отечественных и зарубежных исследованиях.

1 *Щедровицкий Г. П.* Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 10.

2 *Зинченко В. П.* Комментарий психолога к трудам и дням Г. П. Щедровицкого // *Познающее мышление и социальное действие* (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М.: Ф. А. С.-медиа, 2004. С. 350.

3 *Щедровицкий Г. П.* Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 16.

Не случайно такие выдающиеся ученые, как Карл Поппер и Анатоль Рапопорт, сочли необходимым принять участие в широкой дискуссии вокруг работ Лефевра, развернувшейся на Западе.

В начале 1960-х годов В. А. Лефевр выступил одним из ведущих инициаторов привлечения внимания научной общественности к понятию рефлексии и к исследованию рефлексивных процессов. При этом его главная исходная посылка заключалась в следующем: «Развитие психологии задержалось из-за отсутствия моделей, которые включали бы в себя „внутренний мир“ человека» (В. А. Лефевр подразумевал под моделями прежде всего математические модели).

В этой связи нельзя недооценивать вклад Лефевра в становление субъектного подхода: он первым смог вывести проблематику рефлексии из-под идеологического контроля, воспользовавшись актуальностью проблем моделирования военных конфликтов.

Под рефлексией начала также пониматься способность встать в позицию исследователя по отношению к другому субъекту, его действиям и мыслям. Такое более широкое понимание позволило построить предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений объектов исследования, являющихся в то же время исследователями.

Границы рефлексивной логики были расширены за пределы индивидов и стали включать произвольные интеллектуальные системы. Рефлексивный подход оказал существенное влияние на систему научных понятий и, более того, стал входить в массовое сознание. В России сложилось междисциплинарное «рефлексивное движение», которое оказывает в настоящее время существенное влияние на формирование концептуальных подходов различных областей знаний: философии, социологии, психологии, педагогики, проблематики искусственного интеллекта и компьютерных наук в целом, компьютеризации управленческой деятельности, военного дела и ряда других наук и практических направлений¹.

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие при решении социальных задач субъектов различных типов (личность, группа, организация и др.) и различных видов сознания (индивидуальное, групповое, массовое) подталкивает многих

1 *Ленский В. Е.* Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // *Рефлексивные процессы и управление*. 2001. № 1. С. 3–33. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Jour_2001_1_a.htm (дата обращения: 30.01.2019).

исследователей к принятию некой обобщенной логической структуры, инвариантной по отношению к видам и «носителям» сознания. Такого рода структуры позволяют в единых понятиях анализировать процессы информационного взаимодействия качественно различающихся элементов, не снимая возможности учета их специфики¹. В этих логико-психологических схемах мы имеем дело с формализованными субъектами, которые могут выступать как модели различных типов реальных субъектов (личность, группа, коллектив, организация и др.).

3.2.7. Выводы

Тенденция повышения актуальности проблемы субъекта имеет место во многих областях знания. Философским обоснованием этой тенденции является развитие научной рациональности, становление постнеклассической науки.

3.3. АНАЛИЗ СУБЪЕКТНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ РАЗВИТИЕМ

3.3.1. Кто является субъектами стратегического развития?

В 2008 г. впервые за все постсоветские годы государство решилось взять стратегическую инициативу в свои руки¹. Вплоть до последнего времени эта инициатива находилась в руках международных финансовых организаций, экспортеров сырья, транснациональных корпораций, естественных и неестественных монополий, а также местных олигархов и организованной преступности. Каждый из этих субъектов навязывал стране свою стратегию, а их комбинация породила порочные круги ловушек, в которых оказалась стремительно деградирующая российская экономика. Развитие последних лет по инерции шло в русле этих стратегий, а относительно благополучные макроэкономические показатели достигались не столько благодаря, сколько вопреки политике государства, которая характеризовалась безыдейностью и безынициативностью, следовала псевдолиберальным рецептам международных финансовых организаций².

Однако разработанные Министерством экономического развития Концепции долгосрочного развития страны не дают оснований для оптимизма:

Во-первых, в этих Концепциях отсутствует обстоятельный ответ на важнейший вопрос: «Кто будет субъектом развития?» — в том числе вопрос о роли госаппарата в осуществлении развития страны. Нет ответа на вопрос о том, каким образом можно преодолеть кадровые проблемы госаппарата: в проекте абстрактно говорится лишь о создании эффективного государства, но при этом не поясняется, кто и каким образом будет его создавать. Административная реформа 2005 г. оказалась явно провальной. Остается повисшей в пустоте оценка госаппарата В. В. Путиным в феврале 2008 г.: «Сегодняшний госаппарат является в значительной степени забюрократизирован-

1 Parsons T. Social System. Glencoe, 1952; Лефевр В.А. Элементы логики рефлексивных игр // Проблемы инженерной психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. Вып. 4. Ленинград, 1966. С. 273—299.

1 Выступление В. В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г., г. Москва, Кремль. URL: <http://president.kremlin.ru> (дата обращения: 24.06.2018).

2 Глазьев С. Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов: Научный доклад. М.: Национальный институт развития, 2007.

ной, коррумпированной системой, не мотивированной на позитивные изменения, а тем более на динамичное развитие». Эти же призывы к реформированию забюрократизированной системы государственного управления снова повторяются и в 2019 г.

Во-вторых, в этих документах правительство исходит не из прорыва на инновационный путь развития, а из преобладания инерционной составляющей. Об этом же свидетельствует игнорирование необходимости увеличения финансирования НИОКР до уровня развитых стран. Снижение темпов роста инвестиций и откладывание массивного наращивания расходов на НИОКР приведет к необратимой утрате значительной части сохраняющихся еще заделов по разработке новых технологий вместе с деградацией владеющих ими организаций¹.

В-третьих, как это ни парадоксально, планируется продолжение деградации научного потенциала страны. Разрыв между уходящим и подрастающим поколениями ученых и педагогов через несколько лет может стать непреодолимым. В 2019 г. предпринимаются попытки возрождения научного потенциала, но они не опираются на необходимое резкое увеличение финансирования науки.

В-четвертых, правительство продолжает идти на поводу монополистов в энергетике и сырьевой экономике, планируя дальнейший опережающий рост тарифов на газ и электроэнергию, а также проявляя неспособность регулировать цены на бензин и дизельное топливо.

В-пятых, в Концепциях не планируется устранение налоговых барьеров, мешающих переходу на инновационный путь развития.

Можно привести и еще целый ряд аргументов в пользу того, что в этих Концепциях явно просматривается доминирующая роль сторонников инерционного и энерго-сырьевого сценариев при пассивной роли сторонников инновационного сценария, поддержка которого ограничивается призывами и лозунгами, в то время как поддержка инерционного и энерго-сырьевого сценариев – конкретными решениями, тормозящими переход на инновационный путь развития².

1 Глазьев С. Ю. О стратегии и концепции социально-экономического развития России до 2020 года // Экономические стратегии. 2008. № 3. С. 34–39.

2 Например, в планах Правительства не стыкуются меры в сфере производства и потребления новой техники. С одной стороны, говорится о приоритетности развития гражданского авиастроения, а с другой стороны, принимаются решения о закупке контролируемых государством авиакомпаниями иностранных самолетов и освобождении их ввоза от импортных пошлин. Аналогичные примеры можно привести и в других отраслях. Так, государство тратит десятки миллиардов

И все-таки факт их принятия свидетельствует о важном сдвиге в осознании стратегических целей: осознании того, что без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты общества переход на инновационный путь российского развития обречен на провал.

Анализ современных российских реалий показывает, что прошли годы, но ситуация принципиально не изменилась. В стране отсутствует стратегическое целеполагание в интересах российского развития¹.

Встает вопрос: «Кто же является субъектами российского развития?». К сожалению, в данный момент вопрос остается без ответа!

Нужны новые высокие гуманитарные технологии и проекты формирования и организации потенциальных стратегических субъектов российского развития. В сложнейшей ситуации, в которой оказалась Россия, нельзя ограничиться реформированием только государственных структур, требуется консолидация государства, бизнеса и общества, формирование пространства доверия и условий для создания образцов жизнедеятельности, позволяющих стране стать мировым лидером развития и гармонизации всего человечества. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России².

3.3.2. Были ли среди участников перестройки субъекты российского развития?

Чтобы понять, кто сегодня является субъектами российского развития, необходимо начать с анализа участников перестройки. И чест-

рублей на закупку иностранных лекарств при наличии более дешевых отечественных аналогов. Контролируемые государством энергетические корпорации вкладывают миллиарды долларов в закупку иностранного оборудования при наличии конкурентоспособных отечественных аналогов и т. д.

1 Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Журенков Д. А., Зацаринный А. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б. Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018.

2 Лепский В. Е. Проблемы субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. 2006. № 2. С. 5–20; Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).

но ответить на вопрос: а были ли среди субъектов перестройки субъекты российского развития — или ее участники преследовали какие-то другие цели, не связанные с развитием России?

На наш взгляд, сегодня можно смело утверждать, что в период перестройки не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие¹. Убедительное обоснование отсутствия у них критериев оценки, принимаемых на уровне руководства решений и прогнозов последствий приведено в работе С. Г. Кара-Мурзы². Он стремился ответить на вопрос, чем объясняются гигантские человеческие и материальные потери, которые сопоставимы с потерями в период гражданской войны. Один из ответов сводится к тому, что организаторы и продолжатели перестройки разрушили экономически слабо эффективную, но работающую систему управления страной, даже не задумываясь о том, как создать новую. Методом проб и ошибок они привели страну к анархии, а не к демократии.

На наш взгляд, можно выделить пять основных субъектов перестройки: «менялы», «идеалисты», «разрушители», «ТНК» и «мародеры-мифологи».

Менялы были главными действующими лицами перестройки, вместе с тем, как правило, находящимися в тени. Они осуществляли обмен «номенклатурного ресурса» бывшей властной элиты на «материальный ресурс» будущей. И вполне успешно справились с этой задачей: сегодня они и их помощники — главные действующие лица в стране.

Для *идеалистов* перестройка представлялась как культ идеи установления демократии любой ценой, без оглядки и четкого осознания последствий. К этому типу субъектов, возможно, следует отнести основную массу советской интеллигенции, впавшей в состояние эйфории от «глотка свободы».

Для *разрушителей* перестройка явилась долгожданным актом завершения «холодной войны». И не случайно З. Бжезинский, коммен-

1 *Лепский В. Е.* Субъекты перестройки и перестройка субъектов // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В. И. Толстых. М.: Русский путь, 2005. С. 81–88. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2005a.doc> (дата обращения: 17.02.2019).

2 *Кара-Мурза С. Г.* Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 2. С. 16–34. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Kara-Murza2003.doc> (дата обращения: 19.01.2019).

тируя факт поражения СССР в этой войне и переживаемое Россией «смутное время», довольно точно охарактеризовал их как следствие разрушения «концепции бытия» русского народа¹.

Для *транснациональных корпораций* (ТНК) интерес к перестройке был связан, прежде всего, с желанием ослабить государство, контролирующее территории с гигантскими запасами энергетических и других ресурсов, а также нейтрализовать конкурента в области высоких технологий. Интересы этого субъекта также были достигнуты.

К внешним субъектам-разрушителям и ТНК примкнул наш внутренний подвид субъектов — *мародеры-мифологи*, которые стали продвигать систему разрушительных мифов: рынок сам себя регулирует; начальный капитал всегда образуется преступным путем; административная система управления — это наш враг; все западные товары лучше отечественных и т. п. Они же при этом не упускали случая обогатиться в процессе разрушения страны.

Были ли другие субъекты перестройки? Безусловно, но их влияние не столь заметно.

Общий вывод таков: среди участников перестройки не оказалось субъектов российского развития. В итоге Россия стала жертвой очередного культа — культа светлой идеи «демократии». Естественно, демократия тут ни при чем. Она сама стала жертвой процесса, по сути своей разрушительного, прикрываемого красивыми лозунгами.

А сегодня мы получили новый культ: культ денег, обогащения и наживы, который, похоже, будет самым тяжелым испытанием для России.

3.3.3. Готова ли «вертикаль власти» стать субъектом российского развития?

В последние годы властная элита внушает обществу, что она занята решением задачи, самой актуальной для России, — построением «вертикали власти».

Задумка хорошая, «никто не против», все за то, чтобы государственная машина была хорошо управляема, чтобы были сильными государство и общество. Поступают рапорты об успехах укрепления «вертикали власти», но настроение отнюдь не оптимистичес-

1 *Ипполитов К. Х., Лепский В. Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти? // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 2. С. 5–27 URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 17.02.2019).

кое. Почему? Нет реальных изменений в лучшую сторону. Продолжается последовательный курс на превращение России в сырьевой придаток развитых стран.

Одни политтехнологи все чаще утверждают, что именно они превратили Государственную думу в послушную пристройку «вертикали власти», создали «политическую вертикаль». Другие пытаются успокоить общество «каплями демократии», создают «общественную вертикаль» как очередную пристройку к «вертикали власти».

Глубинные причины лежат в том, что сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис и найти модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфичной является она сама. Чтобы это произошло, требуется разработать концепцию бытия и стратегию развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России.

Способна ли создаваемая «вертикаль власти» решить эту проблему: разработать стратегию развития, обеспечивающую достойную жизнь населению и могущество государства Российского? В состоянии ли она мобилизовать общество на ее реализацию? К сожалению, ответ на эти вопросы пока не ясен.

Создаваемая «вертикаль власти» задумывалась для решения тактических задач и поэтому не способна решать стратегические проблемы.

Она в значительной своей части — не вертикаль власти, а *горизонталь преклонения перед силой денег*. И пока этот культ не будет преодолен, «вертикаль власти» будет действовать в его интересах. Зачем что-то менять коррумпированному чиновнику? Зачем, лишаться сложившихся персональных финансовых потоков от нефти, газа, металла, леса и других источников «доходов»? Ведь развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест. И неизбежно встанет вопрос: кто незаконно обогатился на развале могущественной страны, обнищании и вымирании народа.

Цель коррумпированных чиновников — стабилизировать нынешнее состояние, не дать выйти стране из того тупика, в который она зашла. Для выхода из тупика потребуется другая элита. А старую придется тем или иным способом «отодвинуть».

Развитие нуждается в ресурсах, а в условиях развала обрабатывающей промышленности эти ресурсы придется брать в добывающем секторе, перераспределять гигантские финансовые потоки.

Интересы ориентированных на экспорт производителей и их услуги самым тесным образом связаны с другими внешними центрами силы. Они обслуживают и поддерживают иные цивилизационные проекты в отсутствие собственного, российского проекта развития. Если он появится и будет всерьез реализовываться, это заставит переоценить прошлое и рассматривать его в совершенно другом контексте, переосмыслить настоящее и, что еще более важно, увидеть другое будущее, другую реальность, конец нынешнего безвременья.

Кроме того, созданная «вертикаль власти» в принципе не способна к разработке стратегии российского развития. В ней просто отсутствуют стратегические субъекты. Они в ней и не предусмотрены, так как неминуемо порождали бы ту «прозрачность», которая совсем не нужна коррумпированным чиновникам.

Поэтому не должны удивляться радеющие за интересы России идеалисты тому, что наука полностью отстранена от реальных механизмов управления. Прикормленные же политтехнологи — это тактики, а не стратеги, они нужны для ситуационного манипулирования общественным сознанием.

«Вертикаль власти» только кажется управляемой по вертикали. Это иллюзии, финансово-экономический блок страны четко демонстрирует своей работой, что интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества.

3.3.4. Встает ли Россия на путь инновационного развития?

Более пятнадцати лет руководство страны обращается с призывами к широким слоям представителей общества, бизнеса и государства перейти на инновационный путь развития, выделяя при этом солидные финансовые средства на такое развитие. Выбора у страны нет, только на его основе Россия может обеспечить экономический рост, конкурентоспособность, безопасность, достойное качество жизни населения, сохранить статус мирового лидера.

Однако инновационное развитие топчется на месте, а успехи заметны лишь на бумаге. Значит, призывов недостаточно, и дело не в деньгах, а в чем-то другом. Одна из важнейших причин — неадекватность концептуального (философско-методологического) обеспечения организации инновационного развития, которая проявляется в ориентации на инерционный и догоняющий сценарии,

в доминировании коммерческого подхода (рыночного), в развале науки и образования, во многих других аспектах¹.

Проведенный нами философско-методологический анализ инновационного развития позволил выделить базовые модели: линейная, нелинейная, саморазвивающиеся инновационные среды, интернальные, экстернальные (заказные и рыночные). На основе выделенных типов моделей инновационного развития проведен анализ отдельных проектов и стратегий инновационного развития в России. Результаты анализа дали основания утверждать, что используемые в стране базовые стратегические документы и проекты инновационного развития ориентированы в основном на рыночную экономику и не ориентированы на первоочередные задачи развития России.

Проанализируем основной стратегический документ инновационного развития страны «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Целью Стратегии является перевод к 2020 г. экономики России на инновационный путь развития². Такая установка созвучна известному призыву к удвоению ВВП.

На инновационный путь можно перейти в интересах развития своей страны, ее экономики, обороноспособности, повышения благосостояния граждан или же ориентируясь на рыночную экономику, которая может способствовать интересам зарубежных экономик и национальных стратегий других стран. Где критерии, где адекватные механизмы? Ответы на эти вопросы в Стратегии отсутствуют.

Стратегию можно охарактеризовать как рыночную с доминирующей ориентацией на коммерциализацию инноваций. Фактически это укрупненный до масштабов страны вариант стратегии фонда «Сколково».

В Стратегии утверждается, что главным инструментом обеспечения координации станет механизм обмена информацией о перспективных инновационных проектах между государственными органами и организациями, финансирующими стадию исследований и разработок, и созданными государством институтами. Это иллюзии, которые были развеяны несбывшимися надеждами на высокую эффективность технопарков, кластеров, технологических платформ.

1 *Ленский В. Е.* Методологические основы совершенствования стратегии инновационного развития России // Экономические стратегии. 2016. № 1. С. 6–15.

2 Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г., NQ 2227-р, Москва.

Механизм обмена информацией не будет работать в условиях отсутствия института заказчиков развития и установления доверия между государством, бизнесом и обществом. В Стратегии упоминается важнейшая проблема формирования инновационных сред, однако ее решение сводится к монетарному подходу, организации финансовых структур и не соответствует современной научной трактовке этой проблемы. Единственным заказчиком инновационного развития в Стратегии выступает рынок, а проблема формирования пространства доверия «государство – бизнес – общество» оставлена вне рассмотрения.

В Стратегии выбран догоняющий вариант развития с элементами лидерства в ведущих научно-технических секторах. Однако в ней отсутствуют обоснованные предложения о конкретных направлениях, в которых страна могла бы реально стать лидером, с учетом проведенной за последние десятилетия деиндустриализации страны, развала науки и образования.

В целом следует отметить, что Стратегия не содержит убедительных аргументов для становления России на путь инновационного развития в интересах сохранения ее суверенитета и процветания. Основная причина, на наш взгляд, связана с сильным влиянием неолиберальной идеологии на формирование стратегий инновационного развития, несмотря на отсутствие поддержки этой идеологии со стороны большей части российского общества.

3.3.5. Есть ли в России стратегические центры развития?

Сегодня в России существует множество разнообразных по форме и ориентации интеллектуальных центров, но их влияние на развитие страны явно недостаточное. Почему?

Во-первых, государство в лице коррумпированных чиновников не заинтересовано в разработке стратегий развития России, а следовательно, в создании стратегических центров. Между тем в мировой практике государственного управления негосударственные (общественные, некоммерческие и коммерческие) структуры активно привлекаются к разработке стратегических проблем. Так, в США существуют многочисленные «фабрики мысли» (включая RAND), допущенные к решению самых важных государственных стратегических проблем; в некоторых европейских странах привлечение негосударственных организаций к экспертизе и проработке стратегических проектов определено законодательно.

Во-вторых, отсутствует государственная идеология, а принятая к реализации стратегия развития страны затрудняет процессы формирования и самоопределения стратегических центров, координацию их работы, а также адекватную оценку их деятельности, провоцирует создание в стране альтернативных центров, финансируемых из-за рубежа и действующих в интересах стратегий других государств и международных групп.

В-третьих, скрыто насаждается неолиберальная идеология, противоречащая базовым российским цивилизационным ценностям, что способствует появлению «придворных» стратегических центров, нацеленных на манипулирование общественным сознанием в интересах коррумпированных чиновников и финансовых группировок. Такого рода «стратегические центры», руководствующиеся стремлением к наживе, легко переключаются на решение любых проблем – лишь бы платили.

В-четвертых, так называемая «советская интеллигенция» оказалась неспособной к самоопределению, самоорганизации и социальному проектированию.

В-пятых, развал науки и образования обусловил дефицит кадров для стратегических центров.

С целью выявления основных типов стратегических центров России нами была осуществлена экспертная оценка ряда центров. Анализ полученных данных позволяет выделить три основных типа центров: целеустремленные стратегические центры; проектно-технологические стратегические центры; интеллектуальные стратегические клубы¹.

Целеустремленные стратегические центры постоянно ищут общие устойчивые стратегические ориентиры, наличие которых позволяет стимулировать общество и государство стать на путь развития, успешно защищаться от внешних влияний и попыток перехвата управления. Они стремятся к достижению поставленных целей через организацию проектной деятельности, выступая в качестве инициаторов и стимуляторов проектов, претендуют на роль центров развития.

Проектно-технологические стратегические центры напоминают западные «фабрики мысли». Отсутствие четко осознанных стратегических целей не позволяет им строго придерживаться пророссийской позиции. Они главным образом занимаются выполнением

¹ *Ленский В. Е.* Стратегические центры России // Экономические стратегии. 2004. № 7. С. 66–68. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_Centre.doc (дата обращения: 26.01.2019).

заказных работ в соответствии с принципом «Кто платит, тот и заказывает музыку!». Цель, сформулированная заказчиком, оправдывает используемые для ее достижения средства. В современной России такой стиль обеспечивает портфель заказов и широкие возможности для лоббирования интересов. Как следствие, такие центры крайне слабо защищены от внешних манипулятивных воздействий. Их позитивная черта – концентрация сил на технологии решения разнообразных социальных задач, более широкая ресурсная база, чем у центров других типов.

Интеллектуальные стратегические клубы концентрируются на рассмотрении наиболее сложных проблем, в том числе и стратегических проблем общества и государства. Как правило, они не занимаются проектной деятельностью. Основная цель их работы – стимулировать рефлексивные процессы в общественном сознании и способствовать становлению консолидированной позиции интеллектуальной элиты; их позитивная черта – коллегиальное рассмотрение проблем с разных точек зрения.

Разнообразие стратегических центров делает актуальной проблеме их сетевой организации. Целеустремленные стратегические центры могут рассматриваться как системообразующие; это работчики стратегических ориентиров и проектов, главные функциональные единицы сетевой организации. Проектно-технологические стратегические центры могли бы выступить в качестве ведущих интеграторов технологий, а интеллектуальные стратегические клубы – в качестве независимых аналитических структур, генераторов нестандартных идей, а также как проводники воздействия на общественное сознание.

Пока неясно, кто займется координацией, стимулированием и поддержкой механизмов сетевой самоорганизации или включенностью центров в саморазвивающиеся среды. Для решения этих проблем нужны стратегические центры нового типа и новые формы их взаимодействия с государством, обществом и бизнесом.

3.3.6. Ориентирована ли национальная безопасность на развитие страны?

Сложившиеся в нашей стране концептуальные и законодательные основы обеспечения национальной безопасности базируются на учете реалий середины прошлого века. Это проявляется в установках на самодостаточность государства для решения любых проблем без-

опасности, фокусировке внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на обеспечении безопасности развития¹.

Очевидно, что в начале XXI в. эти установки архаичны, остро встает проблема формирования современного методологического обеспечения национальной безопасности России, поскольку страна для своего сохранения должна становиться на путь интенсивного развития. Однако до сих пор не проведено принципиальных изменений концептуальных законодательных документов, соответствующих реалиям XXI в. Национальная безопасность должна обеспечивать не только защищенность от угроз, представления о которых весьма размыты в условиях бессубъектности развития, но в первую очередь должна обеспечивать безопасность субъектов развития и процессов становления субъектности развития страны.

3.3.7. Диагноз: бессубъектность российского развития

В начале века удалось добиться относительной социальной стабильности, укрепления «властной вертикали», ненадолго — сравнительно скромного, весьма неустойчивого экономического роста. Однако из системного кризиса страна не вышла.

Нарастающий поток угроз безопасности России обусловлен «системной дезорганизацией» государства и общества в целом. Отметим отдельные ее признаки:

- государство не является четко выраженным субъектом управления и развития, не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам и соблюдения основных конституционных прав;
- существенную роль в управлении всеми сферами экономики и общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы;
- «средний класс» атрофирован, дезорганизован, не включен в реальные механизмы управления и развития;
- политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер, они ориентированы на процессы обеспечения своего существования, а не на результаты своей деятельности в интересах развития страны;

1 Лепский В. Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

- общественные (не политические) образования слабо организованы и практически не влияют на стратегические аспекты развития страны (НКО «малых дел»);
- граждане в подавляющем большинстве социально пассивны, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Необходимы экстренные меры по повышению степени субъектности государства и одновременно становлению гражданского общества в России. Такого рода процессы надо планировать и организовывать, а не надеяться на естественное их развертывание, как это уже было с рыночной экономикой.

Самый трудный и драматический вопрос — о *субъектах* исторического действия, готовых взять на себя бремя и ответственность за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов (или претендентов на статус таковых), которые не только выражают желание, но и обладают *волей*, чтобы осуществить проект на практике.

Надо лечить главную болезнь России — *бессубъектность развития*¹. Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные ее симптомы: блокировка рефлексии; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Приходится констатировать, что после развала КПСС и разрушения хоть не самых эффективных, но работавших механизмов принятия и реализации государственных решений новых действенных

1 Лепский В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 25.08.2018); Инполитов К. Х., Лепский В. Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 1. С. 5–27. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 25.08.2018).

механизмов управления страной, сложным общественным хозяйством создано не было.

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех участников процесса российской трансформации.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у *высшего руководства* страны. В своей активности и инициативности оно явно стеснено высочайшим уровнем коррупции во всех ветвях власти, а также очевидной неопределенностью поддержки его реформаторских усилий со стороны властных элит. Сформировано устойчивое мнение, что у руководства страны нет управленческой команды единомышленников, поэтому оно вынуждено часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране. По этой же причине оно вынуждено большую часть своих сил тратить не на управление страной, а на регулирование отношений группировок во властной элите, конфликтующих за различные виды ресурсов. «Политическая вертикаль», созданная при «вертикали власти», в большей степени является инструментом чиновников, а не руководства страны. Основным властным ресурсом руководства страны остается относительно высокий рейтинг среди населения — ресурс важный и мощный, но, увы, переменчивый.

Российская *бюрократия*, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. В этих условиях чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Фактически снова сформирована новая несменяемая «номенклатура». Она более защищена от первого лица государства и общества, чем при Сталине, Хрущеве и Брежневле. О такой райской жизни советские чиновники только мечтали. Любой из них, самый некомпетентный и проваливший порученные дела, остается в «номенклатуре».

Многие чиновники, используя административный ресурс, попали в клан «новых богатых»; они охотно поддерживают союз крупного бизнеса и власти — как в центре, так и на местах. Отсюда утрачено чувство социальной ответственности за судьбу реформ и страны.

Бюрократия и сотрудничающие с нею властные элиты не заинтересованы в серьезных изменениях и переменах в стране. Для них, выросших в условиях полузакрытой экономики режима «мутной воды», любые изменения «вправо» или «влево» — угроза нынешнему привилегированному положению. Это хорошо чувствуют и выражают в своей деятельности так называемые «партии власти», ими-

тирующие «бурную деятельность» — по сути на пустом месте, вчера цепко державшиеся за Ельцина, сегодня — за Путина и Медведева. Приближенные к власти политические партии ориентированы на процесс, а не на результат, поэтому они не могут рассматриваться как субъекты российского развития.

В полной мере признаками бессубъектности в контексте российского развития обладают и другие акторы социально-политической сферы трансформационных изменений в России.

Российское *бизнес-сообщество* разделено на две совершенно различные по интересам группы. Первые хотят строить свой бизнес в России на перспективу и передать его детям — это представители национально ориентированного бизнеса. Вторые ориентируются на скорейшую прибыль, отсутствие долгосрочных инвестиций и вывоз капитала. Их конечной целью является продажа своих активов международным корпорациям и собственная «легализация» на Западе.

Очевидно, что первые могут стать активными субъектами российского развития, а вторые ориентированы на быстрый бизнес и не заинтересованы в развитии. Более того, вторые заинтересованы отсрочить перспективу объединения снизу патриотической волны с национально ориентированным бизнесом. Между тем сегодняшние условия фактически благоприятствуют иностранным производителям и международному финансово-торговому капиталу, способствуют их конкурентной победе над отечественным предпринимателем и посредником. Российские предприниматели пока демонстрируют опасную беспечность перед нашествием «икей», «патерсонов», «рамсторгов», «ашанов» и пр.

Бессубъектность населения и механизмы ее формирования. По словам одного из ведущих социологов, русские последние несколько лет переживают острый экзистенциальный кризис: не понимают, для чего и зачем им жить. Когда шла борьба за повседневное выживание, было не до души, но стоило ситуации улучшиться — и резко повысился интерес к проблемам смысла жизни. Без решения этих проблем нет оснований ожидать активности населения, направленной на развитие, самоопределение населения в качестве его субъекта.

При грамотном подходе идея развития страны могла бы послужить основой для формирования проектной идентификации населения и его мобилизации на ее воплощение в жизнь. Позитивные примеры такого подхода имеют место в отдельных регионах России.

Результаты конкретных эмпирических исследований, выполненных в Институте психологии РАН с помощью преимущественно качественных методов фокус-групп, анализа отдельных случаев и ассоциаций, экспресс-интервью и глубинного интервью, беседы, контент-анализа и др., свидетельствуют: большинство исследуемых социальных групп российского общества, выделенных по признакам пола и возраста, характера занятости и семейного положения, отношений собственности и имущественного статуса, типа поселения и региона проживания и т. д., находятся на уровне *предсубъектности*¹. Они не соответствуют основным признакам и свойствам коллективного субъекта: проявление социальной активности и инициативности; социальной ответственности; недостаточны степень самоорганизации и самоуправления; отсутствуют навыки и опыт совершения согласованных групповых действий; доминирует относительная автономность, самостоятельность и самодостаточность; невысока групповая саморефлексивность; слаба открытость для внутргруппового или межгруппового взаимодействия и др.

Для преодоления бессубъектности населения надо осознать механизмы ее формирования и обеспечить нейтрализацию угроз. Как это ни прискорбно для властной элиты, следует признать, что бессубъектность населения в значительной степени сформировалась под воздействием государства в лице коррумпированных чиновников.

Во-первых, наблюдается последовательное принципиальное расхождение реальных действий исполнительной власти с целевыми стратегическими ориентирами, выдвигаемыми Президентом Российской Федерации. Причем именно с теми, которых ожидает и которые одобряет большая часть населения страны: забота о наименее защищенных слоях населения, стимулирование и поддержка становления гражданского общества, возрождение российской науки, перевод России с сырьевого на инновационный путь развития и др.

Во-вторых, государство убедительно доказало населению, что, последовательно действуя в интересах узкой группы лиц, оно решает свои задачи в основном за счет населения. Эта политика проводилась и проводится планомерно, начиная с первых акций по фак-

1 Журавлев А. Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 12. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 23.11.2018).

тической ликвидации личных накоплений и до сегодняшних дней: государство постепенно перекладывает на плечи населения плату за основные виды социальных услуг, при этом крайне бережно относясь к присвоенным узким кругом лиц национальным богатствам. Обществу вызывающе демонстрируется и неприкосновенность лиц, совершивших преступления перед народом, и беззащитность населения перед государством.

В-третьих, в государственной машине доминирует официально отвергнутая населением идеология неолиберализма, чуждая традиционным российским ценностям, которая проповедует насаждение индивидуализма и культа денег¹.

В-четвертых, через манипулятивные механизмы политического PR и СМИ планомерно осуществляется оболванивание населения, превращение избирателей в бездумные «голосовательные автоматы» за кандидатов и партии, которые, как правило, не имеют обособленных программ и стратегий².

В-пятых, спорадически происходит организация разовых (для галочки) мероприятий по стимулированию механизмов построения гражданского общества, которые приносят больше вреда, чем пользы, формируя у населения адекватные представления об истинных целях организаторов этих мероприятий.

Для большинства граждан России реальным стимулом формирования субъектности может стать ориентация на достижение характеристик качества жизни, которые свойственны среднему классу. Это относительно высокое материальное положение; высокий социально-профессиональный статус (высшее или среднее специальное образование, стабильная, достаточно интересная работа);

1 Ипполитов К. Х., Лепский В. Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 1. С. 5–27. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 30.11.2018).

2 Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999; Лепский В. Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 6–23; Лепский В. Е. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г., М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.

самоидентификация (ощущение самодостаточности, принадлежности к активной части российского общества).

Для преодоления болезни бессубъектности необходима консолидация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении проекта создания процветающей России.

3.3.8. Выводы

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития.

Без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты общества переход к развитию обречен на провал. Нужны новые высокие гуманитарные технологии и проекты сборки субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России.

3.4. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ СБОРКОЙ СУБЪЕКТОВ РАЗВИТИЯ

Понятие «сборка субъектов» новое и введено нами¹ для объединения разнородных представлений и технологий объединения субъектов в целостного совокупного субъекта. Проблема сборки субъектов в экономическом и политическом научном контексте явно не обозначена, она как бы решается сама собой. Вместе с тем накоплен богатый опыт решения такого рода проблем в смежных областях научного знания (философии, психологии, социологии, кибернетике, синергетике и др.) и практических приложениях (космос, военные системы, спорт, культовые организации и др.). Это дает основания утверждать об актуальности четкой постановки и решения проблемы сборки субъектов развития в контексте широкого спектра организации социальных процессов. При этом следует заметить, что для обеспечения этих процессов потребуется аналитика высоких гуманитарных технологий, опирающаяся на математические и информационные технологии.

Принципиально важно отметить, что ключевые параметры, которые лягут в основу процессов сборки субъектов развития, определяют образ будущего коллективного субъекта.

3.4.1. Параметры сборки субъектов

Нами предлагается вариант структуры параметров сборки субъектов в контексте рассмотрения от классической к постнеклассической рациональности. Этот вариант является первой попыткой на пути систематизации параметров сборки субъектов и должен рассматриваться как «пилотный» вариант и фактически фрагмент структуры, подлежащей развитию.

Уточним некоторые используемые понятия.

Совокупный субъект – субъект, образующийся в результате процессов сборки субъектов.

¹ Лепский В. Е. Эскиз структуры параметров сборки субъектов и их дескриптивной модели // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: ИФ РАН, 2010. С. 185–217.

Базовые субъекты – субъекты, которые собираются в совокупного субъекта.

Параметры сборки субъектов – один из инструментов понижения размерности (сложности) системы сборки субъектов. Это коллективная переменная функция многих входящих в нее других переменных, в анализе сложных самоорганизующихся систем сборки субъектов, дающая важную информацию о поведении последних как сложно структурированных целостностей. Будем выделять две группы параметров сборки субъектов: базовые основания для сборки субъектов и базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов.

Базовые основания для сборки субъектов – это те основания, которые определяют ведущие мотивы субъектов в их ориентации на процессы сборки. Среди такого рода оснований в первую очередь следует выделить: общность ценностей, общность культуры, общность целей, а также комплексные основания, формируемые, например, в процессах «проектной идентификации».

Базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов, – это факторы (группы факторов), наиболее значимые для процессов сборки субъектов, влияние которых изучено в различных областях знания.

Проведенный нами предварительный анализ позволил выделить следующую структуру в определенной степени исследованных параметров сборки субъектов (рисунок 3.1). Предлагаемая структура, мы понимаем, что она открыта для дальнейшего развития и является первым шагом в данном направлении исследований. Тем не менее, на наш взгляд, она может быть полезна как для постановки новых исследовательских задач, так и для практической работы.

Далее по тексту дается описание приведенных в предложенной структуре отдельных параметров сборки субъектов и их взаимного влияния.

Базовые основания для сборки субъектов

Среди выделенных в структуре базовых оснований для сборки субъектов многие параметры являлись и являются предметом исследований в различных областях научного знания. Например, ценностно-ориентационному единству при формировании групповых субъектов посвящены многочисленные исследования в социальной психологии. Общность культурных и целевых оснований имеет богатый опыт исследований в социологии. Нам представляется наиболее значимым для современной России и в то же время наименее изученным такое комплексное основание, как «проектная идентификация».

Рис. 3.1. Фрагмент структуры параметров сборки субъектов развития

С конца 1960-х годов во всем мире наблюдается кризис механизма легитимации власти, характерного для современных обществ. Это связано в значительной степени со снижением роли государства в связи с процессами глобализации, а также с дискредитацией демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами через традиционную представительскую демократию.

Процессы глобализации неразрывно связаны с интеграцией мировых процессов производства и потребления, следствием чего является повышение роли негосударственных субъектов мировой экономики и мировой политики. Как следствие, имеет место тенденция нарастающего ограничения функциональных возможностей государства.

В конце прошлого столетия эти тенденции в России были существенно усилены под влиянием доминирования неолиберализма в экономике и политике, способствующего необоснованному по масштабам и деструктивному по способам выводу государства из экономики.

В новых условиях снижения легитимности государства как ключевого субъекта власти гражданин теряет доверие к институтам легального господства, не обеспечивающим минимум инфраструктуры развития.

Субъектом власти в эпоху рефлексивного модерна¹ становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить (либо конструировать) реальность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития, формулировать кооперативный проект действия в мире. Сегодня в мире уже зарождаются новые технологии и формы власти, например, нетократия. Это видение концептуализируется и получает самоназвание, на базе чего выстраивается *проектная идентичность*².

Как следствие, для субъекта власти становится крайне актуальной проблема механизма обеспечения собственной легитимности и, соответственно, проблема функционирования системы национальной безопасности в целом. Ведь ситуация «позднего модерна» специфична тем, что разрушены все тотальные комплексы норм, на основе которых мог бы выстраиваться механизм легитимации.

При этом ни политический PR, ни СМИ не оказывают им действенной поддержки в поиске новых ориентиров идентификации, тем самым дополнительно дискредитируя демократические формы обеспечения легитимности власти.

Политический PR имеет ведущую ориентацию на стимулирование, поддержку и использование «реактивного» способа жизнедеятельности граждан, управление поведением избирателей, управление их выбором³. Основные методы, как правило, базируются

1 *Giddens Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. С. 239–441.

2 *Castells M.* The power of identity. 2nd ed. // Information age, economy, society and culture. V. 2. Blackwell Publishing, 2004. P. 8–12.

3 *Лепский В. Е.* Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний — стратегия оздоровления общества // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 6–23.

на формировании «шеллевого» сознания, различного рода манипулятивных воздействиях, в том числе на широком использовании воздействий на эмоциональную сферу, провокациях импульсивных действий и др.

Как итог — превращение избирателя из субъекта свободного выбора в объект манипуляций.

Образ современных СМИ в России также дает убедительные основания для оценки их роли в дискредитации демократических выборов процедур. Сегодня отечественные СМИ:

- в целом не являются субъектом процессов, ориентированных на обеспечение безопасности и развития России;
- могут рассматриваться как самодостаточный субъект рыночной экономики, формирующий в своих коммерческих интересах потребности населения;
- являются мощным инструментом в руках тех, у кого есть деньги, рычаги административного управления или иные рычаги воздействия¹.

Односторонняя критика СМИ и поиск в их лице врагов общества и государства — это не конструктивный путь. Состояние СМИ отражает состояние общества и государства в целом и являются его порождением: поражены болезнью бессубъектности развития общество и государство — болят СМИ. Общество и государство должны учиться организовывать, поддерживать и контролировать СМИ.

Начало XXI в. ознаменовалось позитивными для России действиями власти: государство стало инициатором и организатором проектной деятельности по развитию страны. Этим шагом был явно засвидетельствован кризис неолиберального подхода и высокая неопределенность для власти в выборе стратегических ориентиров развития России. Однако недооценка значения рассмотренных выше механизмов «проектной идентификации» граждан, а также отсутствие у власти четких представлений об адекватных для России мировоззренческих проектах привели к бессистемному набору принятых национальных проектов. Системно не связанный набор национальных проектов сам может стать источником различного рода

1 *Лепский В. Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А. И. Донцова, Я. Н. Засурского, Л. В. Матвеевой, А. И. Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 19–29.

угроз национальной безопасности, в частности создать благоприятные условия для дальнейшего укрепления коррупции.

Встает вопрос, на основе какого проекта возможна «проектная идентификация» и, соответственно, сборка российского общества. И возможен ли такой проект?

В начале XXI в. были предложены два стратегических проекта российского развития. В. В. Путин предложил «инновационный проект» и Д. А. Медведев — «модернизационный проект». Оба проекта не имели оснований претендовать на роль инициаторов «проектной идентификации». Аргументы очень простые и, на наш взгляд, убедительные.

Во-первых, оба проекта (как они реализовывались) носили ярко выраженный технократический характер и не содержали мировоззренческих компонентов, что не дает оснований претендовать на инициирование «проектной идентификации» российского общества.

Во-вторых, даже в технократическом контексте они были безнадежны. Оба проекта ориентированы на «перескок» России из четвертого технологического уклада в шестой уклад, минуя пятый¹. Более того, в силу проведенной в стране деиндустриализации наши позиции и в четвертом технологическом укладе приближаются к уровню слаборазвитых стран (развал авиационной и автомобильной индустрии и др.).

Аналогичная критика уместна и для 12 национальных проектов, предложенных в 2019 г.

Догнать развитые страны, идя по технократическому пути развития безнадежно. Шансы следует искать на других путях! Надо не догонять, а опередить и стать лидером технологий следующего поколения, лидером седьмого технологического уклада². На наш взгляд, есть серьезные основания полагать, что технологиями седьмого уклада будут социогуманитарные технологии, и в первую очередь технологии формирования новых форм жизнедеятельности на планете.

1 Четвертый технологический уклад характеризуется развитием авиации, космонавтики, транспорта, ядерной энергетики и др. Пятый уклад — в основном уровень развития микроэлектроники. Шестой уклад — нанотехнологиями, биотехнологиями и др.

2 *Ленский В. Е.* Седьмой социогуманитарный технологический уклад — адекватный ответ технологическим вызовам XXI века // *Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии.* М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1010—1021.

Человечество находится в системном кризисе. Назревают грандиозные межцивилизационные конфликты. Безнадежно устарели несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незбылемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития. Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты?

Общепланетарное мировоззрение, выдвинутое Н. Ф. Фёдоровым и русскими философами-космистами, ныне по праву называют «мировоззрением третьего тысячелетия».

Культ денег, вера во всемогущую силу богатства определяет духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненужностью.

По-иному формировался духовный мир русских, наибольшего народа России. Общинный уклад с давних пор был необходимым требованием для отпора захватчикам, взаимопомощи при выживании в трудных климатических и географических условиях. Наши предки осознавали, что сама возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации ими общих интересов. Личные интересы соотносились с интересами общества. Эта зависимость от общества наполняла мировоззрение отдельного человека значительным общественным содержанием, в определенных критических обстоятельствах ставила личность перед необходимостью жертвовать личным ради общего.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем нации. Социальная справедливость, благополучие большинства должны быть главными целями любых государственных программ, государственной политики, если мы не хотим, чтобы их постигла участь тех «реформ», которые в последние годы проносятся по России.

Важнейшей отличительной чертой русского народа является терпимость как проявление развитого чувства общности, стремления к дружеским, равноправным отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения. Русская терпимость может рассматриваться как основа философии ненасилия.

Наш цивилизационный потенциал дает основания утверждать, что Россия может стать духовным лидером мирового сообщества в созидании новых форм жизнедеятельности на планете, которые обеспечат гармонизацию межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений.

Базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов

Ограничимся рассмотрением параметров сборки субъектов, связанных со спецификой взаимодействия субъектов.

Влияние специфики коммуникаций на сборку субъектов

Влияние опосредованности общения на сборку субъектов. Проведенные нами экспериментальные исследования показали существенное влияние степени опосредованности общения на качество результатов сборки субъектов, на характеристики совокупного субъекта (на примере игровых конфликтных взаимодействий)¹.

Во-первых, в условиях непосредственного общения эффективность деятельности совокупного субъекта (группа от 2 до 3 человек) в конфликтных взаимодействиях выше эффективности одного человека.

Во-вторых, в условиях высокой степени опосредованности общения эффективность деятельности совокупного субъекта (группа от 2 до 4 человек) в конфликтных взаимодействиях ниже эффективности одного человека.

В-третьих, защищенность от манипулятивных воздействий совокупного субъекта (свобода действий) повышается с переходом от опосредованного к непосредственному общению. Существенную роль в повышении защищенности совокупного субъекта от манипулятивных воздействий сыграл эффект «*виртуального субъекта*», которым был представлен совокупный субъект для одиночных игроков-противников. В данном типе игровых взаимодействий важен был учет индивидуальных особенностей игроков (стиль ведения игры, динамика механизмов манипуляций и их вскрытия). Члены совокупного субъекта знают конкретного индивидуального субъекта, являющегося их противником, в то время как он имеет дело с группой, имитация и управление деятельностью которой в психологическом плане

¹ Ленский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

существенно отличаются от имитации и управления деятельностью отдельного индивида. Каким субъектом предстанет группа? Делегирует ли она полномочия по принятию решений отдельным индивидам, либо решения будут каждый раз приниматься коллегиально, или произойдет что-либо другое? Заметим, что непосредственное общение членов группы создало условия для реализации упомянутых механизмов, способствующих повышению защищенности группы от манипулятивных воздействий. Полученные результаты дают основания для критической оценки перспектив организации сборки субъектов для проблемных видов деятельности в условиях опосредованных коммуникаций.

Влияние информационных и компьютерных (средства моделирования) технологий на сборку субъектов управленческой деятельности. В современных системах управления (государство, бизнес, общество) в сборке совокупного субъекта управления участвуют сотни и даже тысячи исходных субъектов, причем в качестве исходных субъектов во многих случаях выступают также совокупные субъекты. Процессы общения этих субъектов все более опосредуются новыми высокими информационными и компьютерными технологиями. С одной стороны, очевидно, что такого рода технологии способствуют повышению адекватности восприятия сложных социальных объектов, оказывают помощь в поиске вариантов решений, оценке последствий принимаемых решений, помогают во многих других аспектах управленческой деятельности. С другой стороны, как мы уже отметили выше, эти технологии могут затруднить процессы сборки совокупных субъектов, способствовать сокрытию негативных действий отдельных субъектов (например, коррупция, манипуляции результатами свободного волеизъявления граждан и др.), а также формировать негативные характеристики совокупных субъектов.

Отметим отдельные негативные механизмы в сборке совокупных субъектов в условиях использования информационных и компьютерных технологий в социальном управлении:

- наличие разнообразных возможностей воздействий на субъектов через процедуры восприятия информации (неадекватное восприятие информации, смена значимости, эмоциональной окраски, ассоциативные влияния, провокации импульсивных действий и др.);
- ускользающие от субъектов зоны повышенной чувствительности модельных переменных, точки бифуркаций и др.;

- наличие разнообразных возможностей манипулирования субъектами через процедуры поддержки принятия решений (групповые экспертные оценки, опросы и др.);
- игнорирование необходимости введения в компьютерные технологии специальных методов и средств выявления манипулятивных воздействий и проведения соответствующей экспертизы;
- возможности использования скрытых психосемантических и других типов воздействий на психику индивидуальных субъектов;
- стрессовые воздействия (высокая динамика модернизации средств; монополизация отдельных видов разработок, навязывание средств; безграничные просторы информационной среды и примитивные средства навигации и др.) на индивидуальных субъектов;
- потенциальные и реальные возможности возникновения у индивидуальных субъектов синдрома зависимости от киберпространства и др.
- привыкание к упрощенным формам общения, деформация механизмов «социальной перцепции», «обесчеловечивание» процессов восприятия людей и социальных систем;
- создание предпосылок к увеличению авторитарности управления;
- снижение защищенности от манипулятивных воздействий и др.¹.

Для предотвращения негативных последствий в широком использовании информационных и компьютерных технологий в социальном управлении требуется разработка и внедрение адекватных мониторинга и социогуманитарной экспертизы, организация гармонии непосредственного и опосредованных форм общения исходных субъектов.

Роль рефлексивных процессов в сборке субъектов

Рефлексивные процессы играют важнейшую роль в сборке субъектов, когда специально не ставится задача манипулирования субъектами сборки, ограничения их свободы в принимаемых решениях.

Можно привести примеры, когда сборка субъектов возможна при блокировке рефлексии «собираемых субъектов», в частности, это отчетливо проявляется в «грязных» технологиях политических выборов и в культовых организациях².

1 Там же.

2 *Лепский В. Е., Степанов А. М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление.

А возможны ситуации, когда рефлексивные процессы являются доминирующими в сборке субъектов.

Приведем гипотетический пример организации побега из «каземата», позаимствованный нами из работы В. А. Лефевра¹. Исходная ситуация такова: в некотором «каземате» находится узник, а вне — его партнер. Каждый из них по отдельности стену «каземата» пробить не может, но если они это будут делать навстречу друг другу, то добьются успеха и смогут устроить побег. Предположим, что предварительный обмен информацией между «узником» и его «сообщником» невозможен. Успешный побег предполагает, что «беглец» и его «сообщник» независимо друг от друга выберут такое место в стене, которое обладает какой-то общей для них «особенностью».

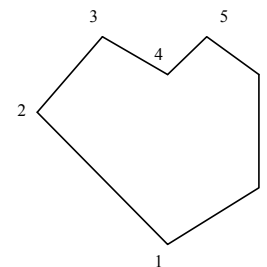

Рис. 3.2. Схема «каземата»

Предположим, существует следующая схема «каземата» (рисунок 3.2), причем пробивать стенку можно только в углах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. И предположим, что толщина стенок во всех углах одинакова. Как будут вести себя «разумные» партнеры?

Простейший эксперимент показывает, что выбор падает на угол 4. В силу каких причин это происходит? Как могут согласовать свои усилия два субъекта, стать субъектом коллективных усилий без предварительной конвенции и информационной связи? Принципиально важно, что субъекты (системы) без рефлексии не могут успешно согласовать свои усилия в подобных ситуациях, поскольку решение каждого из них никак не связано с решением другого. Встреча в углу 4 происходит не случайно, когда взаимодействуют рефлексивные субъекты, имитирующие внутренний мир друг друга. Ре-

2002. № 2. С. 59–72. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 21.02.2019).

1 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973. См. также: *Лефевр В. А.* Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. С. 42.

флексивные структуры и процессы, обеспечивающие такого рода согласование действий субъектов, рассмотрены в указанной выше работе Лефевра.

Задачи такого рода, связанные с согласованностью действий (фактически сборкой) субъектов без предварительной договоренности или информационных контактов, рассмотрены Т. Шеллингом¹. Шеллинг предложил новый тип точек равновесия, которые в контексте теории игр формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако с точки зрения реальных игроков более вероятны, чем остальные. Он назвал такие точки равновесия *фокальными*. Одним из первых он заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии надо следовать. Иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить *стратегический* характер на основе формирования (выявления) общей картины мира, в которой игроки выделяют особенности, моделируя при этом и представления других игроков. Фактически речь идет о взаимном рефлексивном моделировании участниками взаимодействия. В XXI в. эти соображения стали органично включаться в контекст экономических теорий. За эти работы Шеллинг стал лауреатом Нобелевской премии по экономике 2005 г.

Влияние лидерства на сборку субъектов

Наличие лидеров среди базовых субъектов может иметь самые разнообразные формы и последствия влияния на процессы сборки и характеристики совокупных субъектов. Специфика такого рода влияний зависит от стилей лидерства (авторитарный, демократический, либеральный и т. п.), характеристик базовых субъектов, условий деятельности субъектов.

Рассмотрим типичный пример влияния авторитарного стиля лидерства на характеристики совокупного субъекта. Проведенные нами экспериментальные исследования показали, что при наличии «жестких» (авторитарных) лидеров эффективность деятельности совокупных субъектов в условиях межгрупповых конфликтных взаимодействий (проблемные виды деятельности) может оказаться существенно ниже, чем совокупных субъектов, сформированных в условиях отсутствия лидеров. В экспериментах принимали участие испыта-

тели космических экипажей, была возможность сравнивать экспериментальные данные двух моделей: межгрупповых конфликтных взаимодействий и «гомеостатических моделей совместной деятельности» – гомеостат Д. Ф. Горбова.

Сборка субъектов осуществлялась при наличии непосредственного общения между базовыми субъектами и достаточно высокой степени информированности их о возможностях друг друга. В совокупных субъектах с «жесткими» структурами выделения лидеров и ведомых наблюдалось снижение интеллектуальной активности ведомых. Фактически имела место редукция группы к одному базовому субъекту, которым является лидер¹. В то же время в группах с «гибкими» структурами имеются благоприятные условия для совместной интеллектуально активной деятельности нескольких базовых субъектов, что и позволяло обеспечивать им более эффективную групповую деятельность в конфликтном межгрупповом взаимодействии.

Полученные результаты могут быть также интерпретированы через понятие *виртуального субъекта* групповой деятельности, под которым будем понимать подгруппу (всю группу) или отдельного члена группы, которым делегированы полномочия представлять группу (совокупного субъекта) в конкретных управленческих ситуациях. Механизм формирования виртуального субъекта зависит от многих факторов. В частности, от ситуации, уровня развития группы, формальной и неформальной структур, организации процессов общения между членами группы и др.

В условиях рассматриваемого эксперимента в группах с ярко выраженными отношениями «лидер–ведомый» в качестве виртуального субъекта групповой деятельности выступал «лидер». Защищенность группы от рефлексивного управления снижается, если группа представлена в конфликте одним конкретным ее членом, стиль деятельности которого предварительно изучен организатором рефлексивного управления.

Отсутствие в группах ярко выраженных отношений «лидер–ведомый» не создавало предпосылок монопольного делегирования групповых полномочий отдельным членам группы, а приводило к формированию группового субъекта на основе коллегиально принимаемых решений. Имеются основания утверждать, что защищенность таких групп от рефлексивного управления повышается.

1 Schelling T. The strategy of Conflict. Cambridge, Mas.: Harvard University Press, 1960.

1 Ленский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Успех *слабо структурированных* групп (отсутствие ярко выраженного «лидера»), обеспечиваемый за счет динамичного изменения виртуальных субъектов, во взаимодействиях с группами, в которых установлены ярко выраженные отношения «лидер—ведомые», мы назвали *эффектом динамического виртуального субъекта*.

К важнейшим условиям возникновения эффекта виртуального динамического субъекта относятся:

- высокая степень адекватности представлений членов группы друг о друге (как субъектах деятельности в рассматриваемом классе ситуаций взаимодействия);
- наличие в группах слабо опосредствованных, лучше непосредственных взаимодействий;
- отсутствие формальных ограничений на процедуры выработки коллегиальных решений;
- высокий уровень мотивации всех членов группы в достижении успеха в конфликтных взаимодействиях;
- динамичный характер взаимодействия, позволяющий во время взаимодействия осуществлять изменения виртуального субъекта групповой деятельности.

Степень защищенность групп от рефлексивного управления в условиях конфликтных взаимодействий оказывается существенно зависящей от степени гибкости групповых структур, связанных с отношениями лидерства. Наличие «жестких» структур «лидер—ведомые», безразличных к изменениям ситуаций групповой деятельности, может способствовать снижению степени защищенности групп от рефлексивного управления.

В более широком контексте можно предположить: чем менее формализованы механизмы формирования виртуального субъекта групповой деятельности, тем труднее прогнозировать поведение группы, а следовательно, труднее осуществлять рефлексивное управление ею.

Результаты экспериментальных исследований могут быть использованы для формирования гипотезы о влиянии концепций организационного управления на степень защищенности субъектов управленческой деятельности от рефлексивного управления.

Модерируемость субъектов сборки

Богатейший опыт сборки и обеспечения деятельности разнообразных сообществ (совокупных субъектов), в том числе и в Интернете, позволяет сделать вывод, что устойчивые и эффективные сооб-

щества предполагают обязательное наличие модераторов, функции которых понимаются, как правило, значительно более широкими, чем функции лидеров групп¹.

В западной литературе принято выделять три группы обязанностей модератора: организационные, социальные и интеллектуальные. В таблице 3.1 представлена характеристика важности основных функций модератора интернет-сообществ².

Таблица 3.1

Характеристики важности основных функций модератора

Роль модератора	Организационные функции	Социальные функции	Интеллектуальные функции
Постановщик цели	Высокая		
Дискриминатор			Высокая
Хозяин	Высокая		
Постановщик скорости	Высокая		
Разъяснитель			Высокая
Развлекатель		Высокая	
Лектор		Низкая	Высокая
Учитель	Высокая		
Помощник	Высокая	Высокая	Высокая
Посредник	Высокая		Высокая
Наставник	Низкая		
Ассистент			
Провокатор			Высокая
Наблюдатель	Низкая	Низкая	Низкая
Участник	Низкая		

Детализация возможных действий модераторов в сообществах Интернет может быть полезной и для других типов сборки субъектов.

Одна из актуальных и приоритетных проблем сборки субъектов связана с организацией подготовки модераторов-профессионалов. К сожалению, эта проблема, поставленная нами в 1999 г., до сих пор не только не решается, но и в должной степени не осознана.

1 *Лепский В. Е., Панько А. Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

2 *Berge Z. L.* The Role of Online Instructor/Facilitator, 1996.

Этические системы базовых субъектов сборки

В предыдущих разделах монографии были рассмотрены этические системы, предложенные В. А. Лефевром. Было показано, что в отдельных культурах системы ценностей могут быть одинаковыми, а этические системы – разными. Приведенные соображения дают основания утверждать, что механизмы сборки субъектов будут принципиально отличаться при доминировании у базовых субъектов различных этических систем.

Для субъектов первой этической системы естественной является толерантность к мнениям и позициям других. Принципиально важно отметить, что толерантность является позитивной характеристикой именно в системной организации и гармонии с другими характеристиками субъектов. Увлеченность толерантностью как автономной характеристикой может привести к негативным последствиям для субъектов (например, «стокгольмский синдром»).

Для базовых субъектов сборки с доминирующей первой этической системой важными параметрами сборки, вероятно, будут рефлексивные процессы, а также возможности непосредственного общения для осмысленного, самостоятельного включения в процессы сборки.

Для базовых субъектов сборки с доминирующей второй этической системой важными параметрами сборки, вероятно, будут целевая общность, а также наличие конфликтной мотивации (например, межгрупповой, «мы – они», соревновательной активности и т. п.). Включенность базовых субъектов в процессы сборки, как правило, носит импульсивный, скорее эмоциональный, чем рефлексивный характер.

3.4.2. Идеализированная модель субъектов сборки

Структура модели субъектов сборки

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие в процессах сборки различных типов субъектов (личность, группа, организация и др.) делает актуальной проблему построения системы социогуманитарных моделей, инвариантных к типу субъектов.

Нами предложены две взаимосвязанных модели: дескриптивная социогуманитарная модель субъектов сборки, вариант которой предлагается в данном разделе, и модель саморазвивающейся рефлексивно-активной среды сборки субъектов, представимой как особая форма макросубъекта¹.

Вариант дескриптивной модели стратегических субъектов² представлен в таблице 3.3. Базовые характеристики этой модели согласуются с рассмотренными нами выше параметрами сборки субъектов.

На рисунке 3.3 представлен также вариант дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки с доминирующей ориентацией на развитие³.

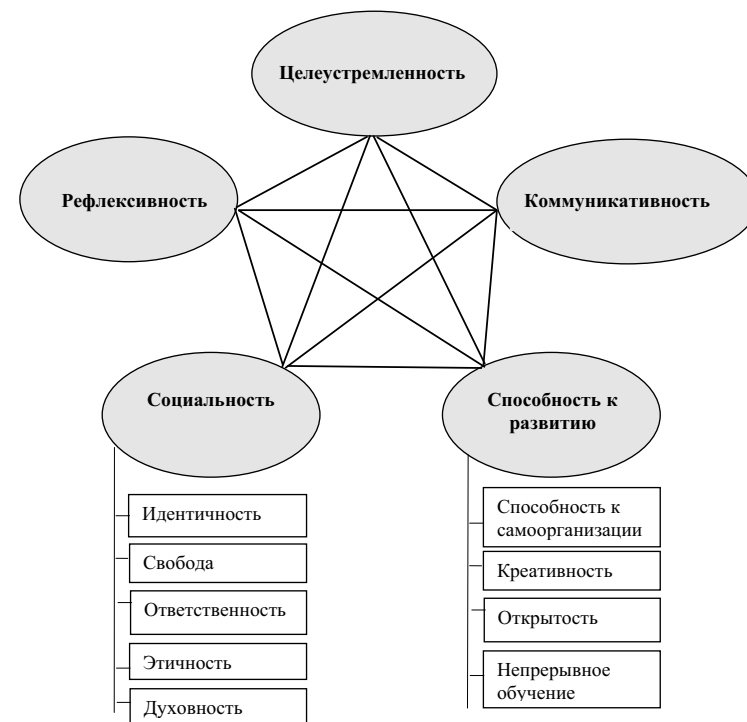

Рис. 3.3. Структура варианта дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки (ориентированных на развитие)

- 1 *Ленский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.
- 2 *Ленский В. Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 5–23.
- 3 *Ленский В. Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию М.: Когито-Центр, 2009.

Таблица 3.3
Отдельные характеристики стратегических субъектов

Аспекты	Частные признаки	Характеристики	
		Стратегические субъекты	Субъекты, популярными стратегическим
Телеологический (целевой) аспект	Наличие целей	Целеустремленность	Пассивность
	Наличие общих целей	Целевая общность субъектов	Целевая разобщенность субъектов
	Социальная направленность целей	Социальность	Асоциальность
	Устойчивость целей	Стабильность	Джокеры
	Совпадение реализуемых и декларируемых целей	Целевая адекватность	Целевой диссонанс
Регуляционно-коммуникативный аспект	Рефлексивная регуляция деятельности и коммуникаций	Рефлексивность	Реактивность
	Доминирующие потребности	Духовные	Материальные
	Социальная ориентация механизмов регуляции деятельности	Социальная ответственность	Эгоцентризм
	Доминирующие основания при принятии решений	Морально-этические	Рациональные
	Ведущая этическая система (по В. А. Лефевру)	Первая этическая система	Вторая этическая система
	Ведущая ориентация во взаимодействиях	Коллективизм	Индивидуализм
	Ведущая форма отношений с другими субъектами	Партнерство	Потребительство
	Отношение к мнению (точке зрения) других субъектов	Толерантность	Нетерпимость
	Доминанта поведения в конфликтных ситуациях	Ориентация на компромисс	Агрессивность
	Готовность на жертву ради общего дела	Жертвенность	Эгоизм
Структурный аспект	Деление на единицы	Функционально-целевая фрактальность (часть—целое)	Функциональная разнородность

Следует заметить, что выделенные характеристики не являются независимыми друг от друга. Поэтому предлагаемую модель можно рассматривать как конструктор, на основе которого в зависимости от традиций исследователей, специфики субъектов сборки или особенностей решаемых задач допустимы и другие виды агрегирования или декомпозиции характеристик (например, возможно введение характеристики «целостность» и др.).

Особое значение имеет характеристика «рефлексивность», которая влияет на все характеристики модели. На наш взгляд, рефлексия – как саморефлексия, так и рефлексия по отношению к другим субъектам – должна стать базовой характеристикой социогуманитарной модели субъектов сборки.

Субъекты представимы в виде полисубъектных рефлексивных систем, через свое функционирование воплощающих себя как целостные рефлексивные субъекты. Именно рефлексивность позволит обеспечить системную сборку на основе механизмов идентификации (самоидентификации) рефлексивных элементов и самих субъектов в целом по отношению к макросубъектам социальной среды.

Рассмотрим отдельные элементы предложенной структуры варианта дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки.

Описание характеристик модели субъектов сборки

Рассмотрим базовые характеристики: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию.

Целеустремленные субъекты сборки. Субъекты сборки устремлены в будущее – это субъекты, которые создают его в соответствии со своим мировоззрением и представлениями о развитии. Эта характеристика присутствует в любых моделях субъектов и вообще активных элементов. Целеустремленность, включая ориентацию на развитие, обеспечивает в первую очередь целостность субъектов и является важным системообразующим признаком субъектов в качестве представителей саморазвивающихся систем.

Рефлексивные субъекты сборки. В процессах сборки субъектов требуется описывать в объективных терминах не только материальный аспект взаимодействия участников, но и субъективный, связанный с тем, что сущность этих процессов состоит во взаимодействии людей. Методы объективного описания взаимодействующих субъектов вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований. Роль субъектов могут выполнять отдельные люди, группы, организации и целые страны; отра-

жения связаны как с индивидуальными психологическими процессами, так и с макрокультурной перцепцией, создающей, например у страны, обобщенный образ себя.

Рефлексивные процессы инвариантны по отношению к различным типам субъектов (индивиды, группы, организации, государства, этносы, агенты с искусственным интеллектом и др.), определяя структуру внутренней организации, включение во внутренние миры видения самих себя и других, а также взаимных представлений субъектов друг о друге. Рефлексивные структуры и динамика их изменения (рефлексивные процессы) на макроуровне определяют все процессы регуляции деятельности (функционирования) субъектов различных типов. В контексте рефлексивного подхода общность различных социальных образований и образований искусственного интеллекта определяется тем, что все субъекты рассматриваются как рефлексивные системы.

Прежде чем переходить к описанию характеристик рефлексивных субъектов инновационного развития, надо напомнить, что в системном аспекте под рефлексией можно понимать способность некоторых систем строить модели себя и других систем, а одновременно видеть себя строящими такие модели. На этом пути удастся провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания¹.

Для моделирования рефлексивных процессов, наряду с привычными вербальными представлениями, используются разнообразные представления: графические, специальные полиномы (многочлены), операторные и другие. Эти представления позволяют фиксировать, анализировать и проектировать достаточно сложные рефлексивные процессы в различных сферах социальных взаимодействий. Остро встают проблемы выявления особенностей рефлексивных процессов и возможностей воздействия на них в условиях конфликтных взаимодействий, особенно при попытках перевести эти конфликты в управляемую конфронтацию и сотрудничество.

Рефлексия субъектов развития как социальной системы формируется через ее рефлексивные элементы. Поскольку человек является базовым рефлексивным элементом любой социальной системы, то рефлексивность проявляется, в частности, в том, что и вся система, и входящий в нее человек могут быть отображены в его сознании, причем характер этого отображения влияет на его функционирование в системе.

¹ Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1968.

Данный момент необходимо всемерно учитывать в ходе создания и поддержке деятельности субъектов сборки. Предпосылкой их эффективности является то, что рефлексивные элементы потенциально могут справиться с неопределенностью порядка, лишеного традиций. Именно поэтому важнейшее значение рефлексии в деятельности субъектов развития отмечается в последние годы и зарубежными авторами¹.

Коммуникативные субъекты сборки. Сборка субъектов в значительной степени определяется соответствующей коммуникативной средой, обеспечивающей поддержку рефлексивных процессов, организацию быстрого, адекватного реагирования на динамично меняющуюся внешнюю среду. Особое значение в условиях глобализации приобретает свойство безграничности коммуникаций. Сотрудничество с субъектами развития других культур становится повседневным опытом. Рынки срастаются, цены во всем мире выравниваются, поэтому и субъекты должны кооперироваться и объединяться. Под безграничностью следует понимать также устранение внутренних барьеров между функциональными элементами субъектов сборки.

Социальность субъектов сборки. В контексте социальной ориентации субъектов сборки наиболее актуальны следующие характеристики: идентичность, свобода, социальная ответственность, этичность, духовность.

Идентичность субъектов становится все более актуальной характеристикой субъектов в XXI в. Это связано с постоянно возникающей необходимостью «выхода» субъектов за рамки нормативного подхода, фактически нормой становится выход за пределы нормы². Это обосновывается следующими соображениями:

- высоким темпом обновления знаний, характерным для информационного общества, что влечет быструю сменяемость соци-

¹ Beck U. Reflexive Modernisierung. Frankfurt-a/M.: Suhrkamp, 1996; Giddens A. Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft // U. Beck (Hrsg.): Reflexive Modernisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.

² Лекторский В. А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М.: Ф. А. С.-медиа, 2004. С. 170–205; На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 56–70. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornik2005.doc> (дата обращения: 30.11.2018).

- альных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации;
- существованием многих социальных процессов в относительно небольшое время, поскольку усиливается множественность социальных реальностей и динамика их существования;
 - резким усилением в условиях современной России (и на всем постсоветском пространстве) давления техногенной цивилизации на индивидуальное бытие человека, разрушающего установившийся баланс социальной активности и внутреннего гомеостаза индивида, ослабляющего его психическую саморегуляцию;
 - усложнением естественной интеграции прошлого и будущего в единую цепь событий, которая образует индивидуальную биографию и лежит в основе личностной идентичности (и без того подверженной весьма тяжелым традиционно выделяемым кризисам);
 - все более осложняющейся в современном обществе цепью социальных и технологических опосредствований между действием и его результатом, что затрудняет рациональное планирование действий как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств и действий с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности – с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Возникает все большее число индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью» – тех, сознание которых оказывается фрагментированным.

Большое влияние на разрушение традиционных механизмов идентификации оказали процессы глобализации. Они неразрывно связаны с интеграцией мировых процессов производства и потребления, следствием чего является повышение роли субъектов мировой экономики и мировой политики. Как следствие, нарастает тенденция ограничения функциональных возможностей национальных и социальных образований, культур и религий. Все большее значение начинает приобретать «проектная идентификация».

Свободные субъекты сборки. Регуляторами свободы субъектов сборки (кроме принятых в обществе нормативных ограничений для всех граждан) должно выступать добровольно принятое мировоззрение, сложившееся в рамках осознанной ими проектной идентификации.

Важнейшим аспектом обеспечения свободы субъектов сборки является защищенность от различного рода манипулятивных воздействий, несанкционированно превращающих их из субъектов в объекты, действующие в чьих-то интересах. В этой связи в условиях нарастания влияния в современном мире скрытых субъектов управления (нетократия и др.) особое значение следует придавать специальной подготовке субъектов сборки по вопросам культуры информационной безопасности, которая обеспечивает индивидуальную и групповую защиту от манипулятивных воздействий.

Социально ответственные субъекты сборки. Лишь при наличии свободы, выводимой из единства сознания и целостности человека, возможна ответственность за поступки, которая немыслима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для традиционных культурных реальностей. Их игнорирование приводит к бессубъектности и безответственности субъектов, культу примитивной рациональности при игнорировании морально-нравственных аспектов принятия управленческих решений, к деформации социальных норм и др. Все эти негативные явления отчетливо проявляются в условиях современной России.

Этичность субъектов сборки. Эту характеристику субъектов сборки мы рассмотрели в разделе о параметре сборки «Этические системы».

Духовность субъектов сборки. В условиях глобализации субъект сборки осознает и берет на себя ответственность за производимые им управляющие воздействия на общество. При этом важно выработать духовную общность субъектов, которая будет являться основой совместной деятельности, даст ориентиры и обеспечит адекватность принимаемых решений и поступков.

Принципиально важно высказывание о роли духовности европейского специалиста по разработке образа предприятия XXI в. Х. Гайсельхарта: «Сотрудники отделов по работе с персоналом пытались внести свой вклад в улучшение состояния предприятия через введение TQM, Reengineering, ISO и других методов. Между тем эти методы подвергаются сильной критике как модные явления. Они

не выполняют того, что обещают, и исчезают так же, как и пришли. Поскольку они редко интегрированы в духовную взаимосвязь, они становятся просто скучными, потому что бездуховны»¹.

В целом проблема индивидуальной идентичности лиц, принимающих решения, оказывается неразрывно связана с духовностью и является ключевой в сборке субъектов. Лишь при наличии единства сознания и целостности человека возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для основных традиционных культурных реальностей.

Развивающиеся субъекты сборки

Самоорганизующийся субъект сборки. Стремление интенсифицировать сборку субъектов влечет за собой увеличение горизонтальных организационных структур, снижение формальности в отношениях субъектов, создание неформального сетевого самоорганизующегося субъекта подобного развития.

Все более популярными становятся междисциплинарные представления о мире, в котором порядок из хаоса возникает в силу естественных процессов. Такая логика предполагает, что деятельность субъектов подчинена правилам самоорганизации. В ходе организации постоянного и разнообразного общения соответствующих людей можно надеяться на достижение благоприятных результатов. Важно «прислушаться к тому, куда система намерена двигаться»: чем больше включенных субъектов поймут, в каком направлении изменяются процессы сборки субъектов, тем быстрее будут развиваться новые формы организации².

В этой синергетической трактовке процессов самоорганизации следует выделить несколько аспектов, связанных с рефлексивными процессами.

Во-первых, для контроля за последствиями самоорганизации кто-то должен с упреждением их осознать, выявить аттракторы и параметры порядка, детерминирующие этого процесса. Иначе говоря, некто должен обладать упреждающей рефлексией, обеспечивающей

возможность либо притормозить процессы самоорганизации, либо их стимулировать. Для самоорганизации — это мощный потенциал развития, не всегда, однако, гарантирующий благоприятный результат. Для социально ориентированных субъектов целесообразно, в целях обеспечения безопасности для общества последствий их деятельности, рассмотрение процессов управляемой самоорганизации.

Во-вторых, справедливо утверждение: чем больше включенных субъектов осознают направления процессов изменений, тем быстрее возникнет благотворный резонанс. Сказанное ставит задачу стимулирования рефлексивных процессов осознания естественных тенденций инновационного развития.

Перенос из естественных наук синергетических идей самоорганизации в практику развития требует переосмысления в контексте современных представлений постнеклассической науки, и сегодня делаются успешные шаги в этом направлении.

Креативные субъекты сборки. Время, в которое мы живем, характеризуется непостижимой динамикой изменений. Чтобы не отставать, требуются большие знания, ясное мышление, точная логика, умение использовать все способности и непрерывные усилия. Знание возникает быстрее, инновационные циклы становятся короче, единицы времени, в которые мы работаем, меньше. Выдающиеся достижения, которые требуются сейчас, не могут быть совершены обычными средствами, потому что каждый, располагающий ими, может использовать их так, что выделиться удастся лишь на короткое время. Достижения, которые нельзя быстро повторить, основываются на необычных идеях, сложных для имитации. Эти идеи подобны тем, что производят художники. Как произведение искусства создается творческим человеком, так и выдающиеся достижения возникают благодаря креативным субъектам. Поэтому сегодня больше, чем когда-либо, нужны люди, которые обладают способностями к рефлексии, к творчеству.

Открытые субъекты сборки. Классическое понимание открытости систем базируется на идеях венского биолога Л. фон Берталанфи. В контексте субъектов развития можно утверждать, что долговременная конкурентоспособность не достигается на основе частичной оптимизации, в пределах внутреннего рассмотрения проблем. Только выход за границы создает предпосылки для успешного и долговременного его существования. Иными словами, проблема открытости тесно связана с проблемой границ субъектов, которую мы уже затрагивали при рассмотрении вопросов коммуникаций.

1 *Гейсельхарт Х.* Обучающееся предприятие в XXI веке / Пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга: Духовное наследие, 2004. С. 223.

2 *Сенге П. М., Клейнер А., Робертс Ш., Росс Р. Б., Рот Д., Смит Б. Д.* Танец перемен: новые самообучающиеся организации. М.: Олимп-Бизнес, 2003. С. 156.

Непрерывно обучающиеся субъекты сборки. По содержанию обучение субъектов сборки будет все более смещаться с «предметно-знаниевой» на «процедурно-знаниевую» ориентацию и развитие соответствующих способностей, в первую очередь рефлексивных.

В качестве примера рассмотрим три типовых базовых вида обучения для субъектов сборки (в контексте сборки предприятий)¹.

Первый относится к тому, что лежит на поверхности. Это простейшее обучение, при котором речь преимущественно идет о том, чтобы приспособиться к хорошо зарекомендовавшему себя, ориентироваться на привычное. Его исходным пунктом является вопрос, как можно что-то улучшить.

Второй стремится не к относительно поверхностному изменению, а ставит под сомнение основные гипотезы, исследует контекст деятельности и предпринимает коренные изменения собственных целей. Исходным вопросом является: почему я действую так, а не иначе?

Третий вид обучения – процесс, который сам становится темой своего обучения, так что можно опознать и исправить мыслительные модели. Данный вид обучения делает возможной самокритику, придает способность подвергнуть сомнению наши духовные структуры и проверить отправную смысловую точку наших действий.

В качестве ведущих отмечаются второй и третий виды обучения, которые ориентированы прежде всего на стимулирование и поддержку рефлексии субъектов сборки, на осознание и поиск путей преодоления «разрывов» в деятельности и коммуникациях.

По формам обучения будут доминировать две формы организации: непрерывного обучения и обучения непосредственно на рабочем месте.

В процессе производственной деятельности создается развивающая среда; с учетом важности развития рефлексивных способностей, она становится рефлексивно развивающей средой. В частности, богатый опыт создания такого рода учебных сред имеется в отечественной педагогике².

Рассмотренный вариант структуры параметров сборки субъектов и анализ отдельных ее параметров позволяет сделать вывод, что в различных областях знания накоплен богатейший, но разроз-

1 *Гейсельхарт Х.* Обучающееся предприятие в XXI веке / Пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга: Духовное наследие, 2004. С. 54.

2 *Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986; *Рубцов В. В.* Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

ненный опыт сборки субъектов, который необходимо проанализировать и обобщить как в интересах развития науки, так и в интересах решения практических задач преодоления бессубъектности российского развития.

Предложенный вариант дескриптивной социогуманитарной модели субъектов сборки, ориентированных на развитие, согласован с введенными в предыдущей статье параметрами сборки субъектов и может использоваться как для дальнейшего развития данного класса моделей, так и для практического применения. На наш взгляд, важнейшим направлением дальнейшего развития моделирования субъектов сборки является создание моделей саморазвивающихся рефлексивно-активных сред сборки субъектов, представляемых как особого рода макросубъектов.

3.4.3. Сборка субъектов в культовых организациях (классика)

История человечества накопила богатейший опыт эффективных технологий сборки субъектов на основе разнообразных культов, и не только религиозных. Этот опыт и сегодня широко используется для создания разнообразных культовых организаций (религиозных, образовательных, психотерапевтических и др.), в политических избирательных кампаниях и т. п. Технологии сборки субъектов весьма эффективны, а результаты весьма плачевны как для базовых субъектов, так и для общества в целом¹.

Начиная с 1970-х годов в обществе все более широко поддерживается точка зрения, что некоторые секты (религиозные культы), получившие название тоталитарных, представляют собой общественное зло. Лидерам этих культов и их агентам влияния предъявляется обвинение в «управлении человеческой психикой».

Религиозные культы указанных сект получили наибольшую известность, однако на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что любая область человеческой деятельности – религия, педагогика и просвещение, политика, досуг и хобби, психотерапия, производство и бизнес и т. д. – дает свои образцы культовых групп или движений.

1 *Лепский В. Е., Степанов А. М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 16.02.2019).

Приведем одно из современных определений культа¹.

«Культ является группой или движением, которое в значительной степени:

- демонстрирует громадную или чрезвычайную преданность какой-либо личности, идее или вещи;
- использует реформирующую мышление программу, чтобы убеждать, контролировать и подготавливать к жизни в коллективе (то есть, интегрировать их в групповую уникальную модель отношений, верований, ценностей и практики);
- систематически стимулирует состояния психологической зависимости у членов;
- эксплуатирует членов для достижения успеха в целях лидеров и причиняет психологический вред членам, их семьям и обществу».

Попытки правового регулирования деятельности тоталитарных сект (запрет, ограничение и др.) наталкиваются на большие трудности. Вопреки распространенным мифам, вокруг поселений сектантов вы не найдете ни колючей проволоки, ни вооруженной охраны. Во многих случаях в этих культах отсутствует харизматический лидер, чьи чары заставляли бы молодежь менять образ жизни. Более того, в ряде случаев члены секты практически лишены возможности личного контакта с лидером (например, «Церковь объединения» — «мунисты»). Новообращенные члены сект во многих случаях ничем не напоминают зомби. В подавляющем большинстве случаев не используется массовый гипноз. В действительности методы психологического воздействия, с помощью которых происходит стремительное и долговременное обращение в новую веру, — это нормальные методы психологического воздействия, позволяющие достигать высокой эффективности за счет их комбинированного использования и применения к людям с ослабленными или несформированными социальными связями.

Негативность для личности и общества деятельности сект, видимо, следует искать не в проявлении отдельных признаков или использовании отдельных методов, а в целом, в комплексных технологиях, ими используемых. Это позволит более обоснованно представить

1 *Singer M. T., Ofshe R.* Thought reform programs and the production of psychiatric casualties. *Psychiatric Annals*, 1990; Русакова Е.Л. Зависимость и подчинение авторитету: варианты моделей // *Модели мира*. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997. С. 207–226.

направленность такого рода деятельности на ограничение свободы личности и формирование у нее особого рода психосоциальной зависимости от сект. Такой подход может создать предпосылки для рассмотрения психосоциальной зависимости от сект как синдрома особого рода болезни — аналогично тому, как предпринимаются попытки введения синдрома «киберзависимости».

Актуальность проблемы определяется также тем, что психотехнологии, сформированные в культовых организациях, все более широко начинают использоваться в интересах отдельных лиц и групп в ущерб интересам общества. Особенно ярко это проявляется в политическом PR, информационно-психологических войнах, международном терроризме¹.

На примере так называемых тоталитарных сект рассмотрим обобщенное целостное представление методов психологического воздействия, используемых в культовых организациях и, соответственно, механизмы сборки совокупного субъекта культовой организации.

Главной целью любой тоталитарной секты является навязывание ее членам формы жизнедеятельности, считающейся нормой для последователей определенного религиозного культа. Только в таком случае достижимо беспрекословное подчинение и организация традиционных для тоталитарных сект форм бизнеса. Рассмотрим базовые рефлексивные технологии, реализуемые в контексте схемы управления формой жизнедеятельности в сектах.

В психологии выделяется два способа существования человека как субъекта жизни (жизнедеятельности)². Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек (его можно назвать «реактивный» способ существования). Второй связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней («рефлексивный» способ существования).

С учетом двух способов существования человека как субъекта жизни рассмотрим два крайних, с точки зрения блага и зла для общества, варианта организации перехода человека на новую форму

1 *Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // *Информационное общество*. 1999. № 3. С. 47–51.

2 *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

жизнедеятельности. При этом будем исходить из того, что в этих процессах активно участвуют лица, содействующие (управляющие) переходу конкретного человека на новую форму жизнедеятельности.

Вариант 1. Схема развития

В общих чертах включает следующие процедуры.

- Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности – состояние готовности к принятию новых форм жизнедеятельности. Человек или сам приходит к осознанию того, что надо что-то менять и как-то жить иначе, или ему оказывают в этом помощь.
- Актуализация рефлексии как единственной возможности самому создать, осознанно выбрать новую форму жизнедеятельности, а также организовать процесс перехода к ней. Помощь извне в данной процедуре крайне важна, ибо совершить, как иногда говорят, «рефлексивный выход» за пределы своей жизнедеятельности, сделать ее объектом исследования и соотносить с новой формой – весьма сложные процессы, требующие иных, чем для осуществления рутинной жизни, методов и средств.
- Рефлексивная кооперация – поддержка человека, совершившего «рефлексивный выход» за пределы сложившейся жизнедеятельности в новую позицию. Такого рода помощь определяет основу современных представлений гуманистической психологии. В этих подходах ведущая ориентация – обеспечение свободы личности, а не навязывание человеку внешних советов и рекомендаций.

При использовании схемы развития человек является подлинным субъектом развития своей жизнедеятельности; он развивается, ибо процедура актуализации рефлексии либо провоцирует переход с реактивного способа жизнедеятельности на рефлексивный, либо закрепляет рефлексивный способ жизнедеятельности, оснащая человека новыми средствами более эффективной работы. Можно утверждать что *схема развития* является благом для общества и максимально ориентирует на свободную развивающуюся личность.

Вариант 2. Схема рефлексивного программирования

В общих чертах включает следующие процедуры.

- Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности (аналогично варианту 1).

- Рефлексивная блокада – блокировка не санкционированных кем-то рефлексивных процессов, фактически лишение человека возможности самостоятельно осуществлять осознанное создание или выбор новой формы жизнедеятельности.
- Социальная изоляция – блокировка не санкционированных кем-то информационно-психологических воздействий социального окружения, фактически лишение возможности влияния на процессы создания или выбора новой формы жизнедеятельности ближайшего социального окружения человека (семьи, друзей, коллег и др.).
- Рефлексивное программирование – навязывание человеку заранее predetermined кем-то представлений, точек зрения, позиций, мнений и других психических образований с целью сформировать осознанное принятие предлагаемой нормы жизнедеятельности. Этот «кто-то» – руководитель секты или авторитетный наставник – ставит целью достижение полного контроля над сознанием.

Существенные различия в ориентации схем развития и рефлексивного программирования иллюстрируются в таблице 3.4.

При использовании *схемы рефлексивного программирования* человек превращается в объект управления. Процедуры *рефлексивной блокады, социальной изоляции и рефлексивного программирования* способствуют закреплению *реактивного способа жизнедеятельности* и никоим образом не способствуют развитию личности. Эта процедура явно ограничивает свободу личности. Можно утверждать что *схема рефлексивного программирования* является злом для общества и максимально ориентирована на превращение человека в работа.

В тоталитарных сектах используется исключительно *схема рефлексивного программирования*, это утверждение обосновано нами через анализ используемых в сектах методов психологического воздействия, обеспечивающих все выделенные в данной схеме процедуры¹.

В качестве ведущих параметров сборки субъектов в рассмотренном примере следует выделить: общность ценностей (культы), рефлексивные процессы (блокировка рефлексии и рефлексивное программирование), коммуникативные процессы (блокировка социальных

1 Лепский В. Е., Степанов А. М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 21.08.2018).

Таблица 3.4
Принципиальные различия схемы развития и схемы
рефлексивного программирования

Аспекты сравнения	Схема развития	Схема рефлексивного программирования
Ориентация на способ жизнедеятельности человека	Ориентация на рефлексивный способ жизнедеятельности человека	Ориентация на реактивный способ жизнедеятельности человека
Отношение к субъекту	Ориентация на сохранение и формирование «субъектности» человека, отказ от манипулирования человеком Доминанта индивидуально-го субъекта над групповым субъектом	Ориентация на превращение субъекта в объект управления Ведущая роль социализации к нормам сект Доминанта группового субъекта над индивидуальным субъектом
Действия в конкретных ситуациях жизнедеятельности	Ориентация на самостоятельные действия в любых ситуациях жизнедеятельности (проблемный подход)	Ориентация на шаблонные (заранее предписанные) действия в типовых ситуациях жизнедеятельности и обязательное обращение к помощи ведущих представителей сект в нестандартных ситуациях
Ведущая направленность психологических воздействий	Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов	Блокировка рефлексии; блокировка социальных контактов (вне секты); рефлексивное программирование; процесс обучения, усвоения идей строится на эмоциональном принятии без критического анализа
Структура управления	Гибкая, «горизонтальная» структура управления	Жесткая, «вертикальная» иерархическая структура управления
Базовые знания	Процедурные	Предметные
Подготовка субъектов к жизнедеятельности	Формирование базовых качеств для самостоятельной организации своей жизнедеятельности	Обучение знаниям, навыкам и умениям для использования нормативных представлений и методов сект

связей), этические системы (вторая этическая система), межгрупповые отношения (свой—чужой). В центре внимания оказываются такие характеристики субъектов сборки, как рефлексивность—блокировка, свобода—ограничение, жесткое нормирование.

3.4.4. Пример сборки субъектов развития в компании «Дженерал электрик» (неклассика с элементами постнеклассики)

Пример успешного управления сборкой субъектов развития конкретного предприятия на основе представлений творчески одаренного менеджера. Речь пойдет о компании «Дженерал электрик», которую через уникальные преобразования Джек Велш вывел в мировые лидеры.

Одно из крупнейших и динамично развивающихся предприятий мира «Дженерал электрик» является ярким примером прототипа эталонного совокупного субъекта сборки, ориентированного на динамичное развитие. Велшу удалось фундаментальное преобразование этого бывшего прежде неповоротливым предприятия, его методы используются во всем мире.

С 1993 г. «Дженерал электрик» являлось «номером 1» относительно рыночной стоимости в Соединенных Штатах. С марта 1998 г. размер капитала предприятия достиг 250 миллиардов долларов. В конце 2000 года «Дженерал электрик» действует примерно в десяти различных группах продуктов — от авиационных двигателей, медицинских приборов, энергии, лизинга самолетов, финансовых услуг, информатики до бытовых электроприборов.

Рассмотрим мнения Велша о реализации многих из выделенных нами качеств субъектов сборки и использовании разнообразных параметров сборки.

Высокий уровень рефлексивности обеспечивается за счет высокой мотивации сотрудников, их непосредственного включения в сверхзадачи, создания уверенности в возможности воздействовать на принимаемые решения. В центре внимания всех сотрудников — осознание стратегического видения фирмы, ориентиров развития.

Стимулирование рефлексии всех сотрудников для решения сверхзадач (Stretch-концепция) может быть реализовано в рамках «Дженерал электрик». Однако потом «нужно посмотреть выше — еще выше — на цели вверху, которые, как кажется, находятся вне всяких пределов досягаемости, достичь которых можно лишь с нечеловеческими усилиями»¹. Постановка сверхзадач — фирменный стиль «Дженерал электрик». «Не довольствуйтесь автоматически вторым местом, если Вы можете достичь большего! Хватайте звезды»².

1 Slater R. Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht manager. Landsberg/Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. S. 221.

2 Ibid. S. 232.

На стимулирование рефлексии каждого сотрудника на критический анализ и развитие своей производственной деятельности направлена программа «work-out». Она должна сформировать у сотрудников чувство, что будущее предприятия зависит от каждого лично. В рамках программы сотрудникам были переданы права вносить собственные идеи для решения возникающих проблем.

Стимулированию и обеспечению адекватной рефлексии способствует также создание прозрачных производственных структур.

Коммуникативные процессы занимают также достойное место в организации предприятия. Мечтой Велша является безграничное предприятие, для которого глобализация является уже не целью, а заповедью. Он говорит, что рынки открываются, географические границы размываются и теряют значение. Поэтому нужно уничтожать географические границы и для сотрудников. «Наши сотрудники должны одинаково хорошо чувствовать себя в Дели и в Сеуле, как и в Лоунсвилле или Шенектади»¹. Безграничное предприятие – это девиз в организации коммуникаций сотрудников.

Под безграничностью Велш имеет в виду также уничтожение внутренних барьеров. Он говорит о стенах между функциональными подразделениями, о границах между поставщиками и предприятием, между предприятием и его клиентами. «Каждая из этих границ представляет собой сопротивление, которое замедляет ход процессов на предприятии. Процесс осуществления всех этих функций может быть таким длительным и сложным, что при определенных обстоятельствах организации приходится концентрироваться только на самой себе и своих внутренних процессах, и она терпит неудачу в осуществлении своей собственной миссии – удовлетворения клиента»².

Преодоление географических и культурных границ, устранение барьеров в коммуникации и сотрудничестве на предприятии, с клиентами и поставщиками Велш называет «безграничным менеджментом». Он постоянно подчеркивает: кто хочет работать в «Дженерал электрик», тот должен примерять к себе критерии «безграничного менеджмента». Получающему по этим критериям плохие оценки нужно довольно быстро присмотреть себе другого работодателя. Огромное значение, которое Велш придает безграничности, становится ясным из следующей цитаты: «Безграничность – это язык, культура, душа действительно глобального предприятия. Безгра-

1 Ibid. S. 170.

2 Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg/Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. S. 176.

ничность пробивает себе дорогу через географические расстояния, государственные границы, языковые различия и иностранную валюту и объединяет людей всех культур»¹.

Велш постоянно анализирует чужой опыт и не колеблется при этом перенимать чужие идеи, если он полагает, что это может продвинуть «Дженерал электрик» вперед, тем самым реальными действиями формируя образ открытого предприятия.

Вопросы *идентичности* также оказываются в центре внимания руководства предприятия. Существуют два ключевых понятия, к которым Велш возвращается постоянно и которые имеют основополагающее значение для его понимания руководства предприятием: ценности и видение. «Мы руководим теперь посредством не цифр, а ценностей, которые претворяем в поведение. Если ценности верны, то результат в итоге тоже будет верен»². «Мы поняли, что мы достигнем намного большего, если будем управлять посредством ценностей, а не посредством результатов деятельности за квартал». Велш убежден в том, что предприятию действительно необходимы ценности и что оно живет идеями. О самом себе он говорит: «Моя работа состоит в том, чтобы раздобывать, усиливать и распространять на предприятии идеи со скоростью света»³. От менеджера он требует, чтобы тот «умел сообщать видения своего предприятия», чтобы он был кем-то «кто может сообщить всей организации смысл и цель предприятия и непоколебимо заботиться о том, чтобы эти видения с успехом реализовывались»⁴.

Развивающееся предприятие. «Дженерал электрик» – образец неформального предприятия. Велш подчеркивает, обращаясь к своим менеджерам: «Мир быстро меняется. Мы не можем позволить себе растрчивать время на бюрократические вещи. „Дженерал электрик“ – это неформальное предприятие. Мы доверяем друг другу»⁵. Он призывает менеджеров решать стоящие перед ними задачи так, чтобы при этом они вырабатывали видение будущего, и заботится о том, чтобы сотрудники превращали это видение в свое собственное.

1 Ibid. S. 170.

2 Linden F. A., Kaden W. Vici SpaB: Gesprach mit Jack Welch // Managermagazin. 1996. № 8. S. 37–46.

3 Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg/Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. S. 96.

4 Ibid.

5 Slater R. Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht manager. Landsberg/Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. S. 49.

На 35% было сокращение персонала, сокращение число уровней руководства с 29 до шести, а 350 участков были объединены в двенадцать подразделений предприятия. Эти мероприятия способствовали формированию комплексного предприятия.

Сокращение числа иерархических уровней Велш назвал также «креативной деструкцией», и позаботился о том, чтобы по возможности больше сотрудников участвовали в процессах принятия решений на предприятии. Он постоянно приглашает простых сотрудников даже на заседания Корпоративного исполнительного комитета. Велш хочет слышать, что происходит «внизу».

Креативная трактовка производительности предприятия, по Велшу, такова: «Производительность — это убежденность, что существуют неограниченные возможности для того, чтобы улучшить все и каждое»; или в другом месте: «Мы черпаем из океана креативности, страсти и энергии, который — насколько видит глаз — не обнаруживает ни дна, ни берегов»¹.

О крупных руководителях предприятия он говорит: «Их важнейшая задача состоит в том, чтобы поддерживать своих сотрудников в их развитии и давать им возможность реализовать свои мечты»².

Велш описывает «Дженерал электрик» как *обучающуюся предприятие*: «Дженерал электрик является котлом, в котором кипят идеи и процессы обучения, с десятками тысяч обучающихся, попеременно выполняющих роли обучающихся и обучающихся»³. В другом месте он говорит: «Эта безграничная культура обучения покончила с мнением, что делаемое в „Дженерал электрик“ является единственным или вообще наилучшим методом. Сегодня мы исходим во всем, что делаем, из того, что где-то у кого-нибудь есть идея еще лучше; и мы тотчас же чувствуем себя обязанными выяснить, у кого эта лучшая идея, как мы можем получить ее — и притом быстро»⁴.

Многообразие культур во всемирном предприятии «Дженерал электрик» понимается как шанс для процессов обучения, результатом которых могут стать идеи совершенно нового качества. В своей речи 23 апреля 1997 г. на общем годовом собрании акционеров «Дже-

1 Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg/Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. S. 133.

2 Slater R. Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht manager. Lands-berg/Lech: Verlag Modern Industrie, 1999. S. 346.

3 Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg/Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. S. 71.

4 Ibid. S. 177.

нерал электрик» в г. Шарлотт, Северная Каролина, Велш подчеркивал: «Отличает „Дженерал электрик“ от других: культура, использующая это большое многообразие как источник для возможности обучения, как накопитель хороших идей, которым нет ничего равного в мире по богатству и широте»¹.

В качестве ведущих параметров сборки субъектов в рассмотренном примере следует выделить следующее: общность ценностей, проектная идентификация, рефлексивные процессы (стимулирование и поддержка рефлексии), непосредственность и неформальность общения, этические системы, пространство доверия. В центре внимания оказываются такие характеристики субъектов сборки, как рефлексивность, свобода, способность к развитию, креативность, обучаемость.

3.4.5. Пример сборки субъектов развития в японских предприятиях (постнеклассика)

Пример естественного формирования предприятий на основе исторически сложившейся культуры и религии. Фактически мы имеем дело со свернутыми формами общественного сознания, воплотившимися в сборке субъектов современных предприятий. Речь пойдет о типовых японских предприятиях.

Типовая модель японского предприятия базируется на фундаменте национальной культуры и духовности, в значительной степени повторяя черты японской семьи.

В Японии основой механизма управления служит «философия» предприятия, т. е. система ценностей и убеждений, определенная в ней учредителями и воспринимаемая вынуждено или добровольно персоналом. Из этой системы сотрудники предприятия в состоянии вывести безграничное число целей-заданий и конкретных средств их достижения с весьма существенной, однако, разницей: работник, самостоятельно наметивший цель и путь к ней, быстрее и правильнее внесет коррективы, если того потребует изменившаяся обстановка. И другое: два или несколько работников, разделяющие философию предприятия, выведут из нее одинаковые правила поведения при одной и той же ситуации.

Иными словами, философия предприятия обеспечивает как контроль над реакцией работников на проблему, так и координацию их

1 Slater R. Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht manager. Lands-berg/Lech: Verlag Modern Industrie, 1999. S. 24.

усилий, исключая столкновение принимаемых работниками решений. Настойчивость, энергия, находчивость человека, которому кажется, что он действует добровольно, неизмеримо выше, чем у того, кто работает из-под вполне осязаемой палки. Руководители не докучают подчиненным мелкой опекой. Данная концепция ориентирована на активного субъекта в системе хозяйствования. Каждый работник обладает видением будущего предприятия, поскольку осознает его базовые ценности в качестве социального субъекта.

Для сотрудников в силу культурных традиций естественно выступать в роли рефлексивных элементов предприятия, вместе с тем дополнительно на предприятии постоянно реализуется ряд специальных программ, стимулирующих рефлексивные процессы и обеспечивающих их адекватность. Приведем несколько примеров таких программ.

Программа «Формирования представлений о концепции предприятия» предусматривает организацию регулярных внепроизводственных встреч сотрудников для обсуждения философии, концепции предприятия.

Программа «Ротация кадров», осуществляя периодическое перемещение сотрудников на новые рабочие места, способствует формированию у сотрудников видения предприятия с разных рефлексивных позиций, а также формированию адекватной взаимной рефлексии субъектов разных видов производственной деятельности.

Программа «Группы качества» также способствует стимулированию и поддержке рефлексивных процессов в связи с производственной деятельностью.

Очевидно, что эти программы, наряду с развитием рефлексивных процессов, способствуют формированию многих других выделенных нами качеств субъектов сборки, в частности обеспечению процессов идентификации, коммуникации, самоорганизации и др.

В контексте организации рефлексивных процессов, ориентированных на сборку субъектов производственной деятельности, японские предприятия можно отнести к образцовым предприятиям XXI в. В таблице 3.5 приведен сравнительный анализ отдельных аспектов организации рефлексивных процессов на предприятиях XX и XXI вв.

Изменения в социальном окружении предприятий в XXI в. становятся все более фундаментальными, поэтому и способность предприятий к изменениям должна быть глубинной и масштабной. Доминирование экономического подхода к организации предприятий становится неадекватным, в центре внимания все в большей степе-

Таблица 3.5
Отдельные аспекты организации рефлексивных процессов на предприятиях XX и XXI вв.

Аспекты	Традиционные предприятия XX в. (жесткая организация)	Предприятия XXI в. (гибкая организация)
Ведущая ориентация на способ деятельности сотрудников	Реактивный способ деятельности	Рефлексивный способ деятельности
Субъектный аспект отношения к сотрудникам	Ориентация на превращение сотрудников из субъектов в объекты управления Блокировка рефлексии	Ориентация на сохранение и формирование «субъектности» сотрудников, отказ от манипулирования Стимулирование, поддержка рефлексии, развитие рефлексивных способностей
Носители рефлексии	Топ-менеджеры	Все сотрудники предприятия, группы, организация в целом
Действия сотрудников в конкретных ситуациях	Ориентация на шаблонные действия в типовых ситуациях и обязательное обращение к помощи руководителей в нестандартных ситуациях	Ориентация на самостоятельные действия, стимулирование креативности и рефлексии
Коммуникация носителей рефлексии	Формальное общение Высокая степень опосредованности общения	Гибкое сочетание формального и неформального общения. Гибкое сочетание форм общения
Коммуникация носителей рефлексии и носителей властных полномочий	Совмещение носителей рефлексии и носителей властных полномочий	Создание условий для реального влияния носителей рефлексии на носителей властных полномочий
Координация действий подразделений и сотрудников предприятия	На основе должностных инструкций	На основе формирования у сотрудников взаимных адекватных рефлексивных представлений, а также рефлексивных позиций предприятия и подразделений как социальных субъектов
Базовые знания	Предметные	Процедурные, в том числе рефлексивные технологии
Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов у сотрудников предприятия	Недооценка данного аспекта	Многообразие мероприятий и программ, ориентированных на стимулирование и поддержку рефлексивных процессов у сотрудников предприятия
Создание условий для развития рефлексивных способностей носителей рефлексии	Недооценка данного аспекта	Предприятие как рефлексивно развивающая среда

ни оказываются представления предприятий как совокупных субъектов сборки, ориентированных на развитие.

В качестве ведущих параметров сборки субъектов в рассмотренном примере следует выделить: общность ценностей, общность культуры, проектную идентификацию, рефлексивные процессы (стимулирование и поддержка рефлексии), непосредственность общения, этические системы (первая этическая система), пространство доверия. В центре внимания оказываются такие характеристики субъектов сборки, как идентичность, рефлексивность, коммуникативность, способность к развитию.

3.4.6. Выводы

Поставлена междисциплинарная проблема сборки субъектов развития. Разработана структура параметров сборки субъектов развития и варианты моделей субъектов развития. Проанализированы примеры комплексного использования параметров сборки субъектов развития и описано их влияние на специфику образуемых совокупных субъектов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в различных областях знания накоплен богатейший, но разрозненный опыт сборки субъектов развития, для обобщения которого оказывается полезной разработанная структура параметров сборки и модели субъектов развития.

Принципиально важно заметить, что в организации саморазвивающихся сред учтен опыт технологий сборки субъектов в различных типах социальных организаций и образ формируемого желаемого совокупного субъекта. В саморазвивающихся рефлексивно-активных средах комплексно используются все социально позитивные выделенные нами параметры сборки субъектов развития. Образ будущего совокупного субъекта ориентировочно задается системой принципов, положенных в основу организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред¹.

Данная работа закладывает научные основы для дальнейших исследований и решения важнейшей практической проблемы преодоления бессубъектности российского развития.

¹ *Ленский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. С. 137–176. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 23.06.2018).

3.5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для России поставлен крайне опасный диагноз: «бессубъектность развития». Последствия могут быть связаны с потенциальной потерей суверенитета страны. Реальность такого рода последствий обуславливается и крайне напряженной международной обстановкой.

Как следствие, актуальна проблема формирования субъектности развития для всех потенциальных участников процессов развития на федеральном, региональном и местных уровнях, у граждан, представителей бизнеса и, что особенно важно, формирование элиты российского развития. С проблемой формирования субъектности развития неразрывно связана проблема сборки субъектов развития, обеспечения целостности стратегического управления и развития.

В данной работе на основе философско-методологического анализа поставлена проблема сборки субъектов развития и предложена структура параметров сборки субъектов развития, ориентированная на широкий круг такого рода задач, носящих ярко выраженный междисциплинарный характер. Показано, что выбор параметров сборки субъектов принципиально важен для прогнозирования характеристик получаемого в результате сборки совокупного субъекта. Проанализированы примеры разного рода процессов сборки субъектов с принципиально различающимися результатами.

Обоснована точка зрения, что организация гармоничного развития субъектов возможна в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах. В них создаются условия для преодоления эгоизма, отказа от принципа максимизации прибыли, перехода к доминированию прямой демократии над представительской, к решению проблемы сложности за счет механизмов саморегулирования и др. В такого рода средах для сборки субъектов развития используются все рассмотренные социально-ориентированные параметры, а в управлении и развитии обеспечивается гармония иерархических, сетевых и средовых моделей.

Открытость и фрактальность моделей саморазвивающихся рефлексивно-активных сред позволит преодолеть центробежные силы и обеспечить целостность процессов управления и развития как страной, так и мировым сообществом. Фактически речь может идти о смене сложившейся парадигмы «жесткой глобализации» на процессы сборки саморазвивающихся полисубъектных сред, в которых

сохранятся разнообразные формы организованности, обеспечивающие социокультурное разнообразие.

Методология саморазвивающихся рефлексивно-активных сред может рассматриваться как базовая для постнеклассической кибернетики третьего порядка, что может обеспечить России лидерские позиции в проблематике управления и развития.

Часть 4

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ

4.1. ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР и формального декларирования завершения холодной войны вместо снижения активности в информационных войнах имеет место резкая их интенсификация. Основная причина связана с несбывшимися надеждами лидеров Запада на формирование однополюсного мира. При этом главным объектом агрессии становится снова Россия, заявившая о своем видении устройства мира, о своих представлениях о демократии, справедливости и гармонии мирового сообщества.

Сложность разрешения сложившейся ситуации в значительной степени связана с кризисом в проблематике управления социальными системами. Налицо потеря управляемости в сфере мировой экономики и финансовой сфере. Усиление несправедливого обмена в экономических отношениях. Нарастание международных конфликтов. Человечество вновь оказалось на грани очередной мировой войны. Усиление расслоения человечества на богатых и бедных. Несбывшиеся прогнозы формирования среднего класса как креативного класса постиндустриального общества, определяющего образ будущего человечества. Кризис англосаксонской модели демократии. Субъекты управления практически во всех сферах деятельности ориентированы на свои индивидуальные интересы, вне сферы их рассмотрения остаются интересы человечества. Доминирует экономический редукционизм, который порождает всеобщее проявление эгоизма. Главной болезнью человечества является бессубъектность развития, следствием которой может быть гибель человечества. Преодоление этой болезни и переход к гармоничному развитию человечества в значительной степени определяется совершенствованием механизмов управления.

В начале XXI в. масштабы разрушительных последствий от информационных войн нарастают. В состоянии хаоса и тотального терроризма погружаются отдельные государства и регионы, лавинообразно формируются потоки мигрантов. Информационные войны включаются как составные части в комплексное использование вместе с другими видами войн (экономическими, силовыми и др.). Нестабильность мирового сообщества достигла невиданного ранее уровня. На данный момент отсутствуют эффективные международные механизмы регулирования такого рода агрессии.

Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами, и в информационных войнах в частности, невозможно без решения проблемы поиска общих для всех областей знания концептуальных основ управления, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания, связанных с проблематикой управления, и организации модерирования их совместной деятельности. Эти задачи находят свое отражение в различных трактовках трансдисциплинарного подхода¹.

Сложившаяся ситуация требует в первую очередь философско-методологического анализа природы информационных войн, эволюции их специфики и технологий, на основе чего была бы возможна выработка асимметричного ответа для нейтрализации информационных войн и стимулирования процессов гармонизации мирового сообщества.

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно академику В. С. Степину², со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении и специфике технологий управления в информационных войнах.

В четвертой части монографии представлен анализ эволюции технологий управления в информационных войнах в контексте развития научной рациональности. Такого рода анализ можно рассматривать условно как исторический, ибо он проведен не только хронологически, а с привязкой к истории развития науки. Такой подход имеет свои преимущества, так как позволяет проанализировать технологии управления в информационных войнах в контексте специфики философского и методологического обеспечения конкретного типа научной рациональности, с учетом доминирующих парадигм, научных походов, областей знания, форм активности, форм дисциплинарных подходов, этических представлений и др. Такое рассмотрение позволяет системно проанализировать основания становления различных технологий управления, эволюцию их развития, задать перспективные направления совершенствования и выявить возмож-

ности комплексного использования различных технологий, соответствующих различным типам научной рациональности.

Результаты проведенного анализа позволили предложить асимметричный ответ интенсификации информационных войн на основе постнеклассической научной рациональности.

1 *Лепский В. Е.* От монодисциплинарности к трансдисциплинарности в эволюции представлений об управлении // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: ИД «Навигатор», 2015. С. 543–562.

2 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

4.2. ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ (КЛАССИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ)

4.2.1. Специфика информационных войн в контексте классической научной рациональности

Доминирующим в понимании содержания понятия «информационная война» является воздействие на объект управления с целью перевести его в заданное состояние. Ведущей оказывается парадигма «субъект—объект», классическая схема кибернетического управления. Как следствие, вне контекста классической научной рациональности оказываются проблемы информационного противоборства, которые соответствуют парадигме «субъект—субъект».

Ярким примером игнорирования в классической научной рациональности субъект-субъектных аспектов являются широко используемые во второй половине XX в. технологии исследования операций, в которых нейтрализация любых решений и действий противника осуществлялась на основе принципа гарантированного результата, max/min-критерия. Аналогичный подход имел место и в начальном периоде развития математической теории игр, при широком использовании игр с нулевой суммой. В них противник представлялся однозначно преследующим противоположные интересы.

В отличие от экономической войны, результатом информационной войны является нарушение функционирования элементов инфраструктуры противника (пунктов управления, ракетных и стартовых позиций, аэродромов, портов, систем связи, складов и т. д.), а в отличие от «горячей» войны с применением обычных вооружений и/или оружия массового поражения, ее целями являются не материальные, а «идеальные» объекты (знаковые системы) или их материальные носители. В то же время разрушение таких объектов и систем может осуществляться с сохранением их материальной основы.

Адекватная классической научной рациональности специфика представлений об управлении отразилась и на культуре обеспечения безопасности социальных систем, сложившейся в нашей стране в середине прошлого века (включая и информационную безопасность). Основные ее признаки проявляются в следующих установках:

- авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности;
- установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки (субъектообразования);
- установка на статичность интересов личности, общества и государства;
- «окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях;
- игнорирование проблем связи легитимности власти и идентификации граждан;
- игнорирование проблемы органичной связи социально-политической и экономической организации с традициями российской цивилизации;
- игнорирование проблем безопасности инновационного развития.

Сегодня эти установки выглядят явно архаично, но во второй половине XX в. они были закреплены в законодательных документах¹.

Главные задачи информационных войн в контексте классической научной рациональности связаны с негативными воздействиями на все виды социальных образований и информационные структуры противника.

4.2.2. Базовые технологии управления в информационных войнах

В контексте классической научной рациональности выделим следующие типы базовых технологий в информационных войнах:

- технологии информационно-психологических воздействий;
- технологии обеспечения информационно-психологической безопасности;
- технологии несанкционированных воздействий на информационные системы;
- технологии защиты от несанкционированных воздействий на информационные системы.

¹ *Лепский В. Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

Технологии информационно-психологических воздействий

Речь идет об информационно-психологических воздействиях (ИПВ), ведущих к потенциальным нарушениям общественной стабильности, наносящим вред здоровью и жизни граждан вследствие пропаганды, агитации или прямого воздействия на отдельных личностей или группы, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, способствующих вовлечению населения в культовые организации, пропагандирующие насилие и жестокость. Эти воздействия, осознаваемые или неосознаваемые, как показывает жизнь, могут приводить и в действительности приводят к серьезным нарушениям психического и физического здоровья, размыванию естественных и культурно-заданных норм поведения, к росту рискованных социальных и личностных ситуаций, к искажениям представлений человека о мире и о самом себе.

Когда говорят об ИПВ как угрозах, подразумевают негативные последствия их реализации, использования их как вида информационного оружия. Негативные информационно-психологические воздействия — это, прежде всего, *манипулятивные* воздействия на личность, на ее представления и эмоционально-волевую сферу, на групповое и массовое сознание, инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения субъектов к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих эти воздействия¹.

Такое представление о негативных ИПВ согласуется с позицией классической научной рациональности, с доминирующей в ней парадигмой «субъект—объект», предопределяющей манипуляции как базовые технологии управления. В этом контексте можно выделить несколько аспектов описания и анализа ИПВ.

Первый аспект (индивидуальный) рассматривает человека как индивида, обладающего сознанием, подверженным различного рода манипулятивным воздействиям, информационным по своей природе, результаты которых могут прямо угрожать физическому или психическому здоровью человека. Основные «мишени» ИПВ, соответствующие индивидуальному уровню:

- направленность личности (мотивации, ценностные ориентации, установки, убеждения и др.);

¹ Аносов В. Д., Лепский В. Е. Исходные посылки проблематики информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 7–11.

- познавательные процессы (восприятие человеком окружающей действительности, память, мышление, когнитивный стиль и др.);
- эмоционально-волевая сфера;
- психические состояния;
- процессы осознания своего места во внешнем мире, своих возможностей и ответственности (самоопределение индивидов как субъектов жизнедеятельности, идентификация и др.);
- различные формы активности индивидов (деятельность, общение, рефлексия, поведение);
- механизмы индивидуальной защиты от угроз воздействия психотехнологий (психологическая устойчивость);
- психическое здоровье граждан и др.

Именно такие воздействия часто на протяжении многих лет формируют морально-психологическую атмосферу в отдельных слоях общества, питают криминальную среду и способствуют росту психических заболеваний в обществе. Сектантское проповедничество, распространение мистических и эзотерических учений и практик, магии, шаманства и т. п. могут служить примером таких воздействий, приводящих к социальной и личностной дезадаптации, а в ряде случаев к разрушению психики человека¹. Ярким примером технологии ИПВ, базирующейся на классической кибернетике, является нейролингвистическое программирование (НЛП).

Второй аспект (групповой) предусматривает анализ информационных воздействий на организованные или неорганизованные (толпа) группы и массы людей. Основные «мишени» ИПВ, соответствующие групповому уровню:

- групповые представления, нормы, отношения, ценностные ориентации, знаковые системы и другие психосоциальные образования;
- специфические психосоциальные состояния групп (психологический климат, совместимость и др.);
- процессы образования групп;
- лидеры;
- процессы группового осознания своего места во внешнем мире, своих возможностей и ответственности (самоопределение, идентификация и др.);

¹ Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо—Изд-во МГУ, 1997; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007.

- различные формы групповой активности;
- механизмы групповой защиты от угроз информационно-психологической безопасности;
- психическое здоровье группы и др.

Цель этих воздействий – вызвать особое, конфликтное поведение в острых жизненных (политических, военных, чрезвычайных) ситуациях. Инициация паники, принуждение к сдаче в плен, мобилизация митингующих к активным действиям и др. Тонкие механизмы их реализации, использующие свойства массового сознания, описаны в известной литературе по психологической войне. Культура негативных воздействий на контингент военнослужащих имеет древнюю историю. Наиболее широкое применение находит печатная продукция. Впервые печатные средства воздействия на противника широко были применены в Первой мировой войне. Особенно активно эти средства использовались Великобританией. Во второй мировой войне Германия уделяла очень большое внимание пропаганде и психологическим операциям. Больших успехов в деле информационной войны и пропаганды добились Соединенные Штаты Америки в период корейской, вьетнамской войн и войны в Ираке.

Третий аспект (общественный) ставит в центр внимания проблему ИПВ на население страны в целом или в региональном масштабе. Основные «мишени» ИПВ, соответствующие общественному уровню:

- общественные представления и мнения, базовые ценностные ориентации, нормы и правила поведения, культура, язык, образ жизни и другие психосоциальные образования;
- специфические психосоциальные состояния общества (массовые психозы, религиозный фанатизм, алкоголизм, наркомания, преступность и др.);
- процессы общественного самосознания (национальных образований, наций, народов, населения регионов и страны в целом), самоопределения общественных образований как социальных субъектов;
- процессы общественного сознания, определяющие развитие демократических основ общества, поддержание общественного согласия, способствующие развитию правового сознания, способствующие духовному обновлению России и др.;
- различные формы общественной активности;
- элиты;
- система образования (включая воспитание);

- механизмы социальной защиты от угроз информационно-психологической безопасности;
- психическое здоровье общества и др.

Речь идет о наиболее подверженной манипулятивным воздействиям маргинальной части населения, к которой принадлежат, прежде всего, социально незащищенные граждане. Именно на них ИПВ оказывают сильное моральное давление, лежащее на общем фоне бедности и неустроенности в жизни. Можно говорить о морально-психологических последствиях ИПВ на население страны, степень тяжести которых существенно зависит от господствующих в массовом сознании стереотипов восприятия и оценки условий социальной жизни. Широкий спектр такого рода ИПВ представлен в ряде работ¹.

Для осуществления информационно-психологических воздействий на индивидуальное, групповое и массовое сознание и психику в целом могут быть использованы технологии, включающие следующие виды средств:

- средства массовой информации;
- специализированные средства информационно-пропагандистской направленности;
- глобальные информационно-вычислительные сети;
- программные средства, нелегально модифицирующие информационную среду, на основании которой человек принимает решения;
- средства создания виртуальной реальности;
- средства подпорогового психосемантического воздействия;
- средства генерирования акустических и электромагнитных полей;
- средства нетрадиционных аномальных воздействий и др.²

1 Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Институт социально-политических исследований АСН, 2000; Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999; Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1966.

2 Смолян Г. Л., Лепский В. Е. Новые технологии информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание // Проблемы психологии и эргономики. 2001. № 3. С. 18–22.

Отдельные виды или комплексы ИПВ, обращенные к населению в целом или адресованные конкретным лицам, социальным слоям и группам, политическим партиям и движениям, способны серьезно нарушить нормальное функционирование и жизнедеятельность социальных институтов, государственных структур, общественных организаций, объединений граждан и отдельных лиц¹.

Технологии ИПВ непрерывно совершенствуются, и для их нейтрализации требуются адекватные технологии защиты и противодействия.

Технологии обеспечения информационно-психологической безопасности

Обеспечение информационно-психологической безопасности (ИПБ) предполагает формирование соответствующей системы противодействия ИПВ. В самом общем случае можно выделить три основные составляющие этой системы и, соответственно, три группы технологий: нормативно-правовую, организационную и технологическую².

Нормативно-правовая составляющая обеспечивает формирование и совершенствование системы правовых норм противодействия угрозам информационно-психологической безопасности и механизмам их реализации. Она образуется совокупностью нормативных правовых актов, других нормативных документов, регулирующих отношения в области выявления угроз безопасности индивидуально, групповому и массовому сознанию граждан и представителей специальных контингентов и противодействия этим угрозам. В конце 1990-х годов уделялось большое внимание развитию нормативной правовой основы обеспечения информационно-психологической безопасности. Например, были подготовлены с нашим участием под руководством В. Н. Лопатина³ проекты федеральных законов «Об информационно-психологической безопасности» и о безопасности психосферы, направленные на формирование правовой основы обеспечения безопасности психики человека, духовной жизни общества и интересов государства. Были разработаны Концепция

- 1 *Панарин И. Н.* Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003.
- 2 *Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_1999_d.htm (дата обращения: 15.09.2018).
- 3 *Лопатин В. Н.* Концепция развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности. Изд-во Гос. думы РФ. М., 1998.

ИПБ и основы государственной политики обеспечения ИПБ¹. Были разработаны технологии ИПБ на уровнях защиты личности, групп, населения и воинских контингентов².

Организационная составляющая системы обеспечения информационно-психологической безопасности устанавливает функциональную структуру организаций, занимающихся реализацией правовых норм в данной области и отношений между ними, а также между этими организациями и органами, с одной стороны, и гражданином – с другой. Представляется, что важнейшей частью организационной составляющей системы должны быть соответствующие структуры гражданского общества.

Организационная составляющая системы обеспечения ИПБ является важной частью общей системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, контуры которой достаточно подробно изложены в проекте Доктрины информационной безопасности России. Представляется, что система обеспечения ИПБ в значительной степени должна строиться на основе тесного взаимодействия главы государства, органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также общественных организаций, занимающихся в установленном законом порядке деятельностью в данной области и встроенных в структуру гражданского общества. Однако построение системы обеспечения ИПБ в России осталось на уровне утопических идей и научных публикаций, реально сделано было крайне мало.

Технологическая составляющая рассматриваемой системы обеспечивает возможность свободного и безопасного информационного обмена между гражданами, членами групп и групповых ассоциаций и предотвращения противоправного информационного воздействия на них. Она должна обеспечить возможность своевременного выявления возникающих угроз ИПБ личности, общества и государства, оценку возможного и нанесенного ущерба этой безопасности и организации эффективного противодействия данным угрозам. В части информационного обмена между гражданами был обеспечен свободный бесконтрольный обмен, а в части мониторинга и выявления негативных ИПВ было сделано явно недостаточно, о чем свидетельствует активная деятельность финансируемых

- 1 *Лепский В. Е.* и др. Проект Концепции информационно-психологической безопасности РФ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- 2 *Грачев Г. В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: РАГС, 1998.

из-за рубежа НКО и неконструктивные действия так называемой оппозиции, которую следует скорее отнести не к оппозиции власти, а к оппозиции стране.

Кадровая составляющая призвана обеспечить формирование и поддержание кадрового потенциала общества и государства для эффективного функционирования системы обеспечения ИПБ. Работа в этом направлении велась явно недостаточно, практически она незаметна ни на одном уровне образования.

К сожалению, приходится констатировать, что важнейшая для обеспечения национальной безопасности России проблематика ИПБ, актуальность которой еще более возросла в условиях широкого распространения технологий управляемого хаоса, «оранжевых революций» и «арабской весны», была практически «свернута» примерно в 2000–2001 гг.

Технологии несанкционированных воздействий на информационные системы и защиты от такого рода воздействий

Поражение информации, информационных процессов и информационно-управляющих систем противника, независимо от применяемых средств (и высокоточная ракета, и компьютерный вирус), относятся к оружию информационной войны¹. Технологии несанкционированных воздействий на информационные системы и защиты от такого рода воздействий в значительно меньшей степени, чем выше рассмотренные, зависят от контекста научной рациональности.

4.2.3. Выводы

Рассмотрена специфика технологий управления в информационных войнах в контексте классической научной рациональности. В классической научной рациональности доминирующие концептуальные основания опираются на философский позитивизм, парадигму «субъект—объект», деятельностный подход, монодисциплинарность, этику целей. Эти основания отчетливо проявляются в технологиях управления в информационных войнах, соответствующих данному этапу развития науки.

1 *Расторгуев С. П.* Информационная война. М.: Радио и связь, 1999.

4.3. ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ (НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ)

4.3.1. Специфика информационных войн в контексте неклассической научной рациональности

Неклассическая научная рациональность, обладая своей спецификой, является также рамочной по отношению к классической научной рациональности. Как следствие, специфика понимания информационных войн в контексте неклассической научной рациональности включает понимание, сложившееся в классике, и вводит новые аспекты, связанные с преодолением ограничений парадигмы «субъект—объект». В центре внимания оказываются проблемы информационного противоборства, которые соответствуют парадигме «субъект—субъект», а также сетевая проблематика информационных войн.

Ключевыми становятся рефлексивные технологии в коммуникативных процессах, на основе которых получают развитие игровой подход и исследование операций.

Важно отметить предпосылки позитивных шагов, направленных на смягчение «жесткости» информационных войн, связанные, на наш взгляд, со сменой доминирующих этических оснований при переходе к неклассической научной рациональности. В классике доминировала этика целей, для которой естественной является ориентация «цель оправдывает средства». В неклассике доминируют коммуникативные этики, в которой преобладают гуманистические ориентации¹. Это проявилось в смене доминанты от игр с нулевой суммой к играм с ненулевой суммой, в новых подходах к поиску точек равновесия, в попытках ориентации на сотрудничество, в появлении концепции управляемой конфронтации², в предложениях по пересмотру концепций национальной безопасности (от защищенности от угроз к обеспечению развития)³ и др.

1 *Лепский В. Е.* Этические модели В. А. Лефевра в контексте развития научной рациональности // *Философские науки*. 2016. № 8. С. 40–53.

2 *Лефевр В. А.* Просчеты миротворчества // *Рефлексивные процессы и управление*. 2002. Т. 2. № 2. С. 48–51.

3 *Лепский В. Е.* Развитие и национальная безопасность России // *Экономические стратегии*. 2008. № 2. С. 24–30.

Парадигма «субъект—субъект» является базовой для неклассической научной рациональности; как следствие, в центре внимания оказываются коммуникативные процессы, что дает основание для рассмотрения наиболее важных, на наш взгляд, типов технологий в информационных войнах:

- рефлексивные технологии;
- технологии игрового подхода;
- сетевые технологии.

В данной работе мы анализируем технологии, имеющие непосредственное отношение к специфике неклассической научной рациональности, парадигме управления «субъект—субъект». Имеются многочисленные работы по информационным войнам, затрагивающие более широкий спектр технологий управления¹.

4.3.2. Рефлексивные технологии в информационных войнах

Коммуникативные процессы и обеспечивающая их коммуникативная активность субъектов неразрывно связаны с рефлексивной активностью, каковой в данном случае является коммуникативная рефлексия. Под коммуникативной рефлексией понимается способность встать на позицию исследователя по отношению к другому «субъекту». Такое понимание рефлексии позволило построить предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений активных «объектов-исследователей»².

Междисциплинарное представление о *рефлексии* как о способности некоторых систем строить модели себя и других систем и одновременно видеть себя строящими такие модели способствовало обогащению представлений об управлении как естественно-интеллектуальными, так искусственно-интеллектуальными системами. На этом пути удается провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания. Эта трактовка рефлексии нашла широкое научное и практическое применение в информационных войнах. Можно привести многочисленные примеры исследований по проблематике рефлексивного

- 1 Комов С. А. О способах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 4 (7–8). С. 18–22.
- 2 Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967.

управления у российских (советских) военных теоретиков: В. В. Дружинина, Д. С. Конторова, М. Д. Ионова¹, Н. И. Турко², С. А. Комова³, Ф. С. Чаусова⁴, В. Л. Махнина⁵, С. П. Расторгуев⁶ и др. Аналогичные исследования проводились и на Западе и оказали сильное влияние на технологии управления в информационных войнах: Т. Шеллинг, А. Раппопорт, И. Р. Д. Ауманн, Т. Томас⁷ и др.

Виды рефлексивных технологий

Формы осуществления коммуникативной рефлексивной активности могут быть представлены как разнообразные рефлексивные технологии. Наиболее известна предложенная Лефевром в 1960-е годы технология *рефлексивного управления*⁸ как процесса передачи оснований для принятия решения одним из субъектов другому. Она нашла широкое применение и развитие в различных областях научного знания и прикладных работах.

Однако рефлексивные аспекты управления могут трактоваться намного шире, если в них включить не только непосредственные информационные воздействия на процессы принятия решений, но и опосредствованные воздействия через управление структурами процессов осознания — рефлексивными структурами. При та-

- 1 Ионов М. Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск / Под ред. В. Е. Лепского. 1994. № 1. С. 44–45.
- 2 Турко Н. И., Модестов С. А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил как механизм современной геополитики / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 Century: Theory and Practice». Москва, февраль 1996. С. 366.
- 3 Комов С. А. О способах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 4 (7–8). С. 18–22.
- 4 Чаусов Ф. Основы рефлексивного управления противником // Морской сборник. 1999. № 1.
- 5 Махнин В. Л. О рефлексивных процессах в противоборстве боевых систем // Информационные войны. 2012. № 3.
- 6 Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999.
- 7 Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 71–89. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf (дата обращения: 06.03.2019).
- 8 Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М. Высшая школа, 1967.

ком подходе рефлексивное управление по Лефевру будет рассматриваться как одна из рефлексивных технологий управления. Нами предлагается классификация *рефлексивных технологий* по трем базовым группам: имитация рефлексивной активности, рефлексивное управление, рефлексивное программирование¹. В таблице 4.1 представлены примеры рефлексивных технологий управления и их графическая иллюстрация.

В первую группу – *имитация рефлексивной активности* – входят технологии имитации рефлексивных структур, процессов и технологий, в частности имитация процессов принятия решений, вскрытие рефлексивного управления, вскрытие рефлексивного программирования и др. Рефлексивная активность данной группы технологий проявляется в повышении сложности субъекта управления. Это связано с актуализацией рефлексивных структур, необходимых для имитации объекта управления. Что касается сложности объекта управления в представлениях субъекта управления, то она может быть как завышена, так и занижена по отношению к реальной сложности объекта управления.

Во вторую группу – *рефлексивное управление* – входят разнообразные виды *рефлексивного управления*: простое рефлексивное управление, встречное рефлексивное управление, двойное рефлексивное управление и др. В этих технологиях наряду с увеличением сложности субъектов управления осуществляется управление сложностью объектов управления. Так, при двойном рефлексивном управлении субъект управления осуществляет вскрытие рефлексивного управления, организованного объектом, управления и, передавая ему основания для подтверждения успешности данного управления, на самом деле использует эти сведения для адекватной оценки объекта управления и формирования у него представлений об адекватности используемых им технологий.

Можно привести разнообразные примеры использования технологий рефлексивного управления в информационных войнах, в военной сфере – в работах указанных выше специалистов. В управлении руководителями стран с использованием международных «рейтинговых агентств» можно добиться того, что правительство какой-либо страны начинает стремиться в своей деятельности не к повышению

¹ Впервые попытка классификации видов рефлексивного управления была предпринята в работе: *Лепский В. Е.* О видах рефлексивного управления // Материалы 4-го Всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 371–372.

Таблица 4.1
Графическая иллюстрация рефлексивных технологий

Рефлексивная технология	Графическая иллюстрация
Имитация рефлексивной активности	$x \leftarrow \text{-----} y$
Простое рефлексивное управление	$x \longrightarrow y$
Вскрытие рефлексивного управления	$x \xrightarrow{\text{---}} y$
Встречное рефлексивное управление	$x \xleftrightarrow{\text{---}} y$
Двойное рефлексивное управление	$x \xleftrightarrow{\text{---}} y$
Блокировка рефлексии	$x \rightleftharpoons y$ с $R \downarrow$ над стрелкой
Стимулирование рефлексии	$x \rightleftharpoons y$ с $R \uparrow$ над стрелкой
Блокировка рефлексивного управления	$x \rightleftharpoons y$ с $RC \downarrow$ над стрелкой
Стимулирование рефлексивного управления	$x \rightleftharpoons y$ с $RC \uparrow$ над стрелкой
Формирование новых рефлексивных позиций	$x \rightleftharpoons y$ с $RP \uparrow$ над стрелкой
Блокировка имеющихся конкретных рефлексивных позиций	$x \rightleftharpoons y$ с $RP \downarrow$ над стрелкой
Формирование «пульсирующей рефлексии»	$x \rightleftharpoons y$ с \leftrightarrow над стрелкой
Формирование «виртуальной рефлексии»	$x \rightleftharpoons y$ с \oplus над стрелкой

геополитического статуса страны, качества и продолжительности жизни населения, а к повышению месторасположения страны в сомнительном рейтинговом списке. Интересны работы по организации рефлексивного управления в информационных войнах с террористическими организациями¹ и т. д.

¹ *Крамер З. Х., Кайзер Т. Б., Шмидт С. Е., Дависон Дж. Е., Лефевр В. А.* От предсказаний к рефлексивному управлению // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 2. С. 35–52. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2003_2.pdf (дата обращения: 27.11.2018).

В третью группу – *рефлексивное программирование* – входят разнообразные виды управления рефлексивными структурами, процессами и технологиями, в частности: блокировка рефлексии; стимулирование рефлексии; блокировка рефлексивного управления; стимулирование рефлексивного управления; формирование новых рефлексивных позиций; блокировка имеющихся конкретных рефлексивных позиций; формирование «пульсирующей рефлексии»; формирование «виртуальной рефлексии» и др.

При *блокировке рефлексии* имеет место направленность на понижение сложности объекта управления. Типичный пример разнообразных технологий блокировки рефлексии представлен в культовых организациях¹. *Стимулирование рефлексии* имеет направленность на повышение сложности объекта управления, находит широкое применение в образовательных и психотерапевтических технологиях, в управленческом консультировании, в организации поддержки управленческих решений и др. Аналогичную направленность имеют технологии *блокировки и стимулирования рефлексивного управления*, а также технологии *блокировки и формирования новых конкретных рефлексивных позиций*.

Грегори Бейтсон⁵

Весьма оригинальна *рефлексивная технология формирования пульсирующей рефлексии*, при которой у объекта управления формируются: неустойчивое состояние актуализируемой рефлексивной структуры; «пульсирующая сложность», затрудняющая организацию какой-либо целенаправленной деятельности и формирования адекватных представлений об отношениях с субъектом управления.

Такого рода технологию, которая исследовалась в контексте концепции «double bind» («двойное послание»), обнаружил Г. Бейтсон³.

- 1 *Ленский В. Е., Степанов А. М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. №2. С. 59–72.
- 2 Грегори Бейтсон (Gregory Bateson, 1904–1980) – британо-американский ученый, работы которого носят междисциплинарный характер и исследуют широкий спектр вопросов эпистемологии, кибернетики, теории информации, антропологии, социализации, теории коммуникации, экологии.
- 3 *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Двойные связи возникают, когда один из партнеров посылает другому противоположные сигналы разного логического типа.

Например, правительство развивающейся страны уверяют в искренней доброжелательности к его стране и в том, что кредиты МВФ обеспечат ей развитие, а на самом деле, попадая в кредитную зависимость и закупку чужого оборудования, страна вместо развития получает деградацию и полную экономическую зависимость. Такие технологии подробно описаны на примерах многих стран, на различных континентах. Бейтсон прямо определяет субъекта, находящегося в ситуации double bind, как «жертву».

Рефлексивная технология *формирования «виртуальной рефлексии»* связана с активными действиями объекта управления или сложившимися условиями его субъектной организованности, на основании которых объект управления становится «виртуальным субъектом», имитация рефлексивной активности которого оказывается крайне затруднительной. Эффект «виртуального субъекта» возникает в тех случаях, когда субъекту управления неизвестно, кто конкретно из субъектов, входящих в состав группового субъекта, принимает решение или определяющим образом на него влияет. Возникает неопределенность в оценке сложности объекта управления. Нами было обнаружено, что в экспериментальных игровых конфликтных взаимодействиях игрок, выигрывавший во взаимодействиях «один на один» у всех других участников игр, проигрывает во взаимодействиях «один против двоих» более слабым игрокам¹. Этот же эффект «виртуального субъекта» может объяснить важнейшее преимущество предложенной В. А. Лефевром *концепции управляемой конфронтации*². Суть в скрытом объединении двух (или более) субъектов политической деятельности при возникновении внешних угроз, более значимых, чем угрозы в их взаимодействиях. Для внешних субъектов они находятся в конфликте, при этом они заранее готовят реальные скрытые оперативные механизмы совместного взаимодействия в случае возникновения более значимых для них угроз. Такой подход позволяет им сформировать «виртуального субъекта», имитировать рефлексивную активность которого весьма затруднительно. По нашей инициативе в начале 2000-х годов нами была разработа-

- 1 *Ленский В. Е.* Субъектно-ориентированная концепция компьютеризации управленческой деятельности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2000.
- 2 *Лефевр В. А.* Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. №2. С. 48–51.

на и предложена организация управляемой конфронтации «Россия—США», ориентированной на создание оперативных механизмов скрытого объединения наших усилий в борьбе с зарождающимися мировыми террористическими организациями. Реакция со стороны США была не однозначна: представители Пентагоновских структур были «за», а Госдеп уже не видел Россию как стратегического партнера или противника. Со стороны России вообще не было проявлено интереса. Если бы тогда удалось организовать управляемую конфронтацию «Россия—США», то удалось бы избежать многих кровопролитных процессов. Сегодня Россия другая, и, возможно, имеет смысл вернуться к этим технологиям во взаимодействии с субъектами, ориентированными на гармонизацию мирового сообщества.

Развитие рефлексивных технологий существенно повлияло на совершенствование технологий управления, характерных для классической научной рациональности.

Рефлексивный анализ конкретной ситуации

Для иллюстрации специфики использования различных рефлексивных технологий проведем рефлексивный анализ гипотетической ситуации из практики разведывательной деятельности.

Описание ситуации

ВПУСКАТЬ ТОЛЬКО РЫЖИХ¹

Как доехать или дойти до Клуба журналистов Галле, знал каждый. Это вовсе не значило, что жители древнего ганзейского города на востоке Германии сверх меры почитали вторую древнейшую. Их осведомленность о местонахождении Клуба объяснялась другими причинами: в этом большом четырехэтажном здании было несколько ресторанов и ресторанчиков, каждый из которых имел свою специфику и соответствовал кошельку определенной толщины. Внизу аппетитно благоухала жареными цыплятами дешевая бройлерная, на втором этаже находились вместительный ресторан подороже и маленькая вайнштубе. О ней и пойдет речь, поэтому живописать другие достопримечательности клуба не имеет смысла.

«Вайнштубе» трудно перевести на русский одним словом. «Винница» не подходит. Здесь изысканная кухня, хорошие вина и коньяки. Водки не подают. Цены солидные, и публика тоже солидная, состоятельная. Тут почти всегда можно найти свободное место и рассла-

биться на часок-другой в атмосфере уюта, покоя и доброжелательной предупредительности, излучаемой элегантным кельнером.

Вайнштубе Клуба журналистов вмещала не более восьми столиков. У одной из стен стояло пианино. За пианино сидел старый тапер Гизе, чья память хранила всю музыку мира. Мне никогда не доводилось слышать, чтобы он в ответ на просьбу сыграть ту или иную мелодию развел руками и сказал: «Das kann ich nicht» (Я этого не умею). Публика относилась к старику и его консерваторской эрудиции с почтением. Многие пытались угощать тапера. Он охотно выпивал с заведомыми заведениями, однако пьяным его никогда не видели. Гизе был со всеми одинаково ровен в обращении, весел, остроумен.

Мы иногда использовали вайнштубе для встреч с иногородней агентурой из числа интеллигенции и деловых людей, а также для проведения других оперативных мероприятий. Об одном из них я вспоминаю всегда с улыбкой.

Надо было организовать знакомство нашего агента с объектом разработки (назовем его «Отто»), располагавшим весьма многочисленными и интересными связями на Западе. «Отто» был гурманом, меломаном и бабником. Каждую пятницу он посещал вайнштубе с одной из своих любовниц, которую угощал ужином и музыкой в исполнении старика Гизе. Познакомиться с «Отто» было поручено агенту «Клюге», асу своего ремесла. На этот случай я позаимствовал его у берлинских коллег. В назначенную пятницу «Клюге», явившись в вайнштубе и заказав ужин, должен был в присутствии объекта разработки затеять дискуссию на музыкальные темы с Гизе. В ходе этого спора ему надлежало преднамеренно допускать мелкие ляпсусы, на один из которых неизбежно клюнул бы «Отто». Человек тщеславный и хвастливый, он не упустил бы возможности блеснуть познаниями в области музыки перед своей дамой и сам пошел бы на контакт с «Клюге». Вот это и есть экстра-класс в оперативной деятельности. Когда же агент по своей инициативе прет на объекта, то тут налицо брак, грязная работа, достойная порицания.

За два часа до начала мероприятия я пришел в вайнштубе ознакомиться с обстановкой. Через минуту у моего столика возник обер-кельнер Рольф. Мы были с ним хорошо знакомы. Он давно сотрудничал с криминальной полицией и мне оказывал кое-какие мелкие услуги. Отношения наши носили официально-дружеский характер. Сделав заказ, я осведомился, много ли посетителей ожидается вечером.

— Очень много, — сказал Рольф.

1 *Ростовцев Л.* Впускать только рыжих // *Обозреватель.* 2001. № 9. С. 79–80.

– Вот как! – удивился я. – При такой погоде все должны после работы двинуть на дачи. Прогноз не предвещает дождя.

– Прогноз врет, как репортер. Правду говорит мой радикулит, – возразил кельнер. – Надвигается гроза.

И он отправился на кухню.

Радикулит никогда не обманывал Рольфа, а при плохой погоде кабаки всегда полны. Я закручинился. Если вайнштубе будет набита битком, наше мероприятие провалится. Нам нужен оперативный простор для маневра, да и каждое слово должно быть услышано. Надо срочно что-то придумывать. А если...

– Слышал новости? – спросил я, когда кельнер вернулся с подносом.

– О какой новости идет речь? – заинтересовался он.

Надо сказать, что Рольф при всем своем внешнем лоске был весьма недалеким парнем. Его домашняя библиотека состояла из трех книг: телефонной, Правил уличного движения и Библии. Вся информация о положении в стране и мире шла к нему от клиентов. Он верил в то, что ему рассказывали, и нес услышанное дальше. Как раз на его дремучести и был основан мой расчет.

– В Стокгольме, – начал я доверительно, – завершил работу Всемирный конгресс рыжих. Решением ЮНЕСКО все рыжие заносятся в Красную книгу природы.

– Это еще не все, – продолжал я. – Сегодняшний день объявлен Международным днем рыжих. Не исключено, что галльские рыжие захотят отметить свой праздник в лучших ресторанах города, в том числе здесь. Учти, что среди рыжих много влиятельных людей. Будет нехорошо, если для них не найдется свободных мест.

Рольф молча разбросал по столикам таблички с надписью «Reserviert» (заказано).

– Как ты думаешь, – спросил он, – уместно ли будет поздравить их с праздником?

– А вот это лишнее. Далеко не каждый из них гордится колером своих волос.

Я расплатился и на время покинул вайнштубе. Когда я снова вернулся туда, за окном уже шелестел дождь и погромыхивало. Рольф встретил меня у входа в зал.

– Впускаю только рыжих, – похвастался он.

– Ты умный человек, шеф, – похвалил я его. – Принеси-ка мне форелей и бокал легкого вина.

Заняв место в дальнем углу зала, я осмотрелся. Прямо передо мной маячил рыжеватый затылок «Отто», любезничавшего со своей

пассией. За другими столиками сидело еще несколько рыжих. Две дамы были явно крашенные. Вскоре появился «Клюге», полный, вальяжный сорокалетний сангвиник. У входа он притормозил, вытирая носовым платком пот с лысины, покрытой рыжеватым пухом, незаметно озираясь и оценивая обстановку. Затем проследовал к свободному столику, бросив на ходу таперу: «Bitte „Berliner Zuft“, Meister» (Пожалуйста, «Воздух Берлина», маэстро). При этом он фамильярно подмигнул Гизе, которого видел впервые. Тот, привыкший ко всему, поднял руки над клавиатурой, и зал от плинтусов до плафона наполнила бравурная, ликующая мелодия. «Отто» оглянулся и обратил внимание на «Клюге». Игра началась.

Нормальная агентура не любит, когда опер-работник наблюдает за тем, как она выполняет задание. Но «Клюге» был артистом своего ремесла. Он нуждался в публике, и этой публикой должен был стать я.

Агент работал талантливо. Он все сделал на уровне мировых стандартов. Я ушел домой, когда «Клюге» уже пил на брудершафт с «Отте», а девица последнего хохотала, задыхаясь и повизгивая от острот агента.

«Клюге» позвонил мне на следующее утро и сказал только одну фразу: «Die Sache ist gelaufen!» На русском это означает нечто среднее между «дело в шляпе» и «процесс пошел». Забегая вперед, скажу, что разработка, начатая в Клубе журналистов, завершилась через год вербовкой источника информации на Западе.

А я спустя пару дней навестил Рольфа в его заведении. Кельнер был хмур и обслуживал меня подчеркнуто официально.

– Ты чем-то недоволен, шеф? – полюбопытствовал я.

– Скажи по честному, для чего тебе понадобилась вся эта канитель с рыжими? – спросил он.

– Ах, ты вот о чем! Это был обычный розыгрыш. Ничего более. Прости, если обидел. Кстати, я принес тебе кое-что. Вот, взгляни-ка. Механическая бритва. Незаменимая вещь в твоём бунгало, где, если я не ошибаюсь, нет электричества.

Рольф принял подарок и рассыпался в благодарностях.

Рефлексивный анализ текста

Анализ данного текста позволяет выделить два «рефлексивно насыщенных» фрагмента. Первый связан с организацией встречного движения объекта вербовки к агенту. Второй фрагмент связан с нейтрализацией непредвиденных обстоятельств, затрудняющих вербовку.

Рефлексивный анализ фрагмента «Вербовка». Для рефлексивного анализа данного фрагмента текста введем следующие обозначе-

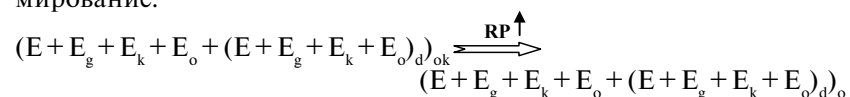
ния для участников взаимодействия: Отто – О, Ключе – К, Гиз – G, Дама – D.

В данном фрагменте, описана целостная рефлексивная операция, в которой можно выделить четыре взаимосвязанных рефлексивных действия.

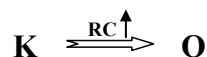
Действие 1. Формирование рефлексивной структуры у Отто, в которую были бы включены Гиз, Ключе, Дама и Отто. Иными словами, рефлексивное программирование, которое осуществляется через организацию дискуссии между Ключе и Гизом на интересующую Отто тему. Привлечение внимания Отто.

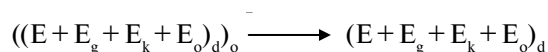
Действие 2. Введение некорректных высказываний стимулирует Отто к вмешательству в дискуссию, которое позволит также «поднять себя» в глазах Дамы, т. е. снова организуется рефлексивное программирование.

Действие 3. На основе сформированной рефлексивной структуры у Отто провоцируется возможность организации им рефлексивного управления Дамой, с целью формирования позитивных представлений о себе. Иначе говоря, организуется двойное рефлексивное управление рефлексивным управлением, которое мог бы организовать Отто.

Действие 4. Организация Отто рефлексивного управления Дамой, с целью формирования позитивных представлений о себе.

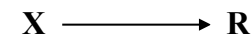
Графическая схема данной рефлексивной операции может быть представлена в следующем виде:

- 1) $K \xrightleftharpoons{RP \uparrow} O$
- 2) $K \xrightleftharpoons{RC \uparrow} O$
- 3) $O \longrightarrow D$

В результате организации такой рефлексивной операции становится потенциально возможной «мягкая вербовка» Отто при встречном движении с его стороны.

Рефлексивный анализ фрагмента «Нейтрализация непредвиденных обстоятельств». Для рефлексивного анализа данного фрагмента текста введем следующие обозначения для участников взаимодействия: Первое лицо – X, Рольф – R.

В данном фрагменте первым лицом организована рефлексивная операция, в которой используется простое рефлексивное управление. Первое лицо формирует у Рольфа нужную ему цель: «Впускать только рыжих».

Успешно проведенное рефлексивное управление позволило успешно выполнить всю задуманную операцию.

Рефлексивный анализ 36 китайских стратагем

Термин «стратагема» в западноевропейской традиции восходит к древним грекам, которые использовали его для обозначения военного дела вообще и военной хитрости в частности. Римский полководец Секст Юлий Фронтин создал в I в. н. э. капитальный труд «Stratagemata» (множественное число от stratagema), посвященный хитроумным стратегиям в военных конфликтах¹.

Стратагемный подход – это древняя линия развития дальневосточной традиции, ведущая свое начало от создателя «Дао-дэ-цзина» Лао-цзы и гениального стратега Сунь-цзы (VI в. до н. э.).

Аналогично и параллельно непрерывному совершенствованию дальневосточных боевых искусств физического нападения и защиты в этом регионе развивалось и кристаллизовалось также и особое искусство нападения и защиты – информационно-психологическое. Искусство, ставшее феноменом дальневосточной культуры, феноменом мирового значения.

Стратагемное поведение и мышление как особый феномен, порожденный в рамках той или иной культуры, характеризуется особым видением и чуткостью, реактивностью и активностью ее носителей, их направленностью на выживание и развитие в условиях, когда субъект деятельности обладает весьма ограниченными материальными, энергетическими и информационно-психологическими ресурсами; когда он вынужден существовать и действовать в условиях жесткой и порой жестокой социально-экономической конку-

1 *Бириштейн Б. И., Боршевич В. И.* Стратагемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 27–44.

ренции. Тот, кто умеет применять стратагемы, может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир, может вызвать гром среди ясного неба, превратить бедность в богатство, презрение в почтение и безнадежную ситуацию в выигрышную.

К настоящему времени со своими специфическими особенностями стратагемный подход сформировался в различных странах, среди которых следует выделить Китай, Японию, Россию, Германию и США.

Наиболее сильно стратагемная проблематика заинтересовала американских аналитиков и западноевропейцев в XX в., когда носители западноевропейской цивилизации «лоб в лоб» столкнулись с носителями дальневосточных культурных традиций на полях империалистических и экономических войн.

Военные аналитики и военные, политологи и политики, экономисты и бизнесмены, культурологи и философы Запада столкнулись с необычным явлением, точнее — культурным феноменом огромной значимости. Они столкнулись с трудноуловимой, но отточенной веками системой информационно-психологического нападения и защиты, выматывания партнеров, малопонятной, но чрезвычайно эффективной методологией анализа и планирования деятельности, с ускользающими от ясного понимания мотивацией, логикой действий и даже этической системой. Несмотря на изучение классиков китайской философии и литературы, а также несмотря на систематическое изучение китайской и японской культуры в «полевых условиях» — в социальной жизни, политике, экономике и образовании, вышеназванный феномен продолжал ускользать из исследовательских сетей.

В России анализ стратагемной мысли как феномена дальневосточной культурной традиции был заложен в 1950-х годах в трудах академика Н. И. Конрада. Его переводы, и особенно комментарии к древнекитайским трактатам «Сунь-цзы» и «У-цзы», являют собой образец редчайшего для представителя западноевропейской культуры проникновения в непривычный и исключительно сложный по своей психологической и ментальной специфике мир стратагемного мышления китайцев и их соседей по региону.

С появлением в свет работ В. А. Лефевра и его единомышленников, посвященных проблемам рефлексивного управления, анализ стратагем приобрел новую методологию и теоретическое обоснование. В ряде работ по рефлексивным исследованиям стратагемы

представлены как «техническое оформление приемов рефлексивно-го управления». Специалисты по стратагемному анализу с не меньшим основанием могли бы определить рефлексивное управление как важнейший элемент стратегического (стратагемного) информационно-психологического нападения и защиты. И в этом нет никакого противоречия, потому что области рефлексивного управления и традиционной стратагемике весьма сильно пересекаются.

Разнообразный арсенал приемов рефлексивного управления как приемов планирования и инициации логической и психологической мотивации субъектов вкупе с контролем и противодействием аналогичным атакам контрагентов в рамках рефлексивного подхода получает качественно новое осмысление и развитие. Именно этим обусловлен широкий интерес психологов, политологов, социологов, менеджеров, военных и других исследователей к рефлексивному подходу, который в настоящее время приобретает статус междисциплинарного.

Для рефлексивного анализа стратагем воспользуемся дополнительно упрощенной схемой принятия решения субъектом X, предложенной В. А. Лефевром¹.

$$\frac{C_x}{E_x} P_x \supset \frac{R_x}{E_x},$$

где E_x — представление субъектом X реальной среды, C_x — цель субъекта X, P_x — процедура принятия решения субъектом X, а R_x — принятое решение.

Результаты проведенного нами рефлексивного анализа 36 китайских стратагем представлены на рисунке 4.1 и в таблице 4.2.

Для всех стратагем можно найти примеры реализации в европейской и российской социальных практиках. Это говорит о наличии инвариантных межкультурных технологий².

Вместе с тем предпочтение в использовании отдельных технологий безусловно должно иметь место, с учетом культурологических особенностей.

1 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967.

2 *Воеводин А. И.* Стратагемы — стратегии войны, манипуляции, обмана. 2-е изд., доп. М.: Белые альвы, 2003; Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Пер. с кит. В. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000; *Харро фон Зингер.* Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1. М.: Эксмо, 2004.

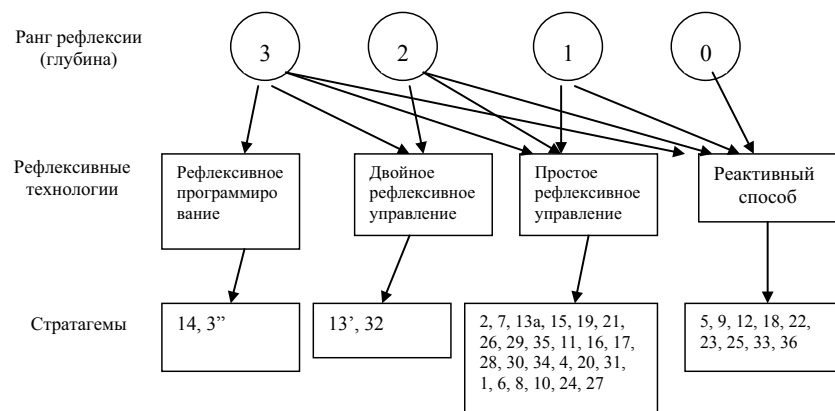

Рис. 4.1. Рефлективная интерпретация 36 китайских стратагем

Таблица 4.2
Рефлективные технологии,
используемые в 36 стратагемах

Рефлективная технология		Ранг рефлексии			
Тип	Схема	3	2	1	0
Реактивный способ принятия решений	$E_x \Rightarrow P_x$				5, 9, 12, 18, 22, 23, 25, 33, 36
Простое рефлективное управление	$(X \rightarrow Y): \{(E_{yx} \Rightarrow E_y)\}$			2, 7, 13 (вариант скрытого воздействия), 15, 19, 21, 26, 29, 35	
	$(X \rightarrow Y): \{C_{yx} \Rightarrow C_y\}$			11, 16, 17, 28, 30, 34	
	$(X \rightarrow Y): \{P_{yx} \Rightarrow P_y\}$			4, 20, 31	
	$(X \rightarrow Y): \{C_{xy} \Rightarrow C_{xy}\}$		1, 6, 8, 10, 24		
	$(X \rightarrow Y): \{(E_{xyx} \Rightarrow E_{xy}), (C_{xyx} \Rightarrow C_{xy}), (P_{xyx} \Rightarrow P_{xy})\}$		27		
Двойное рефлективное управление	$(X \rightarrow Y): \{(X \rightarrow Y)_x \Rightarrow (X \rightarrow Y)_y\}$		13 (вариант явного воздействия), 32		
	$(X \rightarrow Y): \{(E_{yx} \Rightarrow E_y)_{yx} \Rightarrow (E_{yx} \Rightarrow E_y)_y\}$				
Рефлективное программирование через третьих лиц	$(X \rightarrow Y): \{E_{(z+x+zx)yx} \Rightarrow E_{(z+x+zx)y}\}$	14			
	$(X \rightarrow Y): \{(X \rightarrow Z) \Rightarrow E_y\}$			3 (вариант скрытого воздействия)	

Примеры рефлективной интерпретации стратагем¹

1. Простое рефлективное управление. $(X \rightarrow Y): \{(E_{yx} \Rightarrow E_y)\}$
Стратагема № 2. «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао»: атака в лоб не всегда эффективна. Концентрация противника на одном направлении истощает его ресурсы на другом.

Пример. Легенда. Войска противника напали на город Чжао. Как его спасти? Можно прийти на помощь осажденному городу. Но можно напасть на столицу врага, где нет войск, так как все они в походе. Выбираем второй путь. Противник снимает осаду с города и идет на помощь собственной столице. Либо продолжает осаду, теряет свою столицу, не захватив город противника, и терпит поражение.

Стратагема № 15. «Сманить тигра с горы на равнину»: предпринять такие действия, в результате которых противник утратит некоторые свои преимущества: преимущество своего положения, выгодную местность, базы, статус, помощников, ресурсы.

Пример. В полемике. Противника уводят в ту область знаний, где он заведомо некомпетентен и компрометируют его, делая его некомпетентность явной.

2. Простое рефлективное управление. $(X \rightarrow Y): \{C_{yx} \Rightarrow C_y\}$
Стратагема № 11. «Сливовое дерево засыхает вместо персикового»: стратагема принесения в жертву.

Пример. Англия. Вторая мировая война. Англичане получили ключ к секретным немецким шифрам. Эта возможность дает значительные стратегические преимущества. Но из одной шифровки становится известно о предстоящей бомбардировке английского населенного пункта. Что делать? Если принять меры к отражению налета, станет ясно, что англичане имеют доступ к зашифрованной немецкой переписке и коды будут сменены, если ничего не предпринимать – погибнут люди. Решения принято: ничего не предпринимать для сохранения канала поступления информации.

3. Простое рефлективное управление. $(X \rightarrow Y): \{P_{yx} \Rightarrow P_y\}$
Стратагема № 20. «Ловить рыбу в мутной воде»: воспользоваться противоречиями в лагере врага, извлечь преимущества из его

1 Описание стратагем и примеры взяты в основном из работы: *Воеводин А. И.* Стратагемы – стратегии войны, манипуляции, обмана. 2-е изд., доп. М.: Белые альфы, 2003.

слабости и отсутствия постоянства. Для того чтобы ослабить войско врага, надо лишить его единства, сплоченности, управляемости.

Пример. Соединенные Штаты Америки, Гражданская война Севера и Юга 1861–1865 гг. Экономика Юга во многом основана на рабском труде негров. Президент США Авраам Линкольн принимает закон, согласно которому рабство в США отменяется с 1 января 1863 г. Негры поднимают голову, южане получают дополнительные проблемы: кроме войны с северянами надо усмирять собственных рабов.

4. Простое рефлексивное управление. $(X \rightarrow Y): \{C_{xyx} \Rightarrow C_{xy}\}$

Стратегема № 6. «На востоке поднимать шум, на западе наступать»: скрыть истинное направление агрессии, место нанесения удара.

Пример. 22 июня 1941 г. Германия нападает на Советский Союз. Советское руководство знало о передвижении немецких войск, неоднократно предупреждалось собственными спецслужбами и перебежчиками, но оказалось обманутым. Германия уже воевала с Англией, ее подводные лодки бороздили все океаны, а танки стреляли в Африке. Только что закончилась кровопролитная операция за Крит, в которой Германия потеряла половину своих парашютистов. Всем известно, это классика, что Германия не может воевать на два фронта одновременно. Кроме того, с ней заключен договор о ненападении. Помимо этого, известно о планах скорого десанта в Англию. Кроме того, Вермахт не имеет зимнего обмундирования, его боевая техника не готова к войне в зимних условиях, а запасы топлива и боеприпасов недостаточны для проведения затяжной войны на Востоке. Для руководства СССР начало войны является полной неожиданностью.

Стратегема № 8. «Для вида чинить мостки, втайне выступить в Ченьцань»: убедить врага в том, что он правильно оценивает твои планы и неожиданным, нестандартным маневром победить его.

Пример неудачного использования данной стратегемы. В годы холодной войны спецслужбы США организовали утечку информации об имеющихся якобы планах строительства в американских пустынях подземных ракетных тоннелей. По тоннелям будут перемещаться ракетные поезда. Шахт для пуска очень много, тоннели — длинные. Откуда полетят ракеты — непонятно. Уничтожить систему невозможно. В СССР действительно поверили в возможность подобного решения и сделали ответный ход. Только тоннели строить не стали. Построили советские ракетные поезда.

5. Рефлексивное программирование. $(X \rightarrow Y): \{E_{(z+x+zx)yx} \Rightarrow E_{(z+x+zx)y}\}$

Стратегема 14. «Позаимствовать труп, чтобы вернуть душу»: использовать для решения новых проблем известные ранее способы, идеи, средства, лидеров.

Пример. Во время второй мировой войны по приказу Сталина был снят фильм «Александр Невский», в котором русское войско разгромило немецких псов-рыцарей на Чудском озере. С 1943 г. в армии вновь были введены погоны. До этого времени знаки различия в Красной армии находились на петлицах, а сами погоны считались отличительным признаком белогвардейцев. В ходе Великой Отечественной войны Русская православная церковь, почти под корень уничтоженная Коммунистической партией Советского Союза в двадцатые—тридцатые годы, вновь начинает играть значительную роль в жизни страны.

Выводы

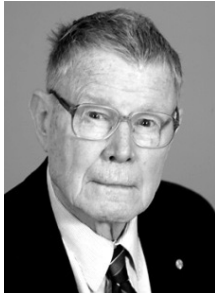
Проведенный рефлексивный анализ 36 китайских стратегем позволил идентифицировать стратегемы с рефлексивными технологиями. Спектр рефлексивных технологий превышает технологические возможности стратегем, что позволяет сделать вывод о потенциальной возможности нейтрализации стратегем и переводе конфликтных ситуаций (манипулятивных воздействий стратегем) в партнерские отношения.

Для оперативного выявления и прогнозирования потенциальных возможностей использования стратегем целесообразна разработка специализированных программных средств, позволяющих по информативным признакам ситуаций взаимодействия выявлять возможности актуализации стратегем и предлагать адекватные рефлексивные технологии.

4.3.3. Игровой подход в информационных войнах

Существенный вклад в развитие игрового подхода был сделан Т. К. Шеллингом, которому была присуждена Нобелевская премия по экономике за 2005 г. с формулировкой «за расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр».

Т. Шеллинг — один из первых западных исследователей, понявших, что для понимания международного конфликта непри-

Т. К. Шеллинг¹

годна модель игры с нулевой суммой (когда выигрыш одного участника непременно означает точно такой же по масштабам и ценности проигрыш для другого, ибо интересы сторон полностью противоположны).

Исследователь должен исходить из предположения о том, что международным отношениям присуще не только противоборство, но и взаимозависимость. Это означает, что даже в ситуации конфликта взаимодействующие стороны имеют общий интерес в достижении взаимно выгодных результатов. Отсюда следует, что на основе взаимных ожиданий (вполне обоснованных с точки зрения рационального поведения участников) возможен компромисс между сторонами конфликта, что предполагает и делает возможным сотрудничество. Шеллинг предложил новый тип точек равновесия, которые в описании игры формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако с точки зрения реальных игроков более вероятны, чем остальные. Шеллинг назвал такие точки равновесия фокальными². Он, вероятно, одним из первых заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента, какой стратегии надо следовать, — иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить стратегический характер. Фактически речь идет о взаимном рефлексивном моделировании участниками взаимодействия. В работах Шеллинга четко просматривается гуманистическая ориентация направленности от конфликта к сотрудничеству. Однако в конкретных рекомендациях, касающихся международных отношений, его позиция неоднозначна. Книга Шеллинга создавалась и увидела свет в период наиболее острого противоборства эпохи холодной войны, и поэтому многие ее выводы сделаны с позиций «образа врага», грешат односторонностью и предвзятостью.

Вместе с Шеллингом ту же Нобелевскую премию по экономике получил и И. Р. Дж. Ауманн, который обосновал понимание равно-

1 Томас Кромби Шеллинг (р. 1921) — американский экономист. Исследовал проблематику контроля за вооружением, энергетической и экологической политикой, предотвращения терроризма, борьбы с наркотиками и т. д. Автор нескольких работ по теории конфликтов; ввел понятие фокальной точки в работе «The Strategy of Conflict» (1960).

2 *Shelling T. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mas., 1963.*

И. Р. Дж. Ауманн¹

весия в играх как предельного результата сложных процессов социального взаимодействия, причем результат этот оказывается кооперативным, т. е. максимизирующим возможное благосостояние всех участников. Принципиальным вкладом Ауманна в науку является понятие «общего знания». Некоторый аспект интерактивного взаимодействия субъектов является общим знанием, если все участники знают, что этот аспект имел место, и знают, что они располагают такой информацией, т. е. знают, что знают этот аспект, знают, что они знают, что они это знают, и т. д. до бесконечности. Важно отметить, что Ауманн допускал интерпретацию «общего знания» не как нормативного (как то, что игроки должны знать о тех или иных аспектах игры), а как позитивного — описания того, что они знают в каждый конкретный момент игры.

Фактически Ауманн ввел в анализ конфликтов рефлексивные процессы, имеющие место в интерактивном взаимодействии участников. Линию доминирования коллективных интересов над индивидуальными Ауманн последовательно воплощал не только в научных исследованиях, но и в жизни.

А. Б. Рапопорт²

Ауманн консультировал Агентство США по контролю за вооружениями и разоружением.²

Значительный вклад в представление о рациональности в контексте теории игр внес А. Рапопорт, который большое внимание уделил исследованию одной из важных задач теории игр, связанной с «дилеммой заключенного». Суть ситуации в следующем. Арестованы два человека. Свидетельств, достаточных для обвинения

1 Израэль Роберт Джон Ауманн (р. 1930) — израильский математик. Нобелевская премия присуждена за выдающийся вклад в понимание и анализ теории конфликтов и сотрудничества, разработанной на основе теории игр.

2 Anatol Rapoport (Анатолий Борисович Рапопорт, 1911—2007) — американский философ русского происхождения, биолог, психолог, представитель философского операционализма. Получил широкую известность благодаря исследованиям в области проблем общей теории систем, анализа связей между языком, мышлением и деятельностью, применения теории игр для психологического анализа, а также разработки математических моделей решения конфликтов.

в краже, нет, но имеются изъятые украденные вещи. Каждому отдельно разъясняют ситуацию. Если сознаются оба, то срок за кражу будет сокращен. Если ни один не сознается, то оба будут осуждены за хранение краденных вещей и приговорены к меньшему сроку, чем за кражу. Если сознается кто-то один, то он будет освобожден, а другой получит полный срок за кражу. Эта дилемма привлекла внимание социальных психологов к вопросу о различии между индивидуальной и коллективной рациональностью в реальной жизни. Если в переполненном зале случается пожар, то с точки зрения индивидуальной «рациональности» каждый должен стремиться как можно быстрее добраться до выхода. Но в результате этих индивидуальных действий могут погибнуть все. В современной геополитике это индивидуальное искушение называют «превентивным ударом». Однако совершенно ясно, что для обоих было бы лучше, если бы каждый отказался от мысли о превентивном ударе и поверил в такое же намерение другого¹.

Важно отметить, что Рапопорт не только опирался на гуманистические основания при развитии игрового подхода, но и последовательно ими руководствовался в своей научной и практической деятельности. Он был президентом «Канадской ассоциации исследований проблем мира» (1972–1975 гг.), а также президентом общества «Наука за мир» (1984–1986 гг.)².

Весомый вклад в развитие игрового подхода внесли В. А. Лефевр с учениками, это проявилось в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности. В 1969 г. была построена формальная модель генерации высших ценностей в подобных ситуациях³. Авторы предположили, что каждый субъект является локальным центром социального организма и что ценности других членов группы влияют на его ценности.

- 1 Рапопорт А. Б. Что такое рациональность? // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 23–47. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 23.02.1019).
- 2 Лепский В. Е., Дружный Б. М., Соболев Е. Ю. Гуманистические основания в совершенствовании технологий сотрудничества и противоборства // Информационные войны. 2013. № 2. С. 25–34.
- 3 Лефевр В. А., Баранов П. В., Лепский В. Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Известия академии наук СССР. Техническая кибернетика. 1969. № 4. С. 29–33.

Лефевром была создана также формальная модель для выявления склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту и введено понятие двух этических систем¹.

Эта работа исходно опиралась в значительной степени на гуманистические основания, но ее результаты нашли применение в сфере информационных войн. Приведем примеры. Предложенные Лефевром модели этических систем изначально сопровождалась иллюстрацией, в которой у граждан США доминирует первая этическая система (ради добра нельзя совершать зло), а у граждан СССР – вторая этическая система (цель оправдывает средства). Как с позиции такого рода оценки высокой этичности США можно объяснить их действия в Югославии, Ираке, Африке и др.? Из анализа их очевидно следует, что поведение США (как субъекта) укладывается исключительно в рамки второй этической системы. Можно возразить, что граждане и власть – это не одно и то же. Согласимся, однако США считаются страной развитой демократии, где власть выбирают граждане. Эти же модели были использованы для обеспечения переговоров по ядерному разоружению в Рейкьявике, которые сопровождалась мощной поддержкой информационного противоборства со стороны США и имели последствия некорректного продвижения НАТО на Восток. За участие в консультировании этих переговоров автор модели этических систем (как гражданин США) был награжден Грамотой посла США в СССР.

Существенный вклад в развитие игрового подхода был внесен многими отечественными специалистами по теории игр и исследованию операций.

Роль взаимной информированности сторон, наряду с эффектами рефлексии, находится с конца 1960-х годов в центре внимания отечественной научной школы Ю. Б. Гермейера² и его сотрудников³ (теория иерархических игр).

На основе анализа поведения фантомных агентов, существующих в представлениях других реальных или фантомных агентов, Д. А. Новикову и А. Г. Чхартишвили удалось предложить в качестве решения рефлексивной игры инфор-

- 1 Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.
- 2 Гермейер Ю. Б. Игры с непротивоположными интересами. М.: Наука, 1976.
- 3 Ерешко Ф. И. Моделирование рефлексивных стратегий в управляемых системах. М.: ВЦ РАН, 2001.

мационное равновесие, которое является обобщением ряда известных концепций равновесия в некооперативных играх¹.

Т. А. Таран провела расширение пространства моделирования выбора с учетом рефлексивных представлений до многозначных логик² и др.

Учет рефлексивных аспектов в теории игр и исследовании операций применительно к военным операциям нашел свое отражение в работах В. В. Дружинина, Д. С. Конторова, М. Д. Ионова³, Н. И. Турко, С. А. Комова, Ф. С. Чаусова, В. Л. Махнина, С. П. Расторгуева и др.

Анализ специфики учета рефлексивного управления в отечественной и американской военной сфере проведен в работе Т. Томаса⁴.

В контексте неклассической научной рациональности проблема учета рефлексивной активности вошла в круг первоочередных проблем управленческой тематики в информационных войнах, что связано с использованием в управлении базовой парадигмы «субъект–субъект», а также с переходом от деятельностного к субъектно-деятельностному подходу. Были разработаны разнообразные рефлексивные технологии управления субъектами, в которых реализованы разнообразные механизмы управления рефлексивной активностью субъектов и объектов управления.

4.3.4. Сетевые технологии в информационных войнах

При переходе от классической к неклассической научной рациональности происходит смена системообразующего фактора. В классической научной рациональности доминировал деятельностный подход, в фокусе внимания которого — деятельностная активность, а *цель* является главным системообразующим фактором иерархических структур. В неклассической научной рациональности доминирует субъектно-деятельностный подход, при котором в фокусе оказывается коммуникативная активность, а *сетевая организация* становится

- 1 Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Рефлексивные игры. М.: Синтег, 2003.
- 2 Таран Т. А. Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. 2001. № 10. С. 103–117.
- 3 Ионоу М. Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика: Специальный выпуск / Под ред. В. Е. Лепского. 1994. № 1. С. 44–45.
- 4 Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 71–89.

ся главным системообразующим фактором и оказывает существенное влияние на процессы целеобразования.

В аналитике неклассической научной рациональности конкурирующей начинает выступать такая установка, как отход от нормированного, формализованного опыта к сетевой системе субъектных миров, определяющей виртуальную реальность мира. При этом целостность управления определяется не только целевой основой деятельности, но также за счет сетевой организованности субъектных миров.

Базовая парадигма неклассической научной рациональности «субъект–субъект» оказалась органично связанной с сетевой проблематикой, которая нашла свое отражение практически во всех областях науки и практики: в военной сфере это сетцентрические войны, в экономике — сетевой подход и агентное моделирование, в сфере политики и социального управления — сетевые сообщества¹ и др.

Конвергенция сетевых и иерархических механизмов управления способствует повышению качества и безопасности управления. Причем в центре внимания проблематики безопасности оказываются субъекты².

В контексте этических представлений создаются предпосылки для гармонии этических представлений, преодоления установки «цель оправдывает средства»³.

Естественно, что технологии управления сетевыми структурами попадают в состав важнейших в информационных войнах в контексте неклассической научной рациональности.

В 1992 г. сотрудниками корпорации RAND Джоном Арквиллой и Дэвидом Ронфельдом в качестве модели будущих конфликтов была предложена концепция кибервойны, в которой ключевое значение будет придаваться проведению информационных опера-

- 1 Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество. 2012. № 1. С. 65–75.
- 2 Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.
- 3 Лепский В. Е. Доминирующие этические установки в различных типах научной рациональности и их отражение в моделях В. А. Лефевра // Научно-техническое развитие и прикладная этика / Отв. ред. В. Г. Горохов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2014. С. 181–200. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy-2014c.pdf> (дата обращения: 26.08.2018).

ций, а структура воинских подразделений будет строиться на сетевой, а не на иерархической основе. Это, по замыслу авторов, должно придать им большую автономность и свободу в принятии решений в быстро изменяющихся условиях современных военных действий. Параллельно этими же авторами была выработана концепция сетевой борьбы для описания менее интенсивных и менее военизированных конфликтов. Основными действующими лицами сетевой борьбы считались террористические сообщества, криминальные и радикальные группировки, которые, во-первых, уже обладали сетевой внутренней структурой, а во-вторых, за счет использования коммуникационных технологий могли бы проводить скоординированные действия на значительном расстоянии между исполнителями и управляющими элементами¹.

Сетевые технологии в информационных войнах стали разрабатываться и применяться в основном по двум направлениям: борьба с сетевыми террористическими организациями и управление социальными сетями в Интернет для «ненасильственного» свержения неугодных режимов.

Сетевые террористические организации. Со второй половины 1990-х годов правительства, военные специалисты и специалисты в области борьбы с терроризмом начинают проявлять повышенный интерес к концепции сетевой организации. Как очень быстро выяснилось, борьба с террористическими, преступными и экстремистскими группировками, связанными в разветвленные структуры без наличия четкого лидера, оказалась весьма затруднительной. К числу эффективно действующих группировок можно отнести палестинский ХАМАС, мексиканское движение Сапаты, движение американских христианских патриотов в США, британскую организацию ALF, Братья мусульмане и др. Интересно отметить, что, например, ХАМАС оказывается более эффективным в своих действиях, чем Организация освобождения Палестины, строящаяся по классическому иерархическому принципу, а многочисленные и успешные действия Израиля по ликвидации активистов этого движения не только не привели к ликвидации ХАМАС, но и не снизили волну террора в этой стране.

Актуальность осмысления нового облика терроризма многократно возросла после проведения 11 сентября 2001 г. терактов в Нью-Йор-

¹ Бедрицкий А., Змеевский А., Лепский В., Лыженков А., Петрищев В., Фёдоров А., Успенский Н. Супертерроризм: новый вызов нового века. М.: Права человека, 2002.

ке и Вашингтоне, что способствовало увеличению внимания к технологиям управления сетевыми организациями.

Сетевая организация базируется на трех основополагающих принципах¹. Во-первых, взаимоотношения в организации носят неформальный характер, при этом каждый член группы может играть ту роль, которая отвечает поставленным на данный момент задачам. Структура организации становится гибкой, способной адаптироваться к конкретным задачам. Горизонтальным связям между элементами группы придается гораздо большее значение, чем вертикальным. Во-вторых, наличие внутренней организационной сети дополняется неформальными связями членов организации с частными лицами, не принадлежащими организации, которые даже помимо своей воли могут вовлекаться в деятельность сетевой террористической организации. Иначе говоря, члены сетевой организации, занимая определенное место в социальной и государственной иерархии, могут использовать это обстоятельство для привлечения на свою сторону или использования других людей (например, должностных лиц).

В-третьих, внутренние и внешние связи не регламентируются формальными рамками и обязанностями, в их основе лежат, скорее, общие ценности и нормы поведения, разделяемые причастными к группе лицами. Внутри организаций деятельность осуществляется самоуправляемыми группами, в то время как внешние связи могут строиться и по общепринятым социальным нормам, и даже в соответствии с законодательством тех стран, на территории которых функционирует организация. Таким образом, формальные признаки террористической или криминальной деятельности могут отсутствовать до того момента, когда организация начнет проявлять себя активно.

Поскольку террористические организации оказываются более гибкими, чем государственные институты, в вопросах внедрения технических инноваций, они получают явные преимущества в проведении хорошо скоординированных комплексных операций, что крайне затрудняет использование технологий управления такими организациями.

В качестве недостатков сетевой структуры следует отметить трудность принятия стратегических решений, требующих консолидированных и скоординированных действий различных элементов.

Социальные сети. Массовое распространение социальных сетей в Интернете началось с 2000-х годов.

¹ Там же.

Мы заранее предупреждали о потенциальных угрозах в социальных сетях, необходимости разработки проблем безопасности и подготовки модераторов¹. К сожалению, к нашему мнению не прислушались, что имело ряд негативных последствий, связанных с возникновением социальной нестабильности.

В последнее время социальные сети все чаще и чаще становятся ареной информационных противоборств. Отечественными исследователями была предпринята попытка систематизировать математические модели, касающиеся информационного влияния, управления и противоборства в социальных сетях². Интересное исследование провели сотрудники института Ренсселира (Rensselaer)³. В своих работах они обнаружили, что когда 10% некоторого социума захвачено определенной идеей, то оставшееся большинство достаточно быстро заражается этой идеей. Информационное изменение состояния данного сообщества происходит скачкообразно. Если критическая масса менее 10%, то изменений практически не происходит. Значение 10% было названо «точка перелома» (tipping point). В основе модели были рассмотрены социальные процессы в виде графа, вершиной которого был человек, а ребрами — информационное взаимодействие между людьми. Далее осуществлялось моделирование и исследовалась динамика переходного процесса. Предложенная модель была связана с социальными процессами, произошедшими в Тунисе и Египте, когда революции координировались с помощью социальных сетей и абсолютное меньшинство вызвало коренные изменения.

В России можно было наблюдать массовые социальные процессы, организованные при помощи социальных сетей, в декабре 2010 г.

Технологии управления сетевыми сообществами постоянно совершенствуются, резко возрастает их финансирование, создаются масштабные структуры по их применению. Социальные сети становятся передовой информационных войн.

1 *Лепский В. Е., Рапуто А. Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_Raputo1999.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

2 *Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010.

3 URL: <http://scnarc.rpi.edu/content/minority-rules-scientists-discover-tipping-point-spread-ideas> (дата обращения: 08.11.2018).

4.3.5. Выводы

Рассмотренные в контексте неклассической научной рациональности технологии управления в информационных войнах в значительной степени получили свое развитие благодаря исследованиям российских (советских) специалистов. В настоящее время к такого рода технологиям предъявляются повышенные требования в связи с использованием в западных военных системах ускоренного принятия решений на основе циклов Бойда. Необходима разработка технологий быстрой оценки и реагирования на изменения среды, быстрой выработки управляющих воздействий. Для этого требуется повышение уровня автоматизации такого рода технологий, насыщения их элементами искусственного интеллекта и подготовка нового поколения специалистов ведения информационных войн. В последние годы нарастает интерес зарубежных исследователей по системному анализу и кибернетике к рефлексивной проблематике в информационных войнах¹, что требует от России адекватного ответа. Решение этих задач без возрождения российской науки и образования крайне затруднительно, а их возрождение потребует значительных финансовых вложений и времени. Как следствие, параллельно с возрождением науки и образования целесообразно использовать отечественный опыт институтов генеральных конструкторов и западный опыт создания структур для высокотехнологичных разработок в интересах оборонной тематики, создать современные структуры интенсивной разработки технологий управления в информационных войнах, которые позволят обеспечить уровень безопасности страны, адекватный сложившимся мировым реалиям.

В качестве недостатков сетевой структуры следует отметить трудность принятия стратегических решений, требующих консолидированных и скоординированных действий различных элементов. Эти недостатки могут быть преодолены при переходе к рассмотрению постнеклассической научной рациональности, при создании саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, в которых появится гибкое сочетание иерархических, сетевых и ориентированных на целостность средовых механизмов.

1 *Müller K. H.* The Multiple Faces of Reflexive Research Designs // *Systemics, Cybernetics and Informatics*. 2015. V. 13. № 6. P. 87–98; *Umpleby S. A.* Second order science: logic, strategies, methods // *Constructivist Foundations*. 2014. V. 10. № 1. P. 16–23.

4.4. ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ (ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ)

4.4.1. Специфика информационных войн в контексте постнеклассической научной рациональности

Постнеклассическая научная рациональность, обладая своей спецификой, является также рамочной по отношению к классической и неклассической научной рациональности. Как следствие, специфика понимания информационных войн в контексте постнеклассической научной рациональности включает понимание, сложившееся в классике и неклассике и вводит новые аспекты, связанные с преодолением ограничений присущих им парадигм.

В центре внимания оказывается парадигма «субъект—полисубъектная саморазвивающаяся среда» («субъект—метасубъект»). Как следствие, расширяется спектр объектов воздействия (традиционные ценности, культура, идентификационные процессы, сложившиеся формы жизнедеятельности, механизмы управления и др.), расширяется спектр технологий управления (управляемого хаоса, мягкой силы, несилowych форм свержения режимов и др.), комплексно используются разнообразные виды войн (информационные, силовые, экономические и др.)¹.

Последствия информационных войн начала XXI в. оказались катастрофическими для многих государств и народов². Очевидна слабая защищенность суверенных государств и отсутствие в мировом сообществе эффективных механизмов противодействия современным информационным войнам³.

Актуальна проблема разработки философско-методологического обеспечения, адекватного новым реалиям информационных войн и современных технологий управления в информационных войнах.

1 *Гареев М. А.* Характер будущих войн // *Право и безопасность*. 2013. № 1–2. URL: http://dpr.gu/pravo/pravo_5_4/htm (дата обращения: 30.02.1018).

2 *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А.* Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический ин-т—Ин-т экономических стратегий, 2016.

3 *Кокوشин А. А.* Несколько измерений войны // *Вопросы философии*. 2016. № 8.

В данном разделе с позиций постнеклассической научной рациональности проведен анализ отдельных технологий информационных войн (управляемого хаоса), отдельных сфер ведения информационных войн (инновационное развитие). Предлагается асимметричный ответ современным информационным войнам через организацию саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

4.4.2. Технологии управляемого хаоса — пример комплексного управления через среду (разрушение субъектности развития)

Сегодня Россия пытается встать на путь выхода из глубокого кризиса, охватившего политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Это проявляется с 2002 г. в призывах ее руководства к обществу, бизнесу и государству перейти на инновационный путь развития, а также в выделении достаточно больших финансовых средств на такое развитие. Однако инновационное развитие топчется на месте. Значит, дело не в деньгах, а в чем-то другом.

Основная причина низких темпов перехода страны на инновационный путь развития связана, на наш взгляд, с недооценкой проблемы субъектности российского развития, в силу чего в ряде случаев проекты носят ярко выраженный характер неконтролируемых бизнес-проектов в интересах узкой группы лиц. В них слабо представлена социальная ориентация на интересы граждан России, которым по закону принадлежат основные ресурсы, используемые в проектах инновационного развития¹.

В то же время иного выбора у страны нет. Инерционный и сырьевой сценарии — путь в пропасть. Только на основе инновационного развития Россия может обеспечить экономический рост, конкурентоспособность, безопасность, достойное качество жизни ее населения, стать одним из мировых лидеров, поэтому жизненно важно набрать должные его темпы.

Ясно и другое: без консолидации всех ветвей власти, интеллектуально-духовной элиты и общества в целом инновационное развитие России обречено на провал. Если раскол между властной элитой и рядовыми россиянами будет углубляться, не помогут никакие проекты.

1 *Ленский В. Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.

Для качественного изменения ситуации нужны новые высокие гуманитарные технологии, а также проекты формирования и организации стратегических субъектов российского развития, что составляет суть вызова интеллектуальным силам страны.

Актуальна проблема анализа технологий разрушения субъектности развития, которые, на наш взгляд, эффективно были применены в России, в частности как технологии управляемого хаоса. Эта проблема нас интересует не для поиска врага или вскрытия какого-либо «заговора», а для детализации технологий разрушения субъектности, для дальнейшей постановки проблемы их нейтрализации и ликвидации последствий. Необходимо остановить процессы разрушения субъектности развития страны и организовать процессы становления субъектности инновационного развития. Сможет ли Россия перестать быть жертвой управляемого хаоса? Сегодня это главный вопрос, определяющий наше будущее.

К истокам понятия «динамический хаос»

Хаос — древнейшая гуманитарная категория мифологии и философии, которая в XIX в. дополнилась естественно-научным пониманием статистического (теплого) хаоса, а в XX в. еще и динамического хаоса в детерминированных системах и когнитивного хаоса в теории сложности.

Любой эволюционный процесс выражен чередой смен противоположных состояний — порядка и хаоса, которые соединены фазами перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации).

И. Р. Пригожин²

Повышенный научный интерес к проблеме хаоса появился под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. (в переработанном виде в 1984 г.) и переведенной в России впервые в 1986 г.

В этой книге, имеющей серьезные философские идеи, но сделанной в основном на материале физики и химии, хаос рассматривался как следствие динамической неустойчивости сложных систем. Понятие сложности явилось центральным

1 Илья Романович Пригожин (Ilya Prigogine, 1917–2003) — бельгийский физик и химик российского происхождения. Иностраный член Академии наук СССР.

в теории хаоса. Новым же явилось давно забытое старое: хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка¹.

Использование парадигмы динамического хаоса позднее было перенесено и на анализ трансформирующегося общества и привлекло внимание многих исследователей. Интерпретация хаоса как системной структуризации нелинейных изменений и бифуркаций позволяет выявлять парадоксы социального развития. Этот подход требует не только формализованного представления, но и адекватного методологического обеспечения².

Важно отметить, что этот подход может использоваться как для социального созидания, так и для асоциального разрушения и геополитических манипуляций.

Исходные посылки и задачи концепции «управляемого хаоса» в мировой экономике и мировой политике

В 1970-е годы стали вырисовываться очертания процессов формирования Нового мирового порядка. Основными идеологами и участниками этих процессов выступили Римский клуб, Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, фабрики мысли типа «Рэнд корпорейшн», Институт Санта Фе и др. Разработанные ими общие принципы были конкретизированы в работе МВФ, Всемирного банка, ВТО и др.³

Фактически без объявления и широкой огласки была организована нового типа мировая война, в которой применялись средства создания в национальных экономиках и социальной сфере *управляемого хаоса*. Предполагается, что в *хаос* превращалась экономическая и социальная жизнь стран, которые становились жертвой этой войны. А сами агрессоры, которые сидели у пульта управления этим оружием, держали хаос в стане противника под контролем, для них он был целенаправленно созданным особым *порядком*.

Этот новый вид боевых действий подробно описал один из его разработчиков и экспертов Стивен Манн, который лично участвовал в создании многих очагов *управляемого хаоса* в разных точках мира (в том числе и в СССР).

1 *Пригожин И. Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М: Эдиториал УРСС, 2000.

2 *Малинецкий Г.* Хаос. Тупики, парадоксы, надежды // Компьютерра. 1998. № 47.

3 *Батчиков С.* Глобализация — управляемый хаос. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=177 (дата обращения: 30.01.2019).

Стивен Манн¹

Он прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создании хаоса» как инструментах обеспечения национальных интересов США. В качестве механизмов «создания хаоса» у противника он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию».

Согласно С. Ману, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего в элите;
- вытеснение ценностей и идеологии².

Эти ключевые положения и реализуются в настоящий момент на постсоветском пространстве в ходе постперестроечных перемен, венчаемых «оранжевыми революциями». Это и создает ту специфическую среду расслабленного национального духа, разлагающегося государства и национально-культурных традиций, в которой весьма комфортно чувствуют себя всевозможные экстремистские движения.

Деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостийных движений (часто имеющих этноконфессиональную окраску) — все это сознательно, на четко и подробно разработанной научной основе внедряемые составляющие «управляемого хаоса», служащие главной цели — демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно, по замыслу глобалистов, прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигает-

1 Стивен Манн (1951) — ключевая фигура в развитии геополитической доктрины «управление хаосом», в том числе и в рамках национальных интересов США.

2 Mann S. R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes (US Army War College Quarterly). V. XXII. 1992. Autumn. P. 62. P. 54–68. Цит. по: Nitzschke M. S. G. United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective.

ся при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и образования).

В основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций на всю духовную сферу человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это — *мировая информационно-психологическая война*. В ходе ее было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культы денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию была резко снижена.

Технологии управляемого хаоса — это новый неконтролируемый в настоящее время международными организациями вид *оружия массового поражения* для установления мирового порядка в интересах стороны, его применяющей. Технологии управляемого хаоса — это инструмент в миропроектной борьбе.

Анализ последствий воздействия данного рода технологий позволяет выделить две основные задачи организаторов их использования.

Во-первых, задача *сокращения численности населения*, не представляющего интерес для организаторов нового мирового порядка. Неолиберальные реформы приводят к демографической катастрофе, снижая рождаемость и вызывая скачок смертности. Сексуальная революция, пропаганда гедонизма и потребительства, индивидуализм резко сокращают рождаемость. Социал-дарвинизм и равнодушие к бедствию ближних лишают людей воли к жизни и подстегивают смертность. Формирование огромного социального дна из нищих, бездомных и беспризорников создало ненасытный механизм «эвтаназии» — эти категории людей быстро умирают. А «дно» втягивает в себя все новые контингенты¹.

Во-вторых, задача *ослабления или разрушения национальных государств*, с перехватом управления этими государствами со стороны транснациональных корпораций, транснациональных преступных синдикатов, наднациональных органов и организаций, подконтрольных инициаторам запуска технологий управляемого хаоса. При решении этой задачи имело место совмещение «мягких форм» технологий управляемого хаоса с варварскими военными агрессиями (например, Югославия, Ирак). Как следствие, эти процессы долж-

1 Батчиков С. Глобализация — управляемый хаос. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=177 (дата обращения: 27.02.2018).

ны вести к концентрации контроля над финансовыми, военными и информационными ресурсами мирового сообщества со стороны организаторов управляемого хаоса.

Аргументом обоснованности такого рода тенденции служат результаты анализа экономических аналитиков, которые показывают, что рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами. Достигается это с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные¹. При этом и национальное государство под давлением международных финансовых институтов начинает служить инструментом такой глобализации — прежде всего, проводя приватизацию и сокращая расходы на социальные нужды и на поддержание таких национальных систем, как наука и культура. Государства же организуют потоки массовой нелегальной миграции рабочей силы, делая ее совершенно бесправной и резко удешевляя ее цену.

Результатом решения двух рассмотренных задач является решение более скрытой, но самой важной для организаторов управляемого хаоса задачи — *разрушения субъектности развития* стран, попавших под воздействие технологий управляемого хаоса. Фактически это скрытая форма уничтожения конкурентов в самых доходных экономических сферах, каковыми в настоящее время и в будущем являются высокие технологии. Уже сегодня доходы от высоких технологий превышают доходы от сырьевой и энергетической сфер, в ближайшие годы разница будет нарастать на порядки.

В центре внимания оказывается именно задача разрушения субъектности развития, поскольку поставленный нами и разделяемый многими специалистами диагноз состояния нашей страны, неспособной в течение более чем двух десятилетий перейти на инновационный курс развития, — бессубъектность российского развития².

1 Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2007.

2 Лепский В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 21.07.2018); Ипполитов К. Х., Лепский В. Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 21.08.2018).

Для того чтобы успешно лечить главную болезнь России — *бессубъектность*, необходимо разобраться в механизмах разрушения субъектности, одним из которых являются технологии управляемого хаоса.

Технологии управляемого хаоса в разрушении субъектности развития России

В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» — создание условий для их развития. В саморазвивающихся рефлексивно-активных средах имеет место система онтологий¹, в которой находят место различные механизмы социальных воздействий: управление (в контексте классической и неклассической науки), организация, модерирование, медиация, поддержка, стимулирование и др.

Сегодня в России исследованы и обозначены механизмы появления болезни «бессубъектности» и разрушения государственности. Это — внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям); доминирование сырьевой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновения в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование для управления страной «извне»; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований и др. Все рассмотренные признаки вписываются в механизмы концепции управляемого хаоса.

Проведенный нами анализ позволил выявить эскиз обобщенной схемы *концепции управляемого хаоса*.

1. Предварительная подготовка к организации «управляемого хаоса», предпочтительно в условиях возникновения острых политических и экономических кризисов.

1 Лепский В. Е. Онтологии субъектно-ориентированной парадигмы управления и развития // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VI Международного симпозиума 10–12 октября 2007 г., Москва / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 59–61.

2. Организация «управляемого хаоса».
3. Формирование новой организованности для внешней управляемости.
4. Частичная потеря внешней управляемости.
5. Антикризисная самоорганизация или дальнейшая хаотизация?

Рассмотрим примеры технологий реализации концепции управляемого хаоса в России с 1990-х годов до настоящего времени.

Предварительная подготовка к организации «управляемого хаоса»

Формирование сети агентов влияния для обеспечения процессов организации хаоса и последующего перехвата управления. Подготовка команды «чикагских мальчиков», в основном из выпускников местных вузов, организация их стажировки в американских университетах. Им дают необходимые знания экономического анализа предприятий и отраслей народного хозяйства с целями их будущей приватизации и покупки транснациональными корпорациями. «Чикагские мальчики» становятся сначала преподавателями в вузах, а потом переходят на работу в правительство, часть из них получают возможность стать олигархами.

Очень важно, чтобы эти люди были небогаты, умны, циничны, алчны и космополитичны. Они не должны любить свою Родину. Они не должны жалеть свою страну. Они не должны охранять и образовывать свой народ, помогать ему. Такие слова, как «совесть», «патриотизм», «помощь» должны быть вычеркнуты из их лексикона и стать ругательными¹.

Одни должны любить себя и свои будущие особняки и яхты. Другие — любить свои безумные идеи и будущие Нобелевские премии. «Чикагским мальчикам» следует избегать популярности и влиять не на народ, а на официальных правителей. Они должны быть догматично преданы идее «разгосударствления экономики», «свободного рынка» а также послушны заокеанским друзьям и международным финансовым организациям.

Подготовительный этап обеспечивал создание кадрового резерва «властной элиты», готовой к разрушению субъектности развития своей страны.

1 Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009.

Организация «управляемого хаоса»

Механизмы разрушения субъектности развития через организацию «управляемого хаоса» рассмотрим в контексте их влияния на параметры простейшей модели субъектов инновационного развития¹. Не претендуя на полноту освещения проблемы, приведем примеры конкретных воздействий, направленных на разрушение в России отдельных базовых качеств субъектности развития (целеустремленность, рефлексия, коммуникативность, свобода влияния на события в стране, способность к развитию).

Нейтрализация целеустремленности развития:

- разрушение сложившейся и как-то работающей системы управления страной, прежде всего за счет внедрения кадрового резерва «чикагских мальчиков» и их лоббирования²;
- инфекция коррупцией, формирование культуры денег³;
- бюрократизация государственной системы⁴;
- отстранение научного сообщества от управления страной и ее развитием⁵;
- актуализация системы мифов: «рынок сам все отрегулирует», «административно-командная система — это зло», «все западные товары лучше отечественных»⁶ и др.

- 1 Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.
- 2 Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.
- 3 Ипполитов К. Х., Лепский В. Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 07.11.2018).
- 4 Батчиков С. Глобализация — управляемый хаос. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=177 (дата обращения: 30.11.208).
- 5 Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Лепский В. Е. и др. Методологические аспекты инновационного развития России // Экономические стратегии. 2010. № 7–8. С. 46–59.
- 6 Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003; Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf> (дата обращения: 17.01.2019).

Блокировка рефлексии:

- массовый экспорт культовых организаций (образовательных – например «Лайф Спринг» и др.; религиозных – например, сайентология и др.)¹;
- экспорт политических технологий «блокировки рефлексии» в избирательные кампании²;
- превращение СМИ в субъектов рыночной экономики³;
- насаждение примитивной массовой культуры⁴ и др.

Разрушение коммуникативных связей:

- индивидуализация через неолиберализм, атомизация общества;
- разрушение связей ближайшего социального окружения (через культовые организации, снижение качества жизни у большей части населения и др.)⁵;
- разрушение транспортных магистралей внутри страны⁶;

- 1 *Лепский В. Е., Степанов А. М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 17.01.2019).
- 2 Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999; *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.
- 3 *Лепский В. Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А. И. Донцова и др. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 19–29. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2002_b.doc (дата обращения: 15.02.2018).
- 4 *Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_1999_d.htm (дата обращения: 15.02.2018).
- 5 *Лепский В. Е., Степанов А. М.* Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 15.02.2018).
- 6 *Лепский В. Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.

- разжигание межэтнических и межконфессиональных противоречий¹;
- чрезмерное расслоение общества на богатых и бедных (создание коммуникативных барьеров)²;
- блокировка противодействия разрыва связей между поколениями³ и др.

Ограничение свободы влияния на события:

- широкое внедрение манипулятивных технологий в избирательные кампании (известны случаи прихода к власти партий, фактически не имеющих программы)⁴;
- насаждение неолиберальной идеологии, а как следствие, индивидуализма и «атомизации» общества⁵;
- насаждение культа денег и системы примитивных ценностей (предложенная З. Бжезинским технология разрушения концепции бытия)⁶;

- 1 *Батчиков С.* Глобализация – управляемый хаос. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=177 (дата обращения: 15.02.2018); *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.
- 2 Там же.
- 3 Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf> (дата обращения: 18.02.2018).
- 4 Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999; *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169–179.
- 5 *Батчиков С.* Глобализация – управляемый хаос. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=177 (дата обращения: 15.02.2018); *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.
- 6 *Ипполитов К. Х., Лепский В. Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 5–27. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 15.02.2018).

- свертывание независимых СМИ¹;
- стимулирование сверхвысокой коррупции и криминализации общества и др.²

Ограничение возможностей развития:

- разрушение отечественной науки и образования³;
- организация системы мероприятий по деиндустриализации страны (разрушительная приватизация довела многие предприятия, в том числе стратегические, до банкротства, они выкупались по демпинговым ценам, после чего либо влачили жалкое существование, либо окончательно разрушались, чтобы не создавать конкуренции транснациональным корпорациям), а также разрушение профессионального образования⁴;
- блокировка контроля за вывозом капитала из страны⁵;
- вовлечение в грабительский вариант кредитной зависимости от международных финансовых систем;
- блокировка противодействия импортной зависимости в жизненно важных сферах;
- призывы руководства страны к модернизации и переводу страны на инновационный путь развития без разработки адекватных стратегий развития и формирования субъектов их реализации⁶;
- блокировка активного участия общества в развитии страны и др.

-
- 1 Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.
- 2 Там же.
- 3 Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Методологические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. 2009. Т. 9. № 1–2. С. 5–28. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2009_1-2.pdf (дата обращения: 26.02.2019).
- 4 Там же.
- 5 Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.
- 6 Методологические аспекты инновационного развития России: Проектно-аналитическая записка Клуба инновационного развития Института философии РАН по итогам работы КИР за 2009 год // Рефлексивные процессы и управление. 2009. Т. 9. № 1–2. С. 5–28. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2009_1-2.pdf (дата обращения: 26.02.2019).

Как следствие системного воздействия на базовые качества субъектности в России была сформирована бессубъектность развития, и прежде всего инновационного развития. Для восстановления субъектности необходимо (но недостаточно) восстановление соответствующих базовых качеств¹.

Формирование новой организованности для внешнего управления.

После выполнения основных задач организации «управляемого хаоса», формирования бессубъектности управления и развития были созданы благоприятные условия для создания «ручной властной элиты» и формирования новой организованности для внешнего управления. Приведем примеры технологий работы с властной элитой:

- активное использование и лоббирование заранее сформированных и ангажированных представителей властной элиты;
- монополизация власти коррумпированными чиновниками.
- установление контроля над властной элитой (мониторинг зарубежных счетов и финансово-экономических нарушений представителей властной элиты и др.);
- активное массовое включение представителей властной элиты в международные общественные структуры (Ротари-клуб, People to People International, фонд Маршалла и др.).

При этом продолжалась активная работа по дальнейшему «оболваниванию» населения. Насаждение примитивной массовой культуры (например, телепередачи типа «Дом-2» и др.). Блокирование законопроектов по наведению порядка в информационной сфере (законопроекты «Об информационно-психологической безопасности», «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» и др.).

Последовательно продолжался развал науки и образования.

Частичная потеря внешней управляемости. Условия «управляемого хаоса», способствуя формированию высочайшей коррупции, создают также предпосылки для усиления властной элиты, которая начинает стремиться к повышению уровня своей самостоятельности. Этому, в частности, способствовали следующие факторы:

-
- 1 Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009; Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf> (дата обращения: 29.03.2018).

- осознание самодостаточности властной элиты;
- осознание потенциальных личных проблем при развале страны;
- озабоченность сохранением своих материальных активов;
- угрозы мирового финансово-экономического кризиса;
- ослабление и отвлеченность на другие проблемы внешнего управляющего.

Как следствие, наблюдается повышение самостоятельности властной элиты.

Антикризисная самоорганизация или дальнейшая колонизация?

Мировой финансово-экономический кризис и вовлеченность в военные конфликты в определенной степени отвлекают внимание Запада от России и способствуют созданию благоприятной ситуации для восстановления субъектности развития. У страны появляется шанс вырваться из объятий стратегов «управляемого хаоса».

Сможем ли мы им воспользоваться и стать одним из лидеров инновационного развития? Если нет, то нам уготована участь сырьевого придатка, фактически статус колонии, реальная потеря суверенитета.

Особенности использования технологий управляемого хаоса в других странах

В России технологии управляемого хаоса носили относительно более мягкий и долгосрочный в реализации характер, чем в ряде других стран, что определялось в значительной степени наличием ядерного оружия и объектов повышенной опасности.

Специфика использования технологий управляемого хаоса на Украине связана с ориентацией на разжигание национализма, что создало возможности организации более динамичных процессов разрушения субъектности развития, чем в России.

Специфика использования технологий управляемого хаоса в Косово была связана со столкновением на небольшой территории больших проектов и интересов, стоящих за ними субъектов (проект «Великая Албания», исламский проект, мафиозный проект наркотрафика, террористический проект, военно-энергетический проект)¹.

В Ираке, Афганистане, Югославии, Грузии, африканских странах, Сирии была также своя специфика, однако полученный результат везде одинаков: разрушение или попытки разрушения субъектности развития.

¹ Овчинский В. С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики: Аналитический доклад. М.: Инфра-М, 2008.

Почему система национальной безопасности России адекватно не реагировала на технологии управляемого хаоса?

В России концепции, доктрины и законы национальной и отдельных направлений безопасности базируются на понимании безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Такое понимание безопасности отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем, сложившуюся в нашей стране в середине прошлого века (см. подраздел 4.2.1).

Эти установки позволяют оставлять вне внимания системы национальной безопасности главный фактор выживания страны в современных условиях — способность к развитию.

Очевидно, что в начале XXI в. эти установки архаичны; остро встает проблема формирования современного методологического обеспечения национальной безопасности России, поскольку она для своего сохранения должна становиться на путь интенсивного развития.

«Стратегия национальной безопасности до 2020 года» ориентирована сделать шаг на установление взаимосвязи проблем безопасности и развития. «Главную идею этого документа можно кратко определить как безопасность через развитие», — так сформулировал сущность Стратегии Д. Медведев на заседании Совета Безопасности 24 марта 2009 г. В тексте самой Стратегии сказано, что «концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. и Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года».

Однако эти позитивные установки остаются не обеспеченными реальными планами и ответственными субъектами их осуществления. Более того, в Стратегии неадекватно оценивается сложившаяся ситуация как в стране так и в мировом сообществе, что находит свое отражение в утопических прогнозах ближайшего будущего России. Сетую на «низкие темпы перевода национальной экономики на инновационный тип развития», авторы Стратегии, похоже, не знают, что такой «перевод» еще даже не начат (хотя и продекларирован высшим политическим руководством)¹.

¹ Кортунюв С. В. Россия в мировой политике после кризиса // Мировая политика в условиях кризиса: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. С. В. Кортунюва. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 398–401.

Как следствие, этот документ не позволяет адекватно реагировать на бурные изменения современного мира, которые бросили вызов сложившимся в XX в. концепциям безопасности социально-экономических систем. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, процессами глобализации, снижением роли государств и увеличением роли «скрытых» субъектов социального управления. Указанные изменения в XXI в. становятся фундаментальными, поэтому и способность систем к изменениям должна быть все более глубокой и масштабной.

Нами с позиций субъектно-ориентированного подхода было предложено рассмотрение проблем безопасности в неразрывной связи с проблемами развития¹.

Обеспечение *безопасности социальных субъектов* — это обеспечение их способности к социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность их проектов жизнедеятельности и развития.

Обеспечение *национальной безопасности* — это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических проектов.

В настоящее время принято выделение частных направлений безопасности с привязкой к сложившимся областям знания: экономическая, военная, информационная безопасность и др. Такой подход вызывает справедливую критику у ряда специалистов по безопасности. Предлагаемый пересмотр понятия безопасности предопределяет и иные основания для выделения направлений безопасности, ориентированных на способность субъектов к социальному воспроизводству и развитию. Например, онтологическая, идентификационная, инновационная, рефлексивная и др.

Выводы

В последние десятилетия все чаще приходится констатировать организацию в крайне короткие сроки бессубъектности развития в различных странах мирового сообщества. Причины ее возникновения в каждом конкретном случае имеют свою специфику, однако во всех случаях просматриваются некоторые общие черты, которые можно объединить в рамках концепции управляемого хаоса. Происхождение этой концепции обусловлено тем, что, под эгидой привнесения

¹ *Лепский В. Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

«демократии», организаторы настойчиво выстраивают на свое усмотрение мир, не гнушаясь для достижения своих целей прибегать к созданию в «непослушных-недозревших» странах и регионах режима управляемого хаоса.

Организаторы (пользователи) управляемого хаоса ориентированы, на наш взгляд, на достижение двух основных целей: перехват управления в стране или регионе и блокирование потенциальной и реальной способности к развитию, прежде всего инновационному развитию.

Фактически «концепция управляемого хаоса» — это новая форма колониальной политики, превращение ряда стран в обслуживающий придаток «избранных» государств или сообществ. При этом предполагаются и реализуются неравноправные, грабительские отношения товарообмена и присвоения собственности «колоний». В конечном итоге результатом применения «концепции управляемого хаоса» является организация «бессубъектности» в стране или регионе, на которые направлены воздействия организаторов «управляемого хаоса».

Негативные последствия от воздействия такого «мягкого» оружия по масштабам вполне соизмеримы с принятыми представлениями о воздействии оружия массового поражения. Использование технологий управляемого хаоса явно противоречит принятым международным нормам о невмешательстве во внутренние дела государств. Эти аргументы дают основания для постановки проблемы запрета и организации международного контроля над использованием технологий управляемого хаоса. Россия в последние десятилетия была активным инициатором правового регулирования в сфере международной информационной безопасности, сегодня она могла бы выступить также инициатором в сфере международного правового регулирования использования технологий управляемого хаоса.

4.4.3. Технологии информационных войн в сфере инновационного развития

Интенсификация информационных войн за доминирование в инновационной сфере

Успешное ведение информационных войн и противостояние информационной агрессии в условиях кризиса переходного периода глобальной трансформации мира невозможно без учета стратегических вызовов, анализа трендов и сценариев развития общества. На нача-

ло XXI в. основным источником экономического роста и аккумулятором развития были определены инновации, высокие технологии и интеллектуальная составляющая труда, знания¹. Ведущие страны мира стали форсировать научно-техническое развитие, чтобы не только первыми выйти из неопределенности кризиса, но и удержать лидерские позиции в ближайшем будущем². Таким образом, инновации стали одним из основополагающих факторов суверенитета государства, что, естественно, привлекло внимание со стороны специалистов по информационному противоборству и «soft power».

Интенсификация информационных войн в инновационной сфере связана со следующими трендами:

- доходы от экспорта высоких технологий в настоящее время превышают доходы от торговли сырьем, и далее разрыв будет только увеличиваться;
- национальная безопасность и обороноспособность государств оказывается в сильной зависимости от развития высоких технологий;
- доминирование в инновациях информационного пространства оказывает существенное влияние на потенциальные возможности доминирования в экономике и политике.

Доля инноваций и высоких технологий в отраслевой структуре мировой экономики растет примерно на 10–12% в год и постепенно интегрирует в себя нематериальные факторы производства: информация, дигитальность продукта, специфические понятия человеческого капитала как goodwill и т. д. Данный сектор международной торговли по прибыльности и перспективности существенно превосходит сырьевой сектор, что влияет в свою очередь не только на экономическую политику отдельных государств, но и на мировую политику в целом.

Деформация отдельных элементов постиндустриального общества – автоматизация производств, высокие гуманитарные тех-

1 Лепский В. Е., Мельников А. А., Пойкин А. Е. Информационные войны за доминирование в инновационной сфере России и на евразийском пространстве // Информационные войны. 2015. № 4. С. 12–20.

2 Провинцев П. М. Глобальная конкуренция за лидерство в сфере высоких технологий и перспективы реализации парадигмы инновационного развития на пространстве ШОС // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2014. С. 79–85. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book-2014a.pdf> (дата обращения: 30.05.2018).

нологии управления, активная разработка и внедрение технологий NBIC VI технологического уклада (нано-, био-, инфо-, когно-) – приводит к множеству проблем в сферах национальной безопасности и обороноспособности государства, к критической сложности оценки и контроля за технологическим развитием¹. На отрасль ВПК передовые технологии традиционно оказывают сильнейшее воздействие – отставание в перспективных разработках и технологических трендах чревато потерей обороноспособности и суверенитета страны. Как и ранее в истории, на военную сферу национальной безопасности влияют все направления нового технологического уклада – нанотехнологии (современные материалы, робототехника, средства слежения), биотехнологии (создание новых типов биологического оружия, технологий влияния на демографические показатели и состояние военнослужащих и др.), информационные технологии (развивают коммуникационные возможности на поле боя, обеспечивают высокую степень информационной интеграции, синтезируют человека с боевыми машинами вплоть до киборгизации, обеспечивают переход к геоцентрическому ТВД, сетцентрической и гибридной «хаос-войне», а также войне в зоне «технологической сингулярности» и т. д.). Отставание в любом из направлений критично и ставит под сомнение возможность суверенного существования государства.

Пространство инноваций и высоких технологий в виду реалий перехода от однополярности к взаимодействию нескольких центров сил и необходимости гармонизации таких отношений становятся одним из важнейших театров информационных войн. Доминирование в инновациях самого информационного и виртуального пространства становится решающим фактором контроля и сохранения лидерства той или иной страны. Информационное воздействие на фондовые и валютные рынки, акции технологических компаний, подконтрольность СМИ, технологии информационного воздействия на руслу технологического развития, противоборство методами «soft power», агенты влияния, использование когнитивного оружия, патентные войны, ложная статистика, дезинформация о тех или иных технологических открытиях – все это позволяет контролировать не только инновационный сектор, но и влиять на экономическое развитие всего государства, а значит, и на его политику, общество. Такое влияние ведется на нескольких уровнях – от тех-

1 Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

нологической конкуренции и шпионажа до информационного противоборства на уровне смыслов и ценностей, лежащих в основе инновационных сред и войн мегапроектов в битве за ресурс Будущего.

Основные направления информационных войн за доминирование в инновационной сфере. Информационные войны за доминирование в инновационной сфере могут быть сфокусированы по трем основным направлениям:

- разрушение субъектности инновационного развития;
- разрушение среды инновационного развития;
- скрытое управление тематикой инновационного развития.

Разрушение субъектности инновационного развития. Главной целью информационной войны в инновационной сфере является деформация субъектности развития страны. Основными симптомами данной болезни являются: блокировка рефлексии; отсутствие целей, образа будущего, стратегии; отсутствие ценностей и этических основ в действиях власти либо их несоответствие интересам страны и народа; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться на нее, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать¹.

Механизмы разрушения субъектности развития разнообразны. Технология управляемого хаоса — один из наиболее эффективных механизмов². Эти механизмы ориентированы на деформацию основных качеств субъектности развития (целеустремленность, рефлексия, коммуникативность, консолидация и доверие государства, бизнеса, общества, способность к развитию). В инновационной сфере эти разрушения проявились в отрыве инновационного развития от развития страны (экспорт технологий в чужие экономики), разрушении наиболее эффективных субъектов инновационного развития, институтов генеральных конструкторов, разрушении целостной линейной

1 *Лепский В. Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 12.08.2018).

2 *Лепский В. Е.* Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4. С. 69–78. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 12.08.2018).

модели инновационного развития. И что еще крайне важно для инновационного развития — в дезинтеграции связей и разрушении пространства доверия между государством, бизнесом и обществом.

Разрушение инновационной среды развития. Негативное воздействие на инновационную среду¹ развития ведется во многом общими инструментами с разрушением субъектности развития, поскольку в концепции постнеклассической рациональности среда рассматривается как метасубъект:

- разрушение системы управления и сокращение роли государства;
- исключительно рыночный подход к инновационной деятельности только с количественными финансовыми показателями, отсутствие конкретных целей, задач и образа будущего;
- разрушение линейной модели инновационного развития (фундаментальная наука — прикладные НИИ — практика, производство, бизнес);
- создание технопарков в отрыве от производственных мощностей или от фундаментальной науки, что позволяет использовать такую фрагментированность инновационной среды крупным корпорациям: скупать отдельно лаборатории, производства, людей и выстраивать систему уже на своем корпоративном уровне;
- деиндустриализация страны;
- разрушение науки и ее недостаточное финансирование;
- разрушение системы образования;
- оторванность образовательных программ от запросов реальности и тем более будущего;
- технологии «утечки мозгов» — даже в разрушенной образовательной среде находятся талантливые и перспективные молодые люди и ученые, «трансферт» которых в ТНК и крупные компании развитых стран также осуществляется инструментами «мягкой силы» в информационной среде.
- подмена смыслов (переход от жанра фантастики, будущего и технологий к жанру фэнтези, архаике средних веков и магии). Сбой коммуникативных процессов в обществе (между поколениями, культурами, религиями, субкультурами) приводит к атомизации общества, что вкупе с насаждением меркантильных интересов порождает процессы занятия научно-техническим твор-

1 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 12.01.2019).

чеством для денег, для личных благ, а не в интересах развития общества, страны, мира.

Разрушение среды инновационного развития и фрагментация технологических производств гарантированно убирают страну-жертву информационной агрессии с позиций суверенного государства, с которым нужно считаться. При отсутствии среды у государства не остается возможностей быстро выйти на лидерские позиции, возникают существенные проблемы с экономическим ростом, что влияет и на внутреннюю политику, увеличивает зависимость от стран-партнеров, снижает авторитет на международной арене.

Скрытое управление тематикой инновационного развития. Механизмы и инструменты скрытого управления тематикой инновационного развития наиболее сложны в информационной войне, поскольку для оценки актуальности направлений развития технологий необходима комплексная система мониторинга и анализа научно-технической информации, специальные научные структурные подразделения, активное вовлечение в эти процессы экспертных сред. Скрытое управление инновационным развитием и его тематиками в основном происходит через открытые информационные каналы, новостной контент, экспертную среду. Это создает информационные мемы, которые влияют на сознание и подсознание общественности, что затем проявляется в заданных контекстом направлениях инноваций. Такое управление работает на различных уровнях инновационной среды. Например, агентство передовых оборонных исследовательских проектов при министерстве обороны США (DARPA) публикует в открытых источниках некоторые виды своих разработок, скажем, боевой антропоморфный робот для ведения боевых действий в городской среде. Через заинтересованных лиц — экспертов, аналитиков и т. д. — данная информация доходит до лиц, принимающих решения, в отрасли ВПК России. И в недрах отечественных НИИ и лабораториях начинается разработка «симметричного ответа», более высокотехнологичного, разумеется. Однако такой робот не отличается мобильностью, крайне сложен в управлении (интерфейсы «мозг — компьютер» в таких отраслях наиболее адекватны, но недостаточно технически реализованы), имеет существенные недостатки в виде размеров, тактико-технических характеристиках, стоимости и т. д. Приоритетнее в заданных условиях мог бы быть специализированный беспилотник размером с насекомое, но разработки «увели» в нужное русло соперничества. Это простой пример ложного пути инновационного развития.

Засекречивание ряда исследований также влияет на тематику инновационного развития: специалистов готовят в рамках известных концепций и научных разработок, значит, отдельные сектора, засекреченные, могут вообще не быть реализованными в других странах.

Заданные тренды общественных дискуссий — еще более влиятельный инструмент скрытого управления. Например, не очень принято рассматривать социальные и гуманитарные инновации, в отличие от технических («брендовые» НБИК-технологии). В связи с этим целый пласт социогуманитарных технологий и инноваций не прорабатывается и не финансируется на должном уровне.

Задание определенных общественных интеллектуальных течений, с определенным образом будущего, работает также на того или иного стейкхолдера данных концепций. Если в обществе будут сильны настроения «зеленых», то это приведет к закрытию определенных технологических разработок, к приоритету экологических и биотехнологий над ядерными и др. Идеология трансгуманизма приведет к развитию информационных технологий, синтезу био- и нанотехнологий в области исследований человека, мозга и т. д., к экспериментам над психосферой человека. Но промышленные нанотехнологии или космические исследования отойдут на второй план.

Скрытое управление тематикой инновационного развития происходит также и на управленческом, прикладном уровне, не только через информационные и ментальные конструкты. Через коррупционную систему в любом государстве можно профинансировать те или иные деградиционные процессы в образовании и науке; через СМИ, «грантоедов», ученых, чиновников, вузы можно задавать в законодательных документах, планах, тезисах, программах «приоритетные» направления для страны. Через патентное регулирование контролировать те или иные технологии, регулировать общественное отношение к науке и изобретательству. Через финансовую накачку компаний и брендов обозначать успешные отрасли (например, сфера IT имеет огромную капитализацию, но только на финансовом рынке; как сектор потребительской экономики данные технологии стабильно убыточны, но их все старательно развивают).

Важнейшее направление связано со скрытым управлением инфраструктурами инновационной сферы. В российских реалиях это особенно четко проявляется в использовании когнитивного оружия, навязывании через экспертов и СМИ инфраструктурных образований, ориентированных исключительно на рыночную экономику, а не на продвижение инноваций, ориентированных на конкретные

потребности российской промышленности. Это отчетливо просматривается в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., в проекте «Сколково», в продвижении инжиниринговых центров, оторванных от стратегических ориентиров страны и интеграционных процессов на евразийском пространстве. Как следствие, российские инновации начинают обслуживать в первую очередь чужие экономики¹.

Бессубъектность инновационного развития — основная причина незащищенности в информационных войнах

Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников процесса развития — государство, общественные и политические сообщества, социальные институты. В инновационной сфере признаки бессубъектности отчетливо проглядываются в отрыве сферы инноваций от стратегических интересов российского развития, в замещении институтов и структур бизнес-проектами, в тотальной монетаризации и либерализации научно-технического процесса, коррупции, отсутствии социальной рефлексии («все за нас решат»), государственной субъектности (подчинение и переподчинение, бюрократизация) и размытости целей (без образа желаемого будущего не будут работать никакие стратегии). Также характерными чертами инновационной сферы являются тотальное заимствование западных схем управления и форматов инфраструктуры (зачастую давно устаревших и не соответствующих современным реалиям), постоянное реформирование научной и образовательной сфер, законодательное создание благоприятной среды для ангажированности, коррупции и проникновения заинтересованных лиц в процессы инновационного развития страны. Эти признаки констатируются не только аналитиками и экспертным сообществом, но уже и общественностью.

Вышеперечисленные особенности способствуют хаотизации научно-технической сферы государства, высвечивают слабые места системы и позволяют беспрепятственно вести информационную агрессию против нашей страны. Еще печальнее, что основные стратегические документы страны, задающие ориентиры для инновационного развития, также заражены бессубъектностью, что делает их как минимум бесполезными. В рассматриваемом контексте про-

1 *Ленский В. Е.* Методологические основы совершенствования стратегии инновационного развития России // *Экономические стратегии.* 2016. № 1. С. 6–15.

анализируем три стратегических документа, задающих горизонты экономического и инновационного развития, а также национальной безопасности.

Первоочередные задачи в обеспечении защищенности от деструктивных информационных воздействий на инновационную сферу России

Очевидно, что необходимо сконцентрировать усилия на создании специализированных структур и совершенствовании методологии и технологий информационной безопасности и противоборства. Однако для успешного решения проблемы обеспечения защищенности от деструктивных воздействий инновационной сферы России этого явно недостаточно. Проблема комплексная, неразрывно связанная с системным кризисом страны, о чем убедительно свидетельствует критический анализ базовых стратегических документов. В центре внимания руководства страны и общества должна быть поставлена проблема формирования субъектности развития, в том числе и субъектности инновационного развития страны.

Главная задача в сложившихся условиях должна быть связана с построением «стратегической вертикали власти», способной перейти к стратегической проектной работе по развитию страны. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные технологии (социогуманитарные) и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России, которые оказались не готовы к их решению и уступили в очередной раз чиновникам право бесконтрольного управления страной.

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития. Необходимо срочно найти или сформировать субъектов, способных взять на себя эти функции и продуктивно их реализовать.

За прошедшие десять лет проведены научные исследования и разработаны на основе субъектно-ориентированного подхода социогуманитарные технологии, которые могли бы лечь в основу формирования субъектности российского развития и обеспечения перехода страны на инновационный путь развития.

Первоочередные задачи в обеспечении защищенности от деструктивных информационных воздействий на инновационную сферу евразийского пространства

Интеграционные процессы на евразийском пространстве создают как предпосылки для синергичной организации инновационного развития, так и предпосылки для усиления влияния деструктивных воздействий на инновационную сферу¹. Потенциально возможные конфликты инновационных интересов участников интеграционных процессов могут провоцировать внутренние информационные противоборства, а также создавать благоприятные условия для реализации внешних деструктивных воздействий.

Для успешной организации защищенности инновационной сферы на евразийском пространстве от деструктивных информационных воздействий ключевое значение имеют технологии «сборки субъектов» совместного развития². Опора исключительно на рыночные механизмы сборки субъектов не позволит создать эффективные механизмы защиты от внешних и внутренних информационных угроз инновационному развитию. К сожалению, в настоящее время явно доминирует рыночный подход к инновациям на всех интеграционных площадках евразийского пространства. Например, в ШОС в центре внимания обеспечения инновационного развития оказались инжиниринговые центры. Они решают важные задачи, но вне рассмотрения оказываются вопросы, принципиально влияющие на информационную защищенность инновационной сферы. Как связаны инновационные проекты с развитием конкретных субъектов ШОС и ШОС в целом и какие угрозы они создают для них? Как воспримет население конкретный инновационный проект на пространстве ШОС? И многие другие вопросы, в том числе социогуманитарные.

Принципиально важным для обеспечения защищенности от деструктивных информационных воздействий на инновационную сферу является обеспечение целостности процессов управления ин-

1 *Малинецкий Г. Г.* Развитие инновационных структур на евразийском пространстве в гуманитарном контексте // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2014. С. 65–78. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book-2014a.pdf> (дата обращения: 27.01.2019).

2 *Лепский В. Е.* Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf> (дата обращения: 24.09.2018).

новационным развитием, формирование субъектности развития, в том числе и инновационного развития на евразийском пространстве. Для решения этой проблемы необходима разработка адекватной методологии, критериев, моделей общего информационного пространства и технологий управления такого рода процессами.

С проблемой защищенности инновационной сферы от деструктивных инновационных воздействий оказывается неразрывно связана защищенность важнейшей социогуманитарной инновации на евразийском пространстве. Суть этой инновации в том, что нельзя ограничиваться рассмотрением интеграционных проектов на евразийском пространстве как региональных. В современном мире с ярко выраженной однополюсностью нет гарантий безопасности любого регионального проекта, организаторы которого могут быть невзначай отнесены либо к «оси зла», либо к субъектам с недостаточной степенью развития «демократии», либо к носителям какого-либо вида оружия массового поражения, либо просто не понравиться...

Гарантии суверенитета субъектов-участников совокупного интеграционного проекта могут быть обеспечены при обязательном представлении его как миропроекта. При этом одна из основных целей должна быть ориентирована на *установление паритетного баланса мировых центров влияния*¹.

Создание метасубъекта коллективного развития позволит каждому субъекту видеть вектор развития целого и проекцию на него своего вектора развития, позволит создавать форматы и механизмы защиты как внутреннего пространства каждого субъекта (от коррупции, враждебной идеологии, искаженной картины мира), так и внутренней среды самого объединения (культурные, национальные, элитные разногласия). А гармония и целостность метасубъекта позволит формировать эффективные инструменты защиты от информационных войн во внешней среде, что позволит легче договариваться и согласовывать интересы с другими акторами мировой политики.

Это никоим образом не должно пониматься как стремление к конфронтации со сложившимися лидерами мирового сообщества, наоборот, это позволит гармонизировать мир и способствовать установлению партнерских отношений с теми, кто сегодня рассматривает международные отношения через призму субъект-объектных

1 *Лепский В. Е.* Субъектно-ориентированный анализ проблем интеграционного проекта для Евразии // Развитие и экономика. 2012. № 2. С. 108–115.

представлений, через сложившиеся в их интересах механизмы «неэквивалентного обмена».

К настоящему времени создан определенный научный задел, который в короткие сроки может быть доработан для старта пилотного проекта. Предлагаемый подход обеспечит гармонию развития и безопасности, что позволит успешно решать задачи защиты от деструктивных информационных воздействий на евразийском пространстве.

Выводы

Становление инноваций одним из основополагающих факторов развития и обеспечения суверенитета государств способствовало интенсификации информационных войн за доминирование в инновационной сфере, которые сфокусированы по трем основным направлениям: разрушение субъектности инновационного развития; разрушение инновационной среды развития; скрытое управление тематикой инновационного развития.

Бессубъектность развития – основная причина незащищенности в информационных войнах за доминирование в инновационной сфере. Базовые российские стратегические документы не содержат убедительных аргументов для становления России на путь инновационного развития в интересах сохранения ее суверенитета и процветания, а проблемы защиты от деструктивных воздействий на инновационную сферу в этих документах вообще не рассмотрены.

Явно недостаточно сконцентрировать усилия на создании специализированных структур и совершенствовании методологии и технологий информационной безопасности и противоборства. Проблема комплексная, неразрывно связанная с системным кризисом страны, о чем убедительно свидетельствует критический анализ базовых стратегических документов. В центр внимания руководства страны и общества должна быть поставлена проблема формирования субъектности развития, в том числе и субъектности инновационного развития страны. Главная задача в сложившихся условиях должна быть связана с построением *стратегической вертикали власти*, способной перейти к стратегической проектной работе по развитию страны. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование.

Для успешной организации защищенности инновационной сферы на евразийском пространства от деструктивных информационных воздействий ключевое значение имеют технологии «сборки субъектов» совместного развития. Опора исключительно на рыноч-

ные механизмы сборки субъектов не позволит создать эффективные механизмы защиты от внешних и внутренних информационных угроз инновационному развитию. Для успешной реализации интеграционных проектов Россия должна преодолеть системный кризис и сформировать адекватную субъектность своего развития. Только после этого на союз с ней с доверием пойдут другие страны, и не ради сиюминутной экономической выгоды, а для долгосрочного развития и обеспечения безопасности своих стран и народов от информационной агрессии.

4.4.4. Асимметричный ответ технологиям информационных войн XXI века: саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды

Социогуманитарные технологии саморазвивающихся рефлексивно-активных сред¹ позволяют обеспечить высокую степень защищенности от негативных (несанкционированных) информационных воздействий в информационных войнах и создают предпосылки для создания позитивных образцов «мягкой силы».

Рассмотрим примеры отдельных социогуманитарных технологий:

- сборка субъектов развития (идентификация общества);
- организация субъектно-ориентированной информационной платформы и критериев развития (прозрачность и гармония развития);
- управление сложностью (прямая демократия, защита от хаоса).

Технологии сборки субъектов развития (идентификация общества)

Одним из важнейших механизмов защиты общества от разрушительных воздействий информационных войн, в частности технологий управляемого хаоса и «оранжевых» революций, является его консолидация. Ее можно рассматривать как сборку субъектов развития в целостного метасубъекта.

В организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред нами учтен опыт технологий сборки субъектов на разных уровнях (индивидуальный, групповой, организаций и др.) в различных ти-

1 *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 23.11.2018).

пах социальных организаций и образ формируемого желаемого совокупного субъекта.

Образ будущего совокупного субъекта задается системой принципов, онтологий и базовых технологий, положенных в основу организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред¹.

Субъектно-ориентированная информационная модель саморазвивающейся среды (полисубъектный конфигуратор)

Организация субъектно-ориентированной информационной модели саморазвивающейся рефлексивно-активной среды (полисубъектного конфигулятора) позволяет актуализировать ряд важнейших параметров сборки субъектов развития. В первую очередь, это обеспечение рефлексивных процессов, актуализация этики стратегических субъектов, формирование пространства доверия, стимулирование социальной ответственности и др. Это в свою очередь обеспечивает фильтрацию и защищенность от негативных информационных воздействий.

Технологии управления сложностью (прямая демократия, защита от хаоса)

Проблематика управления сложностью в информационных войнах в последние годы приобретает все большую актуальность². В традиционных системах управления доминирует иерархический подход, в котором лица, принимающие управленческие решения, подошли к пределу своих когнитивных возможностей в связи с постоянно возрастающей сложностью объектов управления³.

Предлагаемый нами подход к созданию «стратегической вертикали власти» опирается на представления о новых механизмах демократии, адекватных реалиям XXI в., позволяющих динамично сочетать иерархические, сетевые и средовые механизмы управления и развития, успешно справляться с нарастающей сложностью социальных процессов, обеспечить доминирование прямой демократии над представительской. Фактически предлагается идея со-

1 Там же. С. 137–176.

2 *Алексеев А. П., Алексеева И. Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11.

3 *Васильев С. Н., Циркун А. Д.* Предисловие // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2010): Материалы Четвертой международной конференции. 4–6 октября 2010 г., Москва, Россия. М., 2010. Т. 1. С. 4.

здания цивилизованной, контролируемой и поддерживаемой обществом «гармонии развития».

Идея второго контура управления и развития в организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред заложила основы для повышения сложности субъекта управления на основе конвергенции иерархических сетевых и средовых механизмов управления. Это позволяет гибко осуществлять гармонию сложности субъекта и объекта управления. Как следствие, создаются возможности включения разнообразных форм прямой демократии, которая понимается намного шире и разнообразнее, чем право равного голоса для всех субъектов среды¹.

4.4.5. От информационных войн к партнерству: стратегические ориентиры VII социогуманитарного технологического уклада

Кризис экономической детерминации развития

Почему мировое сообщество постоянно оказывается в ситуации «неожиданно» возникающих угроз (ядерной, экологической, демографической, информационной, террористической, финансово-экономической)? Каждый раз осознание этих угроз приходит тогда, когда требуются невероятные усилия для их нейтрализации, а порой вообще отсутствуют гарантии успешности их решения.

Ответ прост: *мировое сообщество не свободно в определении своего пути развития!* Атрофированы механизмы рефлексии, позволяющие осознанно организовывать развитие; оно само ограничило свою свободу в силу того, что оказалось в плену стереотипов, преодолеть которые не удалось в прошедшем тысячелетии.

Мировое сообщество не осознает целей и возможностей своего развития, не берет в должной степени ответственности за свои деяния перед жителями планеты и различными социокультурными образованиями, перед Природой и Мирозданием в целом. *Бессубъектность развития* – главная болезнь мирового сообщества².

Сегодня идет большая дискуссия по поводу причин кризиса, по поводу путей выхода. Используется такое понятие, как «инновационная пауза», или «инвестиционная пауза». В настоящее

1 *Лепский В. Е.* Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 42–51.

2 *Лепский В. Е.* Проблемы становления субъектности человечества и модели развития // Развитие и экономика. 2011. Сентябрь. С. 95–101.

время многие ученые, управленцы и политические деятели опираются в построении картин видения будущего на сложившиеся в экономике представления о технологических укладах, связывают теперешнее состояние дел в мире с размышлениями и выводами Н. Д. Кондратьева о длинных циклах. При этом они полагают, что нарастающие темпы VI технологического уклада (нано-био-инфо-когно-) сами собой позволят решить актуальные экономические и социальные проблемы. Такой подход базируется на доминанте каузального подхода (причинно-следственного) и может быть охарактеризован как технократический, осуществляемый под знаменами *экономической детерминации развития*. Все отчетливее проявляются тенденции, дающие основание сделать вывод, что экономика утратила позицию доминирования в конструировании будущего. По мнению Р. С. Гринберга, «экономика и социология сошлись в одном: устройство и функционирование окружающего мира все менее понятно, в нем все больше нелогичности и, следовательно, неопределенности»¹. Все больше внимания уделяется механизмам общественного развития и их влиянию на развитие механизмов экономических².

Нарастающие угрозы человечеству при переходе от IV к VI технологическому укладу

Экономический детерминизм развития порождает также нарастание угроз для человечества при переходе к очередным технологическим укладам. Технологические инновации не проверяются на готовность человечества к их внедрению, на потенциальные последствия для человечества.

Следует также выделить общую угрозу для всех технологических укладов, отстраненность техники и особенно технологий от этического осмысления. Эта точка зрения подвергнута ревизии в рамках постнеклассической науки, и она возвращается в лоно этической проблематики³, но в отношении технологий этого в должной степени еще не сделано⁴.

- 1 Гринберг Р. С. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2011. С. 9.
- 2 Богомолов О. Т. Крупный неэкономический резерв модернизации // Экономические стратегии. 2013. № 1. С. 14–23.
- 3 Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 619–640. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 619–640.
- 4 Лепский В. Е. Этические модели В. А. Лефевра в контексте развития научной рациональности // Философские науки. 2016. № 8. С. 40–53.

Контуры становления VII социогуманитарного технологического уклада

Приведенные соображения дают основания задуматься о границах применимости моделей, базирующихся на циклах Н. Д. Кондратьева, а также о том, какой технологический уклад станет базовым в начале XXI в. На наш взгляд, преодолеть кризис экономической детерминации развития и обеспечить безопасность от нарастающих угроз неконтролируемого инновационного развития в сложившихся технологических укладах можно при переходе к VII социогуманитарному технологическому укладу. Для России такая постановка проблемы развития особенно актуальна, поскольку догнать развитые страны на технократическом пути развития безнадежно, более того, к настоящему времени разрыв только увеличивается. Надо не догонять, а опередить и стать лидером технологий следующего поколения¹.

С учетом сложившейся в стране ситуации нами ведется на основе постнеклассической научной рациональности разработка по следующим направлениям совершенствования социогуманитарных технологий: становление постнеклассической кибернетики саморазвивающихся рефлексивно-активных сред (кибернетики третьего порядка)²; стратегического проектирования и стратегического аудита³; сборки субъектов развития⁴; совершенствования системы

- 1 Лепский В. Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад – адекватный ответ технологическим вызовам XXI века // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1010–1021.
- 2 Лепский В. Е. Экономическая кибернетика саморазвивающихся сред (кибернетика третьего порядка) // Управленческие науки. 2015. № 4. С. 22–33; Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf (дата обращения: 07.12.2018).
- 3 Лепский В. Е. Методологические основы организации субъектно-ориентированного стратегического аудита // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012. № 1. С. 85–96. URL: <http://elibrary.ru/download/11942880.pdf> (дата обращения: 17.12.2018).
- 4 Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Изд-во Института философии РАН, 2010. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 25.12.2018); Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).

национальной безопасности¹; институционализация разработки и внедрения социогуманитарных технологий VII уклада² и др.

Преодоление бессубъектности развития человечества является главной задачей VII социогуманитарного технологического уклада. Сборка субъектов развития в масштабах мирового сообщества — необходимая для его выживания задача³. Россия может стать лидером решения этой задачи, что позволит ей стать мировоззренческим лидером в организации мирового сообщества и, как следствие, лидером в сфере высоких технологий, а соответственно, и в экономике. Поскольку экономика будет встраиваться в новые формы жизнедеятельности.

Постнеклассическая методология саморазвивающихся рефлексивно-активных сред ориентирована на гармонию развития всех субъектов, включенных в полисубъектную среду (метасубъекта), на социальную ответственность и социальную справедливость на основе активной включенности общества в механизмы его жизнедеятельности и развития.

Такой подход позволит учесть интересы справедливости (исламский мир) и интересы гармонии (Китай), что будет служить основой для сборки мирового сообщества. Цивилизованному Западу придется померить свой пыл в ориентации на потребительскую политику в отношениях с другими странами, политику жесткой глобализации и навязывания своих устаревших образцов англосаксонской демократии.

Как следствие, масштабы информационных войн будут сокращаться, на их место придут процессы стратегического партнерства всех субъектов мирового сообщества.

1 *Лепский В. Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

2 *Лепский В. Е.* Исходные посылки к становлению социогуманитарной эргономики стратегического проектирования // ЧФ: Проблемы психологии и эргономики. 2011. № 3. С. 29–35. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2011_a.pdf (дата обращения: 23.11.2018).

3 *Лепский В. Е.* VII социогуманитарный технологический уклад (преодоление экономической детерминации развития) // Национальная безопасность России в глобализованном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития: Сборник трудов международной научной конференции. В 2 ч. / Под общ. ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2015. Ч. 1. С. 38–42.

Дело за малым: Россия должна осознать свою историческую роль в масштабах человечества, опереться на адекватный задаче культурный потенциал и стать лидером мирового развития. И тогда информационные войны останутся в воспоминаниях прошлых поколений.

Именно в России существуют возможности разработки перспективных социогуманитарных технологий VII уклада в связи с тем, что общество устало от революционных переворотов, но одновременно присутствует общая неудовлетворенность существующими социальными институтами и проектами.

4.4.6. Выводы

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается парадигма «субъект—полисубъектная саморазвивающаяся среда» («субъект—метасубъект»). Как следствие, в информационных войнах расширяется спектр объектов воздействия (традиционные ценности, культура, идентификационные процессы, сложившиеся формы жизнедеятельности, механизмы управления и др.), расширяется спектр технологий управления (управляемого хаоса, мягкой силы, несилowych форм свержения режимов и др.), комплексно используются разнообразные виды войн (информационные, силовые, экономические и др.).

С позиций постнеклассической научной рациональности проведен анализ отдельных технологий информационных войн (управляемого хаоса), отдельных сфер ведения информационных войн (инновационное развитие). Предложен асимметричный ответ современным информационным войнам через организацию саморазвивающихся рефлексивно-активных сред и становление России лидером VII социогуманитарного технологического уклада.

4.5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение эволюции представлений об управлении в контексте научной рациональности позволило сформировать целостное видение технологий управления в информационных войнах.

Становление парадигмы *субъект—саморазвивающаяся полисубъектная среда (субъект—метасубъект)* неразрывно связано со становлением субъектно-ориентированного подхода. Этот подход является органичным развитием субъектно-деятельностного подхода с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде и с уменьшением внимания к деятельностной составляющей в связи с резким снижением влияния нормативных компонент на действия субъектов в условиях современной реальности.

В контексте научной рациональности четко просматривается и эволюция видов управления — от классического управления к «мягким» видам управления через социальные среды. Принципиальные изменения происходят и в моделях управления, особенно яркие изменения в макромоделях социальных систем — от доминирования математических моделей к человекообразным моделям с широким использованием математических моделей.

Особое внимание в монографии уделено анализу технологий в информационных войнах в контексте неклассической и постнеклассической научной рациональности.

В контексте неклассической научной рациональности детально рассмотрены рефлексивные технологии в информационных войнах, технологии игрового подхода и сетевые технологии.

С позиций постнеклассической научной рациональности проведен анализ отдельных технологий информационных войн (управляемого хаоса), отдельных сфер ведения информационных войн (инновационное развитие). Предложен асимметричный ответ современным информационным войнам через организацию саморазвивающихся рефлексивно-активных сред и становление России лидером VII социогуманитарного технологического уклада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение эволюции представлений об управлении в контексте научной рациональности позволило сформировать целостное видение процессов формирования представлений об управлении и выявить тренды развития.

Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами невозможно без поиска концептуальных основ управления, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания, связанных с проблематикой управления, и организации модерирования их совместной деятельности. Эти задачи находят свое отражение в трансдисциплинарном подходе в проблематике управления.

Рассмотрены взаимосвязанные аспекты анализа: философский, методологический, теоретический, методический. Философский уровень: типы научной рациональности — классический, неклассический, постнеклассический; базовые обеспечивающие философские направления. Методологический уровень: базовые парадигмы — субъект—объект, субъект—субъект, субъект—метасубъект; субъектные подходы — деятельностный, субъектно-деятельностный, субъектно-ориентированный; объекты управления — сложные системы, активные системы, саморазвивающиеся человекообразные системы; дисциплинарные подходы — монодисциплинарный, междисциплинарный, трансдисциплинарный. Теоретический уровень — базовые обеспечивающие области знания. Методический уровень — базовые виды, модели, механизмы и технологии управления.

Обоснование валидности предлагаемой модели эволюции и развития проблематики управления планируется осуществить через соотнесение разработанных представлений с конкретными практическими сферами управления: техническими сложными системами, автоматизированными системами организационного управления, экономикой и политикой, наукой и образованием и др.

В контексте научной рациональности четко просматривается и эволюция видов управления от классического управления к «мягким» видам управления через социальные среды. Принципиальные изменения происходят и в моделях управления, особенно яркие изменения в макромоделях социальных систем — от доминирования математических моделей к человекообразным моделям с широким использованием математических моделей.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку.

В контексте постнеклассической научной рациональности имеет место интеграция механизмов обеспечения целостности управления, характерных для всех видов научной рациональности. Соответственно, используются три механизма обеспечения целостности – целевой (классика), сетевой (неклассика) и метасубъектный (постнеклассика). Этим механизмам соответствуют три формы обеспечения целостности управления: иерархическая, сетевая и средовая.

На основе постнеклассической научной рациональности разработаны и представлены в монографии философско-методологические основания и модель кибернетики саморазвивающихся рефлексивно-активных сред (кибернетики третьего порядка). Этот подход прошел апробацию как на российских, так и на международных конференциях. В настоящее время организованы исследования возможностей применения кибернетики третьего порядка для совершенствования системы распределенных ситуационных центров.

В контексте представлений о научной рациональности проведен анализ технологий управления в информационных войнах, особое внимание уделено рефлексивным технологиям. Предложен асимметричный ответ современным информационным войнам через организацию саморазвивающихся рефлексивно-активных сред.

Именно в России существуют возможности разработки и внедрения новых современных подходов к управлению и развитию в связи с тем, что общество устало от революционных переворотов, но одновременно присутствует общая неудовлетворенность существующими социальными институтами и проектами. Россия имеет шанс без революционных катаклизмов выработать адекватные реалиям XXI в. механизмы развития, представления о демократии, задать эталоны для установления справедливости и гармонии в современном мире процветания эгоизма и насилия, стать лидером перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации, лидером VII социогуманитарного технологического уклада.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории «субъект» // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56–74.
- Абульханова К. А.* С. Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.
- Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Бауэр В. П., Зацаринный А. А., Журенков Д. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б.* Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2017. URL: <http://reflexion.ru/Library/Lepskiy2017a.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
- Авдеева З. К., Барышников П. Ю., Журенков Д. А., Зацаринный А. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Савельев А. М., Сильвестров С. Н., Славин А. Б., Славин Б. Б.* Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2018.
- Алексеев А. П., Алексеева И. Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11.
- Алексеева И. Ю.* Общество знаний и перспективы философии управления // Философия управления: методологические проблемы и проекты / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2013. С. 266–285.
- Аносов В. Д., Лепский В. Е.* Исходные посылы проблематики информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 7–11.
- Анохин П. К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. С. 28–29.
- Апресян Р. Г.* Цель и средства // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3340.html> (дата обращения: 12.09.2018).
- Аршинов В. И.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности // Междисципли-

нарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 52–73.

Бауэр В. П., Зацаринный А. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Райков А. Н., Сильвестров С. Н. Прорывное ситуационное управление // Проблемы управления. № 5. 2018. С. 31–38.

Бедрицкий А., Змеевский А., Лепский В., Лыженков А., Петрищев В., Фёдоров А., Успенский Н. Супертерроризм: новый вызов нового века. М.: Права человека, 2002.

Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Березкин Б. С., Дракин В. И., Лепский В. Е. Проблемы психологического обеспечения автоматизированных систем управления // Психологический журнал. 1984. № 4. С. 74–82.

Березкин Б. С., Лепский В. Е., Субботин Ю. А. Имитационное моделирование в инженерно-психологических исследованиях деятельности операторов организационных систем // Методы и средства автоматизации психологических исследований. М.: Наука, 1982. С. 30–43.

Берталанфи фон Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 23–24.

Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993.

Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. С. 113, 242.

Бирштейн Б. И., Боршевич В. И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. С. 27–44.

Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). М.: Книга, 1925.

Богомолов О. Т. Крупный неэкономический резерв модернизации // Экономические стратегии. 2013. № 1. С. 14–23.

Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.

Буданов В. Г., Аршинов В. И., Лепский В. Е., Свирский Я. И. Сложность и проблема единства знания. М.: ИФ РАН, 2018.

Бурков В. Н., Кондратьев В. В. Механизмы функционирования организационных систем. М.: Наука, 1981.

Васильев С. Н., Цвиркун А. Д. Предисловие // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2010): Материалы Четвертой международной конференции. 4–6 октября 2010 г., Москва, Россия. М., 2010. Т. 1. С. 4.

Венда В. Ф. Методологические проблемы адаптивного информационного взаимодействия // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 55–66.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

Воеводин А. И. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции, обмана. 2-е изд., доп. М.: Белые альвы, 2003.

Гареев М. А. Характер будущих войн // Право и безопасность. 2013. № 1–2. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_5_4/htm (дата обращения: 23.09.2018).

Гейсельхарт Х. Обучающееся предприятие в XXI веке / Пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга: Духовное наследие, 2004.

Гермейер Ю. Б. Игры с противоположными интересами. М.: Наука, 1976.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. С. 239–441.

Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 90–105.

Горяинов В. П., Зинченко В. П., Лепский В. Е. Проектирование внешних и внутренних средств деятельности операторов // Эргономика: Труды ВНИИТЭ. М.: ВНИИТЭ, 1976. Вып. 12. С. 125–164.

Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998.

Гринберг Р. С. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2011. С. 9.

Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010.

Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире. Этическая мысль: Ежегодник. М.: ИФ РАН, 2000.

Гусельцева М. С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.

Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.

Диев В. С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 35–41.

Диев В. С. Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник Томского государственного университета. «Философия. Социология. Политология». 2013. № 2 (22). С. 41–51.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо—Изд-во МГУ, 1997.

Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.

Ерешко Ф. И. Моделирование рефлексивных стратегий в управляемых системах. М.: ВЦ РАН, 2001.

Дубровский В. Я., Щедровицкий Л. П. Проблемы системного инженерно-психологического проектирования. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.

Журавлев А. Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 26.12.2018).

Журавлев А. Л., Лепский В. Е. Проблема субъекта в инженерной психологии и эргономике // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 7–16. DOI: 10.31857/S020595920000065–7

Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Принцип активного оператора и распределение функций между человеком и автоматом // Вопросы психологии. 1971. № 3. С. 3–5.

Зацаринный А. А., Ильин Н. И., Колин К. К., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г., Новиков Д. А., Райков А. Н., Сильвестров С. Н., Славин Б. Б. Ситуационные центры развития в полисубъектной среде // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 31–42.

Зинченко В. П., Леонтьев А. Н., Панов Д. Ю. Проблемы инженерной психологии // Инженерная психология. М., 1964, С. 5–23.

Зинченко В. П., Мунипов В. М., Смолян Г. Л. Некоторые теоретические и практические вопросы эргономики // Инженерно-психологические проблемы АСУ. Киев, 1975. С. 3–6.

Информационно-психологическая безопасность избирательных компаний / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Ионов М. Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика: Специальный выпуск / Под ред. В. Е. Лепского. 1994. № 1. С. 44–45.

Ипполитов К. Х., Лепский В. Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 1. С. 5–27. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm (дата обращения: 01.09.2018).

Капра Ф. Дао физики. Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2002.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007.

Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009.

Князева Е. Н. Проблема субъекта в философском конструктивизме // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 70–78.

Кокошин А. А. Несколько измерений войны // Вопросы философии. 2016. № 8.

Комов С. А. О способах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 4 (7–8). С. 18–22.

Кононов Д. А., Кульба В. В., Шубин А. Н. Информационное управление: принципы моделирования и области использования // Труды ИПУ РАН. Т. XXIII. М.: ИПУ РАН, 2004. С. 5–29.

Крамер З. Х., Кайзер Т. Б., Шмидт С. Е., Дависон Дж. Е., Лефевр В. А. От предсказаний к рефлексивному управлению // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 2. С. 35–52. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2003_2.pdf (дата обращения: 23.03.2019).

Кудрин Б. И. (Техно)ценологические основания инновационного развития // Большая энергетика. 2010. № 1 (10). С. 7–11. URL: <http://www.kudrinbi.ru/public/10773/index.htm> (дата обращения: 23.03.2019).

Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 26.

Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010в. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.

Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

Лепский В. Е. О видах рефлексивного управления // Материалы 4-го Всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 371–372.

Лепский В. Е. Инженерно-психологические проблемы организации групповой деятельности операторов: Автореф. дис. М., 1978.

Лепский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Лепский В. Е. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: Сборник статей. Международный симпозиум, 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000а. С. 169–179.

Лепский В. Е. Субъектно-ориентированная концепция компьютеризации управленческой деятельности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2000б.

Лепский В. Е. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 6–33.

Лепский В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002а. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 16.02.2019).

Лепский В. Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. В 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А. И. Донцова, Я. Н. Засурского, Л. В. Матвеевой, А. И. Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002б. С. 19–29. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2002_b.doc (дата обращения: 26.02.2019).

Лепский В. Е. Информационно-психологическая безопасность субъектов дипломатической деятельности // Дипломатический ежегодник – 2002. М.: Научная книга, 2003. С. 233–248.

Лепский В. Е. Субъекты перестройки и перестройка субъектов // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В. И. Толстых. М.: Русский путь, 2005. С. 81–88. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2005a.doc> (дата обращения: 23.12.2018).

Лепский В. Е. Онтологии субъектно-ориентированной парадигмы управления и развития // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VI Международного симпозиума, 10–12 октября 2007 г., Москва / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 59–61.

Лепский В. Е. Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

Лепский В. Е. Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Чет-

вертая международная конференция по проблемам управления. 26–30 января 2009 года: Сборник трудов. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2009а. С. 1302–1308.

Лепский В. Е. Рефлексия в работах Г. П. Щедровицкого и В. А. Лефевра // Рефлексивный подход – от методологии к практике / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009б. С. 27–38.

Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009в. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf> (дата обращения: 30.03.2019).

Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010а. С. 226–245. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Лепский В. Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад – адекватный ответ технологическим вызовам XXI века // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010б. С. 1010–1021.

Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010г. № 4. С. 69–78. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf (дата обращения: 17.11.2018).

Лепский В. Е. Эскиз структуры параметров сборки субъектов и их дескриптивной модели // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: ИФ РАН, 2010д. С. 185–217. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2010-sboroka.pdf> (дата обращения: 12.03.2019).

Лепский В. Е. Механизмы саморегулирования сложностью в рефлексивно-активных средах инновационного развития // Синергетика инновационной сложности / Под ред. В. И. Аршинова, Е. Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2011а. С. 427–442.

Лепский В. Е. Методологические основы стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред // Междисциплинарные проблемы среднего подхода к инновационному развитию / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011б. С. 128–146. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf> (дата обращения: 25.06.2018).

Лепский В. Е. Социогуманитарная эргономика стратегического проектирования российского развития // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 351–368.

Лепский В. Е. Методологические основы организации субъектно-ориентированного стратегического аудита // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012б. № 1. С. 85–96.

Лепский В. Е. Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 42–51.

Лепский В. Е. Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира: К 80-летию академика В. С. Степина / Под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014а. С. 392–420. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy-2014b.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).

Лепский В. Е. Философия и методология управления в контексте развития научной рациональности // XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014. Москва 16–19 июня 2014 г. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2014б. С. 7785–7796. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy-2014d.pdf> (дата обращения: 26.11.2018).

Лепский В. Е. От монодисциплинарности к трансдисциплинарности в эволюции представлений об управлении // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: ИД «Навигатор», 2015а. С. 543–562.

Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015б. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2015.pdf> (дата обращения: 28.09.2018).

Лепский В. Е. Экономическая кибернетика саморазвивающихся сред (кибернетика третьего порядка) // Управленческие науки. 2015в. № 4. С. 22–33.

Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016а. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf> (дата обращения: 25.02.2019).

Лепский В. Е. Инновационное развитие России: философский анализ // Философия науки и техники 2016б. Т. 21. № 1. С. 169–187.

Лепский В. Е. Методологические основы совершенствования стратегии инновационного развития России // Экономические стратегии. 2016в. № 1. С. 6–15.

Лепский В. Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016 г. URL:

<http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016a.pdf> (дата обращения: 16.11.2018).

Лепский В. Е. Этические модели В. А. Лефевра в контексте развития научной рациональности // Философские науки 2016д. № 8. С. 40–53.

Лепский В. Е. От рыночного эгоизма к гармонии субъектов развития (основания социально-экономической кибернетики) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 6. С. 20–23.

Лепский В. Е. Проблема виртуального бессмертия в электронной культуре // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018а. № 3 (34). С. 170–184.

Лепский В. Е. Социогуманитарные тренды в управлении и их влияние на социально-экономическую кибернетику // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018б. Т. 5 (77). № 5. С. 70–73.

Лепский В. Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018в. № 10. С. 7–36.

Лепский В. Е., Задорожнюк И. Е., Пирожкова С. В. Вектор поиска – кибернетика третьего порядка (Обзор международного междисциплинарного научно-практического симпозиума) // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 208–211. DOI: 10.7868/S0042874418060183.

Лепский В. Е., Мельников А. А., Пойкин А. Е. Информационные войны за доминирование в инновационной сфере России и на евразийском пространстве // Информационные войны. 2015. № 4. С. 12–20.

Лепский В. Е., Новиков М. А., Рубахин В. Ф. О влиянии структур «лидер–последователи» на эффективность групповой деятельности // Материалы V Всесоюзной конференции по инженерной психологии. М.: Институт психологии АН СССР, 1979. Вып. 3. С. 130–131.

Лепский В. Е., Рапуто А. Г. Моделирование и поддержка сообществ в Интернете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_Raputo1999.pdf (дата обращения: 16.02.2019).

Лепский В. Е., Степанов А. М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 26.01.2019).

Лефевр В. А. Элементы логики рефлексивных игр // Проблемы инженерной психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. Вып. 4. Ленинград, 1966. С. 273–299.

Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967.

Лефевр В. А. Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования. М.: Наука, 1969. С. 104–110.

Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.

Лефевр В. А. Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. 2002а. Т. 2. № 2. С. 48–51.

Лефевр В. А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. 2002б. Т. 2. № 1. С. 24–26.

Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.

Лефевр В. А. Космический субъект. М.: Когито-Центр, 2005.

Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009.

Лефевр В. А. Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154–157.

Лефевр В. А., Баранов П. В., Лепский В. Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Техническая кибернетика. Известия АН СССР. 1969. № 4. С. 29–33. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2006_2.pdf (дата обращения: 16.02.2019).

Лефевр В. А., Щедровицкий Г. П., Юдин Э. Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции. М.: АН СССР, 1965. С. 141–149.

Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М.: Алгоритм, 2003.

Ломов Б. Ф. Человек и техника (очерки инженерной психологии). Л., 1963.

Луман Н. Самоописания / Пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М.: Логос–ИТДГК «Гнозис», 2009.

Малинецкий Г. Г. Развитие инновационных структур на евразийском пространстве в гуманитарном контексте // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2014. С. 65–78. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book-2014a.pdf> (дата обращения: 16.02.2019).

Малинецкий Г. Г., Курдюмов С. П. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М.: Наука, 2002.

Махнин В. Л. О рефлексивных процессах в противоборстве боевых систем // Информационные войны. 2012. № 3.

Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8.

Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.

Новиков Д. А. Методология управления. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Рефлексивные игры. М.: Синтег, 2003.

Носов Н. А. Психологические виртуальные реальности. М.: Институт человека, 1994.

Овчинский В. С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики: Аналитический доклад. М.: Инфра-М, 2008.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 1998.

Панарин И. Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003.

Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2007.

Петровский В. А. Личность в психологии. Ростов-н/Д., 1996. С. 47.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. М., 1996. С. 176.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

Поспелов Д. А. «Сознание», «самосознание» и вычислительные машины // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969.

Пригожин И. Р., Стенгерс И. Прядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: ИФ РАН, 2010. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf> (дата обращения: 25.08.2018).

Проблема субъектов российского развития: Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16–19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Book2006.pdf> (дата обращения: 26.08.2018).

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965.

Рапопорт А. Что такое рациональность? // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 23–47. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J2002_2.pdf (дата обращения: 22.09.2018).

Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999.

Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009.

Розин В. М., Голубкова Л. Г. Управление в мировом и российских трендах. М.: Либком, 2012.

Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997а.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997б.

Рубцов В. В. Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

Сергеев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. М.: Народное образование, 2009.

Смолян Г. Л., Лепский В. Е. Новые технологии информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание // Проблемы психологии и эргономики. 2001. № 3. С. 18–22.

Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003а. № 8. С. 5–17.

Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003б.

Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт–Институт экономических стратегий, 2016.

Тарасов В. Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 71–89. URL: http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf (дата обращения: 11.02.2019).

Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Пер. с кит. В. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000.

Турко Н. И., Модестов С. А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил как механизм современной геополитики // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 Century: Theory and Practice». М., 1996. Р. 366.

Турчин В. Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: Словарное издательство ЭТС, 2000.

Ухтомский А. А. Письма // Новый мир. 1973. № 1.

Чаусов Ф. Основы рефлексивного управления противником // Морской сборник. 1999. № 1.

Щедровицкий Г. П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектирование (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975. С. 9–177.

Ackoff R. J. Management Misinformation Systems // Management Science. 1967. № 14. Р. 147–156.

Beck U. Reflexive Modernisierung. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1996.

Castells M. The power of identity // Information age, economy, society and culture. V. 2. Blackwell Publishing, 2004. P. 8–12.

Espejo R. Good social cybernetics is a must in policy processes // Kybernetes. 2015. V. 44 (6/7). P. 874–890.

Foerster Heinz von. Cybernetics of Cybernetics. Urbana Illinois: University of Illinois, 1974.

Foerster Heinz von. On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N. Y.: Springer Verlag, 2003.

Kauffman L. H. Cybernetics, reflexivity and second-order science // Constructivist Foundations. 2016. V. 11 (3). P. 489–497.

Lefebvre V. A. Second Order Cybernetics in the Soviet Union and the West // Power, Autonomy, Utopia: New Approaches toward Complex Systems / Ed. Robert Trapp. N. Y.: Plenum Press, 1986.

Lefebvre V. A. Research on Bipolarity and Reflexivity. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2006.

Lefebvre V. A., Sanabria F. Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality // Behavioral Processes. 2008. V. 78. P. 204–209.

Lepskiy V. Decision Support Ontologies in Self-Developing Reflexive-Active Environments // IFAC PapersOnLine. 2018a. V. 51–30 P. 504–509. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.276>.

Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // Kybernetes. 2018b. V. 47. Iss. 2. P. 249–261. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120> (дата обращения: 30.01.2019).

Lepskiy V. Reflexive self-organizing decision support systems for development governance // International Journal of Engineering & Technology. 2018c. V. 7. № 2 (28). P. 255–258. DOI: 10.14419/ijet.v7i2.28.12938.

Lowe J. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg–Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999.

Mann S. R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autumn 1992. P. 62. Цит. по: *Nitzschke M. S. G.* United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective.

- Mann S. R.* Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). V. XXII. Autumn 1992. P. 54–68.
- Müller K. H.* The Multiple Faces of Reflexive Research Designs // Systemics, Cybernetics and Informatics. 2015. V. 13. № 6. P. 87–98.
- Novikov D. A.* Cybernetics: from Past to Future. Heidelberg: Springer, 2016.
- Rogers C. R.* Client-Centered Therapy: its current practice, implications and theory. Boston: Houghton Mifflin, 1951.
- Shelling T. C.* The Strategy of Conflict. Cambridge, Mas., 1963.
- Slater R.* Jack Welch: Wer führt, muss nicht managen. Landsberg–Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999.
- Soros G.* The Alchemy of Finance. Simon & Schuster, 1988.
- Umpleby S. A., Medvedeva T. A., Lepskiy V.* Recent Developments in Cybernetics, from Cognition to Social Systems // Cybernetics and Systems. 2019. V. 50. Iss. 4. P. 367–382. URL: <https://doi.org/10.1080/01969722.2019.1574326>.
- Umpleby S. A.* Second order science: logic, strategies, methods // Constructivist Foundations. 2014. V. 10. № 1. P. 16–23.
- Wiener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, Mas.: John Wiley & Sons Inc., 1948.

АННОТАЦИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Аннотация. Философско-методологический анализ эволюции представлений об управлении проведен в контексте развития научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). Рассмотрена смена базовых парадигм, объектов, видов управления и социогуманитарных трендов развития. Представлены результаты исследований по актуальным научно-практическим направлениям: рефлексивные механизмы управления сложностью; этические аспекты управления; управление саморазвивающимися рефлексивно-активными средами; эволюция технологий управления в информационных войнах; развитие кибернетики от классической кибернетики и кибернетике второго порядка к кибернетике третьего порядка на основе постнеклассической научной рациональности и трансдисциплинарного подхода.

Монография представляет интерес для специалистов гуманитарных, естественно-научных и технических областей знаний, ориентированных на проблемы управления социальными системами, для студентов и аспирантов, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

Ключевые слова: управление, классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность, рефлексия, субъектно-ориентированный подход, саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды, кибернетика третьего порядка, информационные войны.

TITLE, ABSTRACT, KEYWORDS

Methodological and philosophical analysis control development

Abstract. The philosophical and methodological analysis of evolution of ideas of control is carried out in the context of development of scientific rationality (classical, non-classical, post-non-classical). Change of basic paradigms, objects, types of control and socio-humanistic trends of development is considered. Results of researches on the relevant scientific and practical directions are presented: reflexive mechanisms of control of complexity; ethical aspects of control; control of self-developing reflexive- active environments; evolution of technologies of control in information wars; development of cybernetics, from classical cybernetics and second-order cybernetics to third-order cybernetics on the basis of post-non-classical scientific rationality and transdisciplinary approach.

Keywords: control, classical, non-classical, post-non-classical rationality, reflection, subject-focused approach, self-developing reflective-active environments, third-order cybernetics, information wars.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лепский Владимир Евгеньевич
Lepskiy Vladimir Evgenievich

Lepsky@tm-net.ru
<http://www.reflexion.ru>

Главный научный сотрудник Института философии РАН,
доктор психологических наук
<http://iph.ras.ru/lepkiy.htm>

Main Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy
of Sciences, doctor of psychological sciences
<http://eng.iph.ras.ru/lepky.htm>

Научное издание

В. Е. Лепский

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ УПРАВЛЕНИЯ**

Редактор – *Н. А. Калинина*

Оригинал-макет и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Когито-Центр»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7 (495) 540-57-27

E-mail: cogito@bk.ru

www.cogito-shop.com

Сдано в набор 22.05.19. Подписано в печать 27.05.19
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 16,1

Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленных диапозитивов в типографии «Белый Ветер»
Москва, ул. Щипок, д. 28